

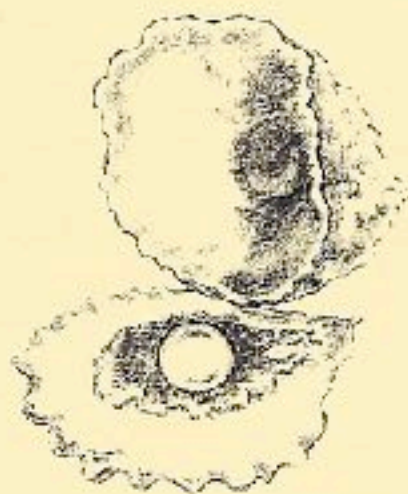
# ЖЕМЧУЖИНА

Литературно-художественный образовательный журнал

«The Pearl» / «Zhemchuzhina» № 20 Brisbane, Australia, October 2004

Жемчужине

5 лет



Брисбен

20



Октябрь 2004 г.

## **“The Pearl” / “Zemchuzhina”**

Literary and Educational Journal in the Russian Language.

Published and printed by the Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”

Brisbane, Australia.

## **«Жемчужина»**

Литературно-художественный образовательный журнал.

Выпуск - 4 раза в год.

## **Copyright © Tamara Maleevsky - The Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”**

This publication is copyright. Apart from any fair dealing for the purposes of private study, research, criticism or review, as permitted under the Copyright Act, no part may be reproduced by any process without written permission of the Editor.

## **National Library of Australia cataloguing-in-publication data**

**“The Pearl” / “Zemchuzhina” - Literary and Educational Journal in the Russian Language**

## **Index**

**ISSN 1443-0266**

Signed articles express the opinions of the authors and do not necessarily represent the opinions of the editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”.

“Zemchuzhina” (“The Pearl”) is a magazine published at the Editor’s own expense as a non-profit publication for the Russian society, consequently, it does not offer any honorariums, stipends or other remuneration to its contributors.

Взгляды, высказываемые авторами в своих статьях, не обязательно совпадают с мнением редакции.

Журнал «Жемчужина» выпускается исключительно на личные средства издателя для русского общества и не преследует коммерческих целей. Следовательно, издатель не выплачивает никаких гонораров, стипендий или иных вознаграждений авторам, труды которых он печатает.

Редакция оставляет за собой право сокращать рукописи и изменять их стилистически.

Рукописи, не принятые к печати, не обсуждаются и не возвращаются.

### **Адрес для связи:**

tmaleevsky10zabelsky@gmail.com

**\* Просьба:** посылая работу по E-mail, обязательно делать пометку - “For Pearl”.

*mobile:* =====

# 5 лет со Дня Рождения \*Жемчужины\*



*Октябрь уж наступил; уж роща отряхает  
Последние листья с нагих своих ветвей.  
Дохнул осенний хлад, дорога промерзает,  
ещё бежит за мельницу ручей,  
Но пруд уже застыл. Сосед мой поспешает  
В отъезжие поля с охотою своей.  
И страждут озими от бешеной забавы,  
И будит лай собак уснувшие дубравы...*



А.С. ПУШКИН.

**О**ктябрь (от латинского слова *octo* восемь) был у римлян восьмым месяцем в году, от чего и получил своё название. Наши предки, замечая в это время падение листьев, называли его Листопадом. В Малороссии он известен под именем Падзерника, так как в это время начинают мять лён и коноплю. И ещё в стародавние годы в народе слыл этот месяц как «назимник». Древнерусская письменность давала следующее цветистое определение временам года:

«Весна наречётся, яко дева украшена красотою и добротою, сияюще чудно и преславне, яко дивитися всем зрящим доброты ея, любима бо и сладка всем...

Лето же нарицается муж тих, богат и красен, питая многи человеки и смотря о своему дому, и любя дело прилежно, и без лености возстая заутра до вечера и делая без покоя...

Осень подобна жене уже старе и богате, и многочадне, овогда дряхлюущи и сетующи, овогда же радуующися и веселящися, рекше иногда печальна от скудности плод земных и глада человеком, а иногда весела сущи, рекше ведрена и обильна плодом всем, и тиха-безмятежна...

Зима же подобна жене – мачехе злой и нестройной и нежалистивой, яре и немилостиве; егда милует, но и тогда казнит; егда добра, но и тогда знобит, подобно трясавице, и голодом морит, и мучит грех ради наших...»

А. Коринфский.

\* \* \*

Пронеслись мимолётные грозы,  
Беззаботные минули дни,  
Словно осенью листья берёзы,  
Незаметно умчались они.  
Всё, что горького в прошлом прожито  
Наболевшей душою моей,  
Хоть на миг было мной позабыто  
Среди этих безоблачных дней...  
Но – конец пышноцветному лету,  
Уж грозит нам седая зима,  
И на смену и зною, и свету,  
Наступает и стужа и тьма.  
Принимайся ж опять за работу  
И за подвиг берись трудовой, -  
Будь готов и печаль и заботу  
Снова встретить отважной душой.



\* \* \*

*Вы не придёте вновь для радостей минувших,  
Минувшей юности заветные мечты...  
Так, поздней осенью безвременно заснувших  
Цветов осенних вновь не явятся листья.  
Другие расцветут роскошней и милее,  
И будет взор их вновь мне душу улаждать,  
И будет, может быть, при них мне веселее,  
Но прежних – никогда мне вновь не увидать...*

Н. Лонский.

К.Р.



От редакции:

## "Жемчужине" 5 лет



Незаметно летит время. Кажется, ещё совсем недавно затевалось создание «Жемчужины». И вот, в октябре 2004 года журналу исполнилось ровно 5 лет с того момента, когда начались первые разговоры, волнения и совещания по поводу выпуска первого номера, когда, наконец, во всю закипела работа...

Конечно, 5 лет в жизни журнала – небольшой срок, но как много случилось за это время! Всё было: и деловые «жемчужные» встречи; и дружеская поддержка авторов-единомышленников, и будущих читателей в Австралии; и новые собратья по перу почти что во всех уголках России; и радость людей, пробуждающих в себе дремлющие таланты. В самом начале «Жемчужине» пришлось выдержать борьбу за молодёжные и детские страницы журнала, и потому – разделять радость и торжество молодых начинающих авторов. Но жизнь «Жемчужины», это также болезнь и горечь утраты лучших сотрудников, которые по духу стали за это время родными. И ещё, это непрерывная, напряжённая работа, неизбежное одиночество, и суеверный, граничащий с «ужасом», панический страх редактора перед достижениями современной техники, без которой невозможно творить «чудеса», и потому – рабская от неё зависимость. Да, да, за 5 лет «Жемчужина» пережила несколько крупных технических катастроф. Но, как говорится, нет худа без добра, и вот, по истечении 5-и лет в редакции появилось, наконец, «прибавление технического семейства». Однако, полагается начинать с самого *начала*. Да только, где оно, это *начало* ?

Как это ни странно, именно на этот вопрос труднее всего ответить. А между тем, в течение вот уже 5-и лет читатели настойчиво спрашивают: «Каким образом на свет появилась «Жемчужина»? Как в условиях русской диаспоры может выжить журнал?» Не обходилось и без курьёзов: оттого, что в журнале никогда не помещались фотографии редактора, как это делается почти во всех периодических изданиях, при встрече люди не знают, чего ожидать. Придут. Постучат. Потом ищут-оглядываются: дескать, думали «старушку-редактора» встретить или, по крайней мере, «мымру-одиночку» с трубочками-бигуди в волосах, которой и делать-то больше нечего в жизни... А совсем недавно этот вопрос сформулировали ещё лучше: «Каким образом в среде старой эмиграции, которая уже исчезает, от которой, можно сказать, совсем ничего не осталось, вдруг такой творческий взрыв?»

Вообще-то всё очень просто. Как у Солоухина: «Пока мы живы, друзья!» - никуда старая эмиграция исчезать не собирается и никакого, собственно, «творческого взрыва» у нас нет и не было. Таланты среди нас всегда были, есть и сейчас. Только многие, как «спящая красавица», дремлют, в ожидании своего пробуждения. Этим и объясняется появление «Жемчужины». А для того, чтобы в условиях русской диаспоры мог выжить журнал, необходимо соблюдать два условия: 1-ое, беззаветная, жертвенная любовь к русскости, потому что только она одна придаёт силы в этом нелёгком деле; и 2-ое, такт и благородный подход к делу. Жизнь «в свободном мире» отнюдь не допускает оскорбления чьих-либо чувств, будь то религиозных или патриотических. Можно не соглашаться, можно обсуждать, можно в конце концов не любить, и стараться создать своё. Но нельзя вести себя в печати дерзко: позволять себе выпады против кого-либо, или оскорблять то, что для других свято, выдавая это за «остроты», «юмор» или ещё что-нибудь в этом роде. По меньшей мере, это говорит о не серьёзном издании, и свидетельствует о не профессиональном и низком культурном уровне автора-издателя, а также о его крайней жизненной близорукости.

В поисках начала основания «Жемчужины» приходится оглянуться назад, потому что идея, что есть на свете что-то *прекрасное*, и что это *прекрасное* надо во что бы то ни стало донести до других, и что так много нужно ещё людям рассказать, жила во мне давно, наверное, всегда. Ещё в 1989-м году, работая в прицерковной школе, учась и преподавая русский язык в университете, я подумывала: «А почему бы не начать издавать ежегодно небольшой школьный журнал?» Делала наброски, фотографии, говорила кое с кем из учителей. Но уже тогда почувствовала, что, из школьного журнал неизбежно перерастёт в нечто большее, должен перерасти, а потому вопросы - «Как? С кем? В какой форме и от чьёго имени?» – по целому ряду причин заставляли серьёзно задуматься и не спешить. Душа тосковала по литературному журналу, но от сожалений, что в Австралии такого нет, легче не становилось. И всё же идея создания *своего* журнала ещё долго не принимала яркого, определённого образа по той простой причине, что выполнить его технически – сложно и дорого, и рассчитывать нужно только на свои силы. Но вот случилось так, что в июне 1999 года случайно удалось купить подержанную копировальную машину «Минолта». К тому времени я уже в точности знала, что хочу: светский литературный журнал, но православный и патриотический. Ведь, русская литература всегда была неразрывно связана с историей России и Православием, поэтому он должен



отражать на своих страницах былое величие вековой России. И сейчас, вспоминая основание журнала, могу с уверенностью сказать, что «Жемчужина» родилась в тот самый вечер, когда сбылась моя мечта, когда у меня в кабинете оказалась одряхлевшая «Минолта»: я увидела образ будущего журнала с жемчужиной на обложке в своём сердце...

Не теряя времени даром, сразу позвонила своим верным друзьям в Брисбене и Сиднее: так, мол, и так, честь имею просить в редколлегию; копировальная машина – есть, новый компьютер и *scanner* недавно купила; никакой посторонней помощи или спонсоров нет, поэтому финансовая сторона – увы, на мне; за ценные советы буду благодарна. Друзья отозвались на мой зов всей душой и скоро в состав редколлегии вошло девять человек. Первые два-три собрания проходили в Соборе – в пустом классе прицерковной школы, сразу после Литургии. Сразу же утвердили название – «Жемчужина», затем облик журнала, потом обсуждали его содержание и размер. Тогда же решили, что журнал будет выходить 4 раза в год, что вся работа – жертвенная, что стоимость журнала должна обязательно покрывать расход и что ни о каких гонорах не может быть речи. С самого начала «Жемчужина» чётко определила своё направление: верность Православию и русской многовековой культуре. Почти сразу же, журналу пришлось выдержать серьёзную борьбу за молодое поколение – отстоять детские и молодёжные страницы. Нам ли, эмигрантам, не понимать значение молодёжи, не ценить их участия во всех наших начинаниях? Ведь то, что мы делаем для них сегодня, будет как раз тем, что они сделают для нас завтра.

Конечно, первые номера журнала были скромным началом; журнал ещё только расправлял крылья своей перламутровой раковины, испытывая их силу. Но вот, в свет вышло двадцать «Жемчужин». Хочется верить, что стремление донести до людей *прекрасное* – хотя бы отчасти удалось.

Стараясь, по возможности, помещать в журнале наибольшее разнообразие материала, удовлетворяя вкусам читателей, приходится всегда следить за самобытностью русского языка и держаться намеченного пути. Таким образом, вместо обычного сборника поэзии и прозы, на страницах литературной «Жемчужины» оживают бессмертные мысли великих русских патриотов, мелькают незабываемые события русской истории, озаряется светом Православной культуры русская классика. О том, что всячески поощряются молодые, начинающие авторы, не приходится и говорить. А что может сравниться с торжеством начинающих авторов, которые пробудили в себе дремлющие таланты и которые теперь говорят: *«Стало интереснее жить... Хорошо, когда ты нужен! Появилась радость в жизни!»* Кстати, наши новые собратья по перу – не только местные: в «Жемчужину» пишут почти что из всех уголков России – и молодые, и те, что постарше, и даже дети.

Любопытно, что никто из этих людей даже не подозревает, как приходилось издавать самые первые номера журнала. Весь текст приходилось печатать на примитивном компьютере, начиная с 5.30 утра в течение всего дня, пользуясь всякой свободной минутой. Потом бесконечно рисовать, подгонять, наклеивать в текст заголовки, фотографии и орнаменты, потому что в редакции, хотя и был *scanner*, но пользоваться этой штукой так, чтобы через неё вводить в компьютер все эти фокусы, долгое время просто не получалось. Однако, момент настоящего мучения наступал, когда нужно было печатать весь тираж на коварной, непредсказуемой «Минолте». Если бы видели, сколько крупных технических катастроф пережила за 5 лет «Жемчужина», и какой суеверный ужас вселяет в редактора современная техника, без которой – ну, никак не обойтись! Если бы видели, как среди ночи, в порыве отчаяния, редактор, то есть, я, выползала из постели и в кромешной тьме тихонько спускалась к себе в кабинет. Там, плотно прикрыв дверь, с плачем вытаскивала ворчливую «Минолту» на середину комнаты, открывала в ней всё, что только можно открыть, включала – да, да, пылесос! – и дрожащими руками начинала целиться в прокаточный барабан, спрятанный внутри машины... На барабан то и дело прилипали пылинки и частицы краски-тонера, которые пачкали бумагу. Стараясь не прикасаться к блестящей поверхности барабана, я пыталась их снять. Помогало ненадолго. Но скоро машина начинала криво подавать листы, и затем их мять, жевать и даже рвать! Потом где-то «заедало», грохотало и... машина останавливалась. Шатаюсь от усталости, с гудящей головой от вибрации и вспышек света стонущей «Минолты», я опять разбираю машину. Вытаскивала пачку изъеденной бумаги и молила Бога, чтобы не умереть от разрыва сердца, не сдав прежде № 1 «Жемчужины». И вдруг перегорела проволока-нагреватель! Наутро приехал мастер, заменил проволоку, взял хорошие деньги и уехал. По крайней мере к ночи я закончила печатать все листы 1-го номера журнала. Весь следующий день я, словно вокруг орбиты, ходила вокруг расставленных столов и до головокружения собирала листы – вручную! по одному! – в тетрадки. И уже на другой день скрепляла тетрадки скобками, отбивала их молотком, наклеивала на крошечек ленту. Если бы не муж, Коля, и его замечательные изобретения (он сделал мне для

этой работы два станочка), я бы тратила на всё это намного больше времени. О том, что ещё целых дня два уходило на подписывание конвертов, упаковку журналов, сопроводительные письма и разъезды по всему городу, лучше и не говорить: помочь в таком деле может только тот, кто почти что 24 часа находится рядом. Так прошло года полтора, и только потом я смогла уже отдавать весь тираж в печать. Листы мне возвращали собранными в тетради – уже меньше работы! - но скрепляла и заканчивала я их всё-таки сама.

Нелегко было брисбенской редколлегии собираться вместе. Казалось, самое лучшее для всех было бы встречаться в редакции «Жемчужины», то есть, у меня в доме. Но за исключением двоих, члены редколлегии - люди старшего возраста, и дальние расстояния, неудобство с транспортом, а также состояние их здоровья часто затрудняли это. Приходилось пользоваться возможностью, когда в воскресенье почти что все бывали в церкви, чтобы задержаться часа на полтора после Литургии и потом, если нужно, отвезти кого-то из сотрудников домой. По приглашению гостеприимной хозяйки, мы также пытались раз-другой встречаться в доме у А.Кокшаровой. Однако, не все успевали приезжать туда к назначенному часу и само собой получилось так, что легче и быстрее навещать нужных лиц самой. Ещё труднее было поддерживать связь с членами редколлегии из других штатов, которых, кстати, было большинство: переписка всегда занимает время, и чаще всего переговоры приходилось вести по-телефону. Однако, несмотря ни на что, сотрудники стремились всячески помочь. К сожалению, здесь невозможно написать о каждом из членов редколлегии в отдельности, все по мере сил и возможности старались внести свой вклад, но всё же нельзя не упомянуть постоянных сотрудников, которые с момента основания «Жемчужины», в течение 5 лет самым активным образом участвовали в становлении журнала: А.П. Кокшарову (*Брисбен*), Л.А. Ястребову (ныне покойную), Е.А. Якупову и Э.И. Городилову (*Сидней*), а также нашу брисбенскую преподавательницу Софию Семёновну Троицкую, которая ввиду своего возраста и здоровья просила не зачислять её в редколлегию. Надо сказать, что именно благодаря Софии Семёновне я сумела «закалиться» духом: как мудрый, добрый преподаватель, она не раз предупреждала меня о трудностях, которые придётся преодолевать, так как русское общество и его вкусы давно изменились, и мне одной суждено будет идти «против течения». Признаться, я сама об этом думала, но слова этой женщины помогли твёрдо решить: «Знаю. Учityваю. Но... очень хочу!» С тех пор она стала мне незаменимым другом и верным помощником.

С благодарностью думаю о своих сотрудниках - брисбенцах и сиднейцах, к которым всегда можно обратиться за советом и поддержкой. Так за последние полтора года вот уже в который раз спасает «жизнь» редактора во время компьютерных бедствий Кирилл Мартин. Поверьте, когда в последнюю минуту что-то ломается или отказывается работать, то человеку не до шуток. А корректура... Даже в самую последнюю минуту, когда журнал полностью готов и его надо срочно сдавать в печать, когда уже ни на что совершенно не остаётся времени, я всё равно могла доставить макет журнала для последней, окончательной проверки С.С. Троицкой, А.П. Кокшаровой, Л.А. Ястребовой, Е.А. Якуповой, или Э.И. Городиловой. Ещё бы! Ведь опечатки или ещё что-нибудь - это такая вещь... коварным образом они умудряются появиться в журнале уже после того, когда уже всё проверено, сдано и отпечатано! Огромная заслуга в деле «Жемчужины» принадлежит также моему мужу, Коле, хотя он всегда упорно старался оставаться в стороне. А между тем, «Жемчужина» ему многим обязана: и не только приобретением или заботой о техническом благоденствии «Минолты», которая, кстати, дала толчок созданию журнала; и не только его замечательным изобретениям, что упростили и облегчили работу. Коля - верная, надёжная опора и помощь в критическую минуту, без чего невозможно работать и чувствовать равновесие; но самое главное, он – великое, нескончаемое *долготерпение* и, кроме того, хороший, строгий критик, на чьё мнение всегда можно спокойно положиться. К сожалению, не раз бывало и так, что в последний момент в журнал приходилось добавлять новый материал «на свой страх и риск», не имея возможности показать его кому-либо; и если там, увы, случались погрешности, то это уже полностью моя вина. Это – крест творческой работы.

Впрочем, творчество всегда несёт с собой какой-то крест, а также - неизбежное одиночество. Но это одиночество несколько не тяготит, потому что даже во время самой напряжённой работы творчество приносит и радость, и живое общение с близкими по духу людьми. Это общение не ослабевает даже тогда, когда находишься очень далеко, скажем, в Прибалтике. Да, да, № 20 «Жемчужины» заканчивался в Латвии, в Елгаве – во время очередной поездки мужа по работе, и для того, чтобы не терять времени, в редакции у главного компьютера «Чарли» появился «сынишка» - крохотный портативный помощник «Моська». Таким образом, Балтийское море поздравило «Жемчужину» с 5-летним юбилеем, покрыв её сплошь янтарными брызгами...



Т. МАЛЕЕВСКАЯ (ПОПКОВА)  
Брисбен, 2004 г.

## Светлой памяти Лидии Александровны Ястребовой

«Не говори с тоской *их нет*, а с благодарностью: *были...*»



Были... Как тяжело писать эти строки - говорить о человеке, о друге, с которым мы ещё недавно общались, в прошедшем времени... Сознавать, что о чём-то не успели спросить, где-то не умели простить, но что ещё больше – в чём-то сами не испросили прощения...

В среду 18 августа 2004 года после тяжёлой болезни ушла из жизни Лидия Александровна Ястребова. Для нас, харбинцев, представителей старой русской эмиграции, её кончина – очень большая и горькая утрата.

Как это часто бывает, человеку нужно очень далеко отойти, или вовсе потерять... для того, чтобы полностью оценить то, что он имел. Увы, только перед лицом вечности, бросая полный сожаления взгляд назад, становится предельно ясно, чем была для русского общества эта замечательная, талантливая русская женщина.

Лидия Александровна Ястребова (урожд. Кудрявцева) родилась и училась в Харбине, затем её семья переехала в город Дайрен.

Одарённая с детства, она занималась музыкой, балетом, живописью; став взрослой, избрала профессию фотографа-портретиста. В 1957 году, вместе с семьёй, приехала в Австралию и обосновалась в Сиднее.

Имея незаурядные способности и склонность к литературному творчеству, Лидия Александровна начала в 1970-х годах писать стихи. Её любимым жанром были сатира и юмор, но была и лирика. Лидия Александровна часто выступала, читая свои произведения в Русском Клубе, на собраниях ХПИ, на встречах СО ХСМЛ, а также в Санкт-Петербурге на 3-ем Конгрессе соотечественников; кроме этого, она принимала участие во 2-м Фестивале русских поэтов Австралии. В течение 9,5 лет Л.А. Ястребова была заместителем редактора журнала «Австралиада» (Сидней), писала множество статей и очерков, которые неизменно пользовались среди читателей большой популярностью, а также состояла членом редколлегии литературного журнала «Жемчужина» в Брисбене.

Её произведения печатались в сиднейских журналах: «Друзьям от друзей», «Политехник», «Журнал Русского Клуба», «Австралиада», а также - «Антология русских поэтов Австралии»; затем - в мельбурнском сборнике стихов «Русские поэты Австралии», в литературном журнале Брисбена «Жемчужина», в «Калифорнийском вестнике» (Лос Анджелес); в газетах «Харбин» и «На сопках Маньчжурии» (Новосибирск), «Русская жизнь» (Сан Франциско), «Единение» (Сидней).

Не менее важно и то, что Лидия Александровна была талантливой художницей. Её картины – пейзажи, портреты, выставлялись на выставках Общества Русских Художников в Сиднее, секретарём которого она состояла.

Начиная с 1995 года, Л.А. Ястребова издала 7 книг: сборник стихов «Для вас», роман – «Русский австралиец», сборники воспоминаний и рассказов – «Это началось в Дальнем», «Наследники», «Старая дева», «Ариадна Алтаева»... «Бронзовая ваза» была последней, седьмой книгой Лидии Александровны, изданной незадолго до смерти.

Трудно себе представить, как человек – фактически на смертном одре, в перерывах между лечением, больницами, и снова лечением – может продолжать стремиться ещё что-то создать. Между тем, именно в это время Лидия Александровна всячески старалась помочь с печатанием материала для «Жемчужины»; уже прикованная к постели, она начала писать свой новый фельетон... Как много она могла бы ещё написать...

Ввиду горестных событий, зная, что Лидия Александровна сама этого не сможет сделать, но что ей это будет приятно, редакция «Жемчужины» передала доктору Марии Кравченко биографию Л.А. Ястребовой, а также подобрала её стихи и рассказы для издания «Антологии Русских Зарубежных Писателей» в России. Таким образом память о Лидии Александровне будет жить на исторической родине.

Вечная память тебе, дорогой, добрый искренний друг. Царство Небесное, и светлая, Вечная Память...

Т.Н. МАЛЕЕВСКАЯ (ПОПКОВА).

Брисбен, 2004 г.



# АВЕРЧЕНКО Аркадий Тимофеевич



*Доклад был прочитан автором на очередной встрече «Литературные Портреты», организованной ККМ в Русском Клубе в Сиднее, 26 августа 2003 г.*



Аркадий Тимофеевич Аверченко вошёл в русскую литературу в ту пору, когда отечественная словесность была богата талантами, когда на её небосклоне сияли десятилетиями звёзды первой величины - Бунин, Блок, Горький, Куприн, когда ещё был жив великий Толстой. В лучах их славы – как можно было не затеряться Аверченко, некогда популярнейшему юмористу и талантливому организатору в сфере русской журналистики..?

Писательская звезда Аверченко взошла стремительно. В 1905 году он ещё безвестный служащий в Харькове, а три года спустя – редактор и ведущий автор популярнейшего в России юмористического журнала «Сатирикон». С 1910 года один за другим выходят сборники его весёлых рассказов. Театр широко открывает двери его скетчам и юмористическим пьесам. С 1907 по 1917 годы имелись все предпосылки для того, чтобы его остроумный и зачастую беззлобный смех вызывал восторженный приём в широких кругах читающей публики того времени.

К сожалению, биографические данные Аверченко очень скудны. Известно, что родился он в 1881 году в Севастополе, в небогатой купеческой семье. Отец его, чудаковатый фантазёр и неудачливый коммерсант, умер, так и не добившись материального благополучия. Ему посвящён рассказ Аверченко «Отец».

Детство Аркадия Тимофеевича проходило в малообеспеченной семье и было полно не детских впечатлений, которые впоследствии нашли отражение в его рассказах. Надо было идти, как говорится, «в люди». С пятнадцати лет Аркадий Тимофеевич уже зарабатывал себе на пропитание тем, что служил младшим писцом в транспортной конторе, где с ним обращались весьма униженно. В 1897 году Аверченко уезжает в посёлок Исаевский на каменноугольные разработки, где наблюдает тёмную и безрадостную жизнь шахтёров.

В автобиографическом рассказе «Молния» писатель делится подробностями захолустного и дикого быта: «То конторщик Паланкинов запьёт, и в пьяном виде получит выговор от директора, то Штейчерова корова взбесится, то свиньи съедят сынишку кухарки чертёжника. А однажды рудничный врач в пьяном виде отрезал рабочему совсем не ту ногу, которую следовало...» Не потому ли Аверченко так скуп на воспоминания своей юности, что все они безотрадны?

Заметным событием в жизни Аверченко был переезд в Харьков, на службу в правление рудников. С этим переездом, переменой обстановки, знакомством с литературными Харьковскими кругами связано начало его писательской деятельности. В Харькове 31 октября 1903 года появляется в печати местной газеты «Южный край» его первый рассказ «Как мне пришлось застраховать жизнь». Однако, самоопределившись как профессиональному литератору и журналисту, Аверченко помогла первая русская революция. В автобиографии мы находим характерные строки: «Подкатился 1905 год и, подхватив меня, закрутил как щепку. Я стал редактировать журнал «Штык», имевший в Харькове большой успех, и – совершенно забросил службу...»

Первая русская революция вызвала небывалый доселе в стране спрос на обличительную и сатирическую литературу. Аверченко захватил этот короткий праздник русской сатирической периодики. Начиная с 1905 года Аверченко самоопределяется как профессиональный литератор и журналист - он редактирует в Харькове журнал «Штык», который пользуется большим успехом, а через год становится полноправным редактором этого журнала.

Авторская и редакторская работа в Харькове оказалась репетицией последующего успешного издания юмористического журнала «Сатирикон». В 1907 году Аверченко, полный смутных планов и надежд, отправляется «завоёвывать Петербург», - именно в Петербурге был основан новый журнал «Сатирикон», в котором он сразу принял горячее участие. Действительно, этот журнал стал не просто важной вехой и творческой биографией Аверченко, но неотъемлемой и едва ли не самой важной её частью: он «создавал» себя тогда как писатель-юморист, продолжая и завершая начатые в Харькове успешные поиски собственных тем, стиля и жанра. Поэтому, говорить об Аверченко, значит – говорить о «Сатириконе».

«Сатирикон» остался в России единственным журналом юмора и сатиры. В нём, а также в продолжившем его с 1913 года «Новом Сатириконе», сотрудничали художники Ремизов, Билибин, Бакст, Бенуа и многие другие. Печатались мастера юмористических рассказов: Тэффи, Дымов, поэты – Саша Чёрный, Мандельштам, и позднее – Маяковский, а также прозаики - Куприн, Андреев, Грин, Толстой. Но гвоздём каждого номера были произведения Аверченко, который устраивал на страницах «Сатирикона» весёлый карнавал масок. Он писал под множе-

ством различных псевдонимов, под которыми вёл разные отделы - о театрах, вернисажах, музыкальных вечерах, а также - остроумный «Почтовый ящик». И только рассказы он подписывал своей настоящей фамилией...

Почти все, кто встречал Аверченко в пору его славы, вспоминают «крупного, дородного мужчину, в преувеличенно модном костюме, с бриллиантом в сногшибательном галстуке; прекрасно выбритого, прекрасно одетого господина, немножко полного, красивого и ленивого». Недавнего писателя из мелкой провинциальной конторы окружает особенная атмосфера удачливости и успеха. Кроме «Сатирикона», который он теперь наполовину заполняет своими произведениями, Аверченко ежегодно издаёт два-три сборника своих рассказов. «Счастьем для таланта Аверченко, - отмечает Куприн, - было то, что начало своей жизни он провёл не в Петербурге, а побродил и потолкался по свету. В его памяти запечатлелось, ставшее своим, множество лиц, слов, метких слов и оборотов, включая сюда и неуклюже-восхитительные капризы детской речи. И вот этим богатством он пользовался без труда, со свободой дыхания...»

Описывая быт города-гиганта, Аверченко остроумно, находчиво, изобретательно издевается над глупостью и нелепостью мещански-обыденного, чего многие не замечают, с чем все свыклись... Особенно смешной и уродливой в его рассказах предстаёт эта обыденность наивному и чистому взору ребёнка в сборниках «О маленьких для больших», «Шалуны и ротоzeи» и др. Аверченко остался юмористом, видящим лишь смешное в жизни героев - мировых судей, городских, горничных, завсегдатаев ресторанов, дам из петербургского общества. Рассказы о последних всегда посвящены одному типу женщины - недалёкой, не признающей ни здравого смысла, ни логики, всегда кокетливой, неверной и... желанной. Может показаться, что писатель слишком резко обличает всех этих никчёмных хозяек, скверных матерей и лукавых жён, но...

Ничуть не бывало! Аверченко, остроумно подтрунивая над женскими слабостями, одновременно оставляет своего героя в состоянии недоуменного восхищения женщиной... очарованного её беспомощностью и обезоруживающей несообразительностью. Избирая мишенью для насмешек вечные от Адама и Евы недостатки мужчины и женщины, юмориста спасает в лучших его рассказах физиологическое здоровье его таланта - не допускавшего, как правило, двусмысленностей, и соблюдавшего тонкое ощущение меры.

В 1913 году из-за разногласий с издателем «Сатирикона» уходят основные сотрудники журнала и основывают «Новый Сатирикон», продолжающий развивать прежние традиции журнала. Война 1914 года, последующие 15 и 16 годы - с надвигающейся революцией, появление Маяковского - из номера в номер публикующего антивоенные стихи, повело к тому, что пути Аверченко с «сатириконовцами» и Маяковским резко разошлись.

Как личную драму воспринимает Аверченко всё ухудшающийся петроградский быт и дорожание жизни. «Когда нет быта с его знакомым уютом, с его традициями - скучно жить, холодно жить!» - этими словами заканчивается автобиографический рассказ «Быт», в котором Аверченко упомянул, как тяжело переживал он даже закрытие на ремонт любимого ресторана. Революция перевернула весь любезный его сердцу жизненный уклад...

Аверченко, который вначале приветствовал падение монархии, выступает теперь против большевиков, против нового строя, и приходит к отрицанию советской власти. Теперь он на стороне Белых генералов; он мечтает, что они возвратят ему незабвенную, сытую и комфортабельную жизнь. Так определился путь Аверченко-эмигранта. И с этой поры тает его заразительный, беззаботный смех; он уже не в силах вернуть свою прежнюю искренность, весёлость. Последней репрессии, которой подвергся Аверченко, было закрытие публикации его газеты «Юг России». После закрытия этой газеты он выезжает в Константинополь, а затем поселяется в Праге.

В 1921 году в Париже вышла 5-франковая книжица рассказов Аверченко «Дюжина ножей в спину революции». Маститый сатириконовец предавал в ней анафеме «новую Россию», бесконечно сокрушаясь о гибели старого строя. Его персонажи с тоской вспоминают вольную и сытую жизнь при царе, политические позиции Аверченко-эмигранта враждебны всей жизни в «советской» России...

Наконец у Аверченко наступает осознание собственной оторванности от родной почвы. Его мучает мысль, что вне родины, вне родного языка и быта - нет места писателю...

«Он был болен давно, - вспоминает об Аверченко журналист Лев Максим. - Не только физически... Он болел смертельной тоской по России. В последний раз, когда мы виделись, он жаловался мне: *Тяжело как-то стало писать. Не пишется, как-будто не на настоящем стoю...*»

Аркадий Тимофеевич Аверченко скончался в пражской больнице от болезни сердца 12 марта 1925 года. На чужбине. Далеко от родной земли. Всего 44 лет от роду.

Теперь Россия вновь признала талант Аверченко, как непревзойдённого юмориста, и, начиная с 90 годов, широко переиздаёт его произведения, которые пользуются большим успехом среди читателей всех возрастов.



Л. Ганина.  
Сидней.

## Вспоминаю город Псков

У чужих и дальних берегов.  
Где цветут пушистые мимозы,  
Вспоминаю древний город Псков,  
Русские Крещенские морозы.

Вспоминаю берега Великой,  
Монастырские ограды и сады,  
Сонмы древних и священных ликов  
Русь спасавших от лихой беды.

Старых храмов чудные уборы -  
Там от века Православья крест,  
Там сияют купола Печоры,  
Благовест разносится окрест.

Озеро Чудское средь равнины -  
Гордость нашей русской красоты -  
Грозные и памятные льдины  
Утопившие тевтонские кресты.

Помнит приозёрная равнина  
Как призывный рог на битву звал.  
Князя Невского рубилась там дружина,  
Там Буслаев Васька погулял...

Без колчуги... даже без меча...  
Больше не найти таких подобий:  
Он тевтонов поддевал с плеча  
Русскою дубовою оглоблей...

Было! Быть иначе не могло,  
Но веками многое сокрыто -  
Сколько псковичей там полегло?  
Сколько там врагов Руси зарыто?

Шведы, рыцари, Литва и Польша -  
Сам Баторий поднялся на Русь...  
Богу мы угодны были больше:  
Псков развеял вражескую гнусь.

Там над Русью протекли века  
И гремели яростные битвы,  
Русской крови ширилась река,  
Плавилась горячие молитвы.

Там над Псковом пронеслись ветра  
И толпились грозные тучи...  
Там была жестокая пора -  
Был порыв восстания могучий...

Только выстоял Великий Псков  
Все невзгоды, горести и беды,  
И из окровавленных кусков  
Он слепил триумф своей победы.

Псков стоит, как прежде, величаво,  
Где река Великая течёт,  
Он увенчан боевою славой -  
Русь спасавший, вековой оплот.

**И. СМОЛЯНИНОВ.**

Член Союза Писателей России.  
Мельбурн.

*«Ни одной строки не мог я посвятить чуждому.  
Непреодолимой цепью прикован я к своему».* Н. Гоголь.

### Библиотека Ивана Грозного

История этой библиотеки вкратце следующая:

Византийская царевна София Палеолог, будущая жена царя Ивана III, привезла в Москву на вечное хранение собрание редчайших греческих манускриптов. Опасаясь за сохранность этой единственной в мире по своему значению библиотеки, София, став московской царицей, добилась постройки огромного подземного тайника в Кремле. Знаменитый архитектор Аристотель Фиоравенти создал это книгохранилище, значительно пополненное затем книгами, собранными Иваном Грозным. Учёные не оставляют попыток найти эту библиотеку, представляющую огромный интерес специалистам. Скрытая в подземельях Москвы, эта уникальная библиотека могла сохраниться до наших дней в хорошем состоянии.



# СТРАНА ВЕЧНОЙ ОСЕНИ



Рассказ.

В четырнадцать лет Валерка умел в совершенстве делать только одно - воровать. Другим искусствам его обучать было некому. Родители еще при рождении продали душу мальчика дьяволу за ящик водки. Потом этот дьявол превратился в бывшего заключенного по прозвищу Таран, сколотившего в городе шайку из себе подобных. Валерка пришелся Тарану по вкусу. С малолетки ведь по закону спроса никакого, поэтому дружком будет выгодным...

Жизнь Валерки шла одинаково изо дня в день - по подвалам, по чердакам, по чужим квартирам. И каждый день находилась кто-нибудь, бросавший вслед, что такое хулиганье надо давить еще при рождении.

Но однажды в жизни Валерки случилось странное событие. Он влюбился. И его влюбленность была подобна яркому свету, ворвавшегося в мрачный дом-склеп, у которого от первого же дуновения ветерка рухнули прогнившие двери и ставни.

Девочке, пленившей Валерку, было лет двенадцать. Она каждый вечер в одно и то же время проходила через парк, что находился рядом с ее домом, со скрипичным футляром в руке. Одетая девочка была красиво: в светлое клетчатое платье, белые туфельки с пряжками в виде ромашек и светло-зеленый беретик, слегка сдвинутый набок. Как будто с картины она сошла. Но Валерке больше всего понравилась не внешность. У девочки были такие глаза, как будто она все время восхищалась тем, что ее окружало, и нежный голос, которым, наверное, заботливые мамы читают сказки своим детям. Правда, Валерка не знал, что написано в этих сказках, но они ему представлялись похожими на шорох осенних листьев. Бывало, что в своих снах мальчишка видел страну вечной осени - там было спокойно и ласково, никто не ругался, не кричал, не выли милицейские сирены, и не грохотали за спиной металлические двери изоля-торов.

Наступил день, когда Валерка и девочка почти познакомились. Хотя подобное знакомство казалось совершенно невозможным с точки зрения людей, никогда не нарушавших в своей жизни закон. Но чудеса еще случаются в жизни.

Валерка сидел на скамейке около дома, где жила девочка. Смотрел на аллею парка и ждал. Не для того, чтобы познакомиться, конечно, а просто увидеть.

Девочка появилась в то же время, что и в предыдущие дни. Она шла и улыбалась. Просто лучилась добротой и лаской. Видимо, удача не изменила ей и сегодня. Или просто было хорошее настроение? Девочка возвращалась домой и что-то негромко напевала. Около скамейки она остановилась, посмотрела на Валерку.

- Какой ты хмурый! Разве можно быть таким?!

Девочка, наверное, любила читать сказки. И жизнь ей казалась такой же сказкой, где не было места для зла.

- Я же не бываю на концертах... - вырвалось у Валерки. Но, странное дело, прозвучало это подоброму, без привычного хамства. - Или у тебя в футляр колбаса напихана?

Девочка рассмеялась.

- Какой ты смешной! Там скрипка, настоящая. Хочешь послушать?

- Денег нет.

- Я за деньги никогда не играю. Разве так можно? Я играю, чтобы у других людей настроение поднялось.

Они разговаривали так, как будто уже давно были знакомы друг с другом.

В футляре действительно оказалась скрипка. Девочка достала ее и начала играть. От услышанной мелодии у Валерки просто дух захватило. Он как будто наяву оказался в чудной осенней стране своих снов.

Внезапно за спиной Валерки раздалось громкий, с издевкой, хохот. Валерка оглянулся. Это была компания хорошо знакомых ему типов. И сам Таран тут же стоял (он, кстати, и гоготал). Компания, будто стая голодных волков, взяла в кольцо девочку со скрипкой и Валерку.

- Страдивали? - животно хохотнул Таран. И гаденько так посмотрел на девочку. - Нукошь, дай пощупать.

- Вы, наверное, имели в виду Страдивари? - наивно переспросила юная музыкантша. А Валерка понял сразу, что имелось в виду. Он резко вскочил:

- Не трогай её, гад!

Рука Валерки, повинувшись выработанному в джунглях беспризорщины рефлексу, быстро выдернула из кармана брюк нож. Раздался щелчок, из рукоятки выпрыгнуло блестящее лезвие.

- Убью! - выдохнул Валерка. В эту минуту он напоминал волка, готового



биться с врагом насмерть.

- Эй, подонки! - донеслось из подъезда. - Быстро отойдите от девочки! Фрам, голос!

Раздался мощный лай. С поводка мужчины, только что вышедшего из подъезда, отважно рвался на защиту девочки громадный пёс.

Тарана с компанией как ветром сдуло.

- Вера, быстро домой! Нашла для кого концерты давать!

- Папа, этот мальчик меня защищал!

- Ну-ну, защитничек нашелся...

Девочка взглянула на Валерку, сделала книксен и улыбнулась.

- Благодарю, - напевно сказала она.

Кажется, девочка даже не успела испугаться. А может, она и не знала, что это такое – страх перед людьми. Люди - они ведь люди, не дикие звери.

Через мгновение Валерка остался один.

...Наступила ночь. Набродившись по городу и не чувствуя ничего, кроме серой тяжелой тоски и раздражающей душу безысходности, он забрался в какой-то подвал и, обнаружив там бутылку с неизвестной жидкостью, открыл ее. Запахло неприятно. Слово это было нечто такое, чем обычно в морге покойников обрабатывают. Валерку подобное сравнение позабавило. Он вспомнил девочку со скрипкой, красивую музыку и... *страну вечной осени*. Веселье пропало и по щеке вдруг непривычно побежало что-то мокрое и холодное. Мальчишке так хотелось всегда слушать ласковый шорох листьев!



«Тьфу, разнюнился!» - разозлился Валерка и, не раздумывая, по-ковбойски, выпил обжигающее содержимое бутылки...

Страна вечной осени, прими отверженную душу!

Через неделю в криминальной хронике городской газеты было опубликовано сообщение, что в одном из подвалов обнаружен труп подростка. Без признаков насильственной смерти.

Через некоторое время история смерти подростка забылась. Как будто ничего и не было. Только страна вечной осени продолжала дарить отверженной душе свой ласковый шорох листьев...

(г. Лесной Свердловской обл., Россия)

Юрий АЛОВ (ПЕРЕВАЛОВ).



## Душа

Душа твоя, как шар хрустальный,  
Прозрачна и чиста.  
Пусть в ней цветут, не увядая,  
Любовь и красота.

А если кто-то вдруг захочет  
Разбить бесценный дар,  
Не обижайся. Лишь сильнее  
Воспламени души пожар.

И пусть в огне любви небесной  
Сгорят ненастья облака.  
И ты увидишь, как чудесно  
Рожденье друга из врага.

И в зное жизни, в волнах боли,  
Что нам судьба дарит,  
Не выпускай свой гнев на волю.  
Пусть Бог тебя хранит!

**Ирина Норицына**  
«Млечный Путь» – 2000 г.  
Россия, г. Лесной.



Ночное небо... Две звезды...  
А может, это – я и ты?  
Быть может, это мы взлетели,  
Качнув с тобой любви качели?

Дневное небо... Птицы две  
Летают в голубом окне.  
А может, это – мы парим,  
И песнь любви Земле дарим?

Сырое небо... Тучи две  
Грохочут на его челе.  
Быть может, это – плачем мы,  
Что дни любви уж сочтены?

И вновь на небе две звезды.  
А может, это – снова мы?



**Ирина Норицына**  
«Млечный Путь» – 2003 г.  
Россия, г. Лесной.



И.А. ИЛЬИН 1883-1954

# О семье

И. Ильин.

## 1. Значение семьи.

Семья есть первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости. Он призван строить этот союз на *любви, на вере, и на свободе*, научиться в нём первым совестным движениям сердца и подняться от него к дальнейшим формам человеческого духовного единения – *родине и государству*.

Семья начинается с брака и в нём завязывается. Но человек начинает свою жизнь в такой семье, которую *он сам не создавал*: это семья, учреждённая его отцом и матерью, в которую он входит одним рождением, задолго до того, как ему удаётся осознать самого себя и окружающий его мир. Он получает эту семью как некий *дар судьбы*. Брак по самому существу возникает из *выбора и решения*, а ребёнку не приходится выбирать и решать: отец и мать как бы образуют ту предустановленную для него судьбу, которая выпадает на его жизненную долю; и эту судьбу он не может ни отклонить, ни изменить – ему

остаётся только принять её и нести всю жизнь. То, что выйдет из человека в его дальнейшей жизни, определяется в его детстве и притом самым этим детством; существуют, конечно, врождённые склонности и дары, но судьба этих склонностей и талантов – разовьются ли они в дальнейшем или погибнут, и если расцветут, то как именно, – определяется в раннем детстве.

Вот почему семья является *первичным лоном человеческой культуры*. Мы все слагаемся в этом лоне, со всеми нашими возможностями, чувствами и хотениями; и каждый из нас остаётся в течение всей своей жизни духовным представителем своей отечески-материнской семьи или как бы живым символом её семейственного духа. Здесь пробуждаются и начинают развёртываться дремлющие силы личной души; здесь ребёнок научается любить (кого и как?), верить (во что?) и жертвовать (чему и чем?); здесь слагаются первые основы его характера; здесь открываются в душе ребёнка главные источники его будущего счастья и несчастья; здесь ребёнок становится маленьким человеком, из которого впоследствии развивается *великая личность* или, может быть, *низкий проходимец*. Не прав ли Макс Мюллер, когда он пишет: «Я думаю, что там, где речь идёт о воспитании детей, к жизни надо подходить, как к чему-то в высшей степени серьёзному, ответственному и высокому»; и не прав ли немецкий богослов Толук, утверждая: «Мир управляется из детской». Мир не только строится из детской, но и разрушается из неё; здесь прокладываются не только пути спасения, но и пути гибели. И если мы подумаем, что «следующее поколение» всё время вновь нарождается и воспитывается и что все его будущие подвиги и преступления, его духовная сила и его возможное духовное крушение – уже теперь, всё время, слагаются и созревают вокруг нас и при нашем содействии или бездействии, то мы сможем отдать себе отчёт в том, какая ответственность лежит на нас...

Всё это означает, что семья есть как бы живая «лаборатория» человеческих судеб – личных и народных – и притом каждого народа в отдельности, и всех народов сообща, с тем отличием, однако, что в лаборатории обычно знают, что делают, и действуют целесообразно, а в семье обычно не знают, что делают, и действуют, как придётся. Ибо семейная «лаборатория» возникает от природы, на иррациональных путях инстинкта, традиций и нужды; здесь люди не задаются никакой творческой целью, *а просто живут*, удовлетворяя свои собственные потребности, изживают свои склонности и страсти, и то удачно, то беспомощно несут последствия всего этого. Природа устроила так, что одно из самых ответственных и священных призваний человека – быть отцом и матерью – делается для человека доступным просто при минимальном телесном здоровье и половой зрелости, так что человеку достаточно этих двух условий для того, чтобы не задумываясь наложить на себя это призвание... «А чтоб иметь детей – кому ума не доставало?!» (Грибоедов). Вследствие этого утончённейшее, благороднейшее и ответственнейшее искусство на земле – *искусство воспитания детей* – почти всегда недооценивается и продешевляется; к нему и доселе подходят так, как если бы оно было доступно всякому, кто способен физически рожать детей, как если бы существенным было именно зачатие и рождение.

ние, а остальное – именно воспитание – было бы совсем несущественно или могло бы делаться как-то так, «само собой». На самом же деле тут всё обстоит совсем иначе. Окружающий нас мир людей таит в себе многое множество личных неудач, болезненных явлений и трагических судеб, о которых знают только духовники, врачи и прозорливые художники; и все эти явления сводятся в последнем счёте к тому, что родители этих людей сумели их только родить и дать им жизнь, но открыть им путь к *любви, к внутренней свободе, вере и совести*, то есть, ко всему тому, что составляет источник *духовного характера и истинного счастья*, не сумели; родители по плоти сумели дать своим детям, кроме плотского существования, только одни *душевные раны*, иногда даже сами не замечая того, как они возникали у детей и въедались в душу, но не сумели дать им *духовного опыта*, этого целительного источника для всех страданий души...

Бывают эпохи, когда эта небрежность, эта беспомощность, эта безответственность родителей начинают возрастать от поколения к поколению. Это как раз в те эпохи, когда духовное начало начинает колебаться в душах, слабеть и как бы исчезать; это эпохи распространяющегося и крепнущего безбожия и приверженности к материальному, эпохи бессовестности, бесчестия, карьеризма и цинизма. В такие эпохи священное естество семьи не находит себе больше признания и почёта в человеческих сердцах; им не дорожат, его не берегут, его не строят. Тогда в отношениях между родителями и детьми возникает некая «пропасть», которая, по-видимому, увеличивается от поколения к поколению. Отец и мать перестают «понимать» своих детей, а дети начинают жаловаться на «абсолютную отчуждённость», водворившуюся в семью; и, не понимая, откуда это берётся, и забывая свои собственные детские жалобы, выросшие дети завязывают новые семейные ячейки, в которых непонимание и отчуждение обнаруживаются с новою и большею силою. Непрозорливый наблюдатель мог бы прямо подумать, что «время» настолько «ускорило» свой бег, что между родителями и детьми установилась всё возрастающая душевно-духовная «дистанция», которую нельзя ни заполнить, ни преодолеть; тут, думают они, нельзя ничего поделывать: история спешит, эволюция с повышенной быстротой создаёт всё новые уклады, вкусы и воззрения, старое стремительно старится, и каждое следующее десятилетие несёт людям новое и неслыханное... Где же тут «угнаться за молодёжью»?! И всё это говорится так, как если бы *духовные основы жизни* тоже подлежали веянию моды и технических изобретений...

В действительности это явление объясняется совсем иначе, а именно – *заболеванием и оскудением человеческой духовности* и в особенности *духовной традиции*. Семья распадается совсем не от ускорения исторического темпа, но вследствие переживаемого человеком *духовного кризиса*. Этот кризис подрывает семью и её духовное единение, он лишает её главного, того единственного, что может сплотить её, спаять и превратить в некое прочное и достойное единство, а именно – *чувства взаимной духовной принадлежности*. Половая потребность, инстинктивные влечения создают не брак, а всего только биологическое сочетание (спаривание); из такого сочетания возникает не семья, а элементарное рядом-жительство рождающих и рождённых (родителей и детей). Но «похоть плоти» есть нечто неустойчивое и самовольное; она тянет к безответственным изменам, к капризным новшествам и приключениям; у неё, так сказать, «короткое дыхание», едва достаточное для простого *деторождения* и совершенно не соответствующего задаче *воспитания*.

В действительности человеческая семья, в отличие от «семьи» у животных, есть целый *остров духовной жизни*. И если она этому не соответствует, то она обречена на разложение и распад. История показала и подтвердила это с достаточной наглядностью: великие крушения и исчезновения народов возникают из духовно-религиозных кризисов, которые выражаются прежде всего в разложении семьи. Понятно, почему это так и бывает. Семья есть первоначальная, исходная ячейка духовности – как в том смысле, что именно в семье человек впервые научается (или, увы, не научается!) *быть личным духом*, так и в том смысле, что духовные силы и умения (или, увы, слабости и неумения), полученные от семьи, человек переносит затем на общественную и государственную жизнь. Вот почему духовный кризис поражает прежде всего исходную ячейку духовности; если духовность колеблется и слабеет, то она слабеет прежде всего в семейной традиции и в семейной жизни. Но, раз поколебавшись в семье, она начинает слабеть и вырождаться – и во всех человеческих отношениях и организациях: больная клетка создаёт больные организмы.

Только дух имеет достаточно глубокое и длительное дыхание для того, чтобы творчески создавать и поддерживать естество семьи, чтобы успешно разрешать не только «проблему половой любви», но и проблему *создания нового, лучшего и более свободного поколения*. Поэтому формула брака звучит не так: «я жажду» или «я желаю», или «мне хочется», а скорее так: «в любви и через любовь я создаю новую, лучшую и более свободную человеческую жизнь». Она звучит не так: «желаю наслаждаться моим счастьем» - ибо это была формула,

уводящая брак на уровень простого спаривания, а скорее так: «я хочу создать свой собственный *духовный очаг* и в этом найти своё счастье»...

Всякая настоящая семья возникает из любви и даёт человеку *счастье*. Там, где заключается брак без любви, семья возникает лишь по внешней видимости; там, где брак не даёт человеку счастья, он не выполняет своего *первого* назначения. Научить детей любви родители могут лишь тогда, когда они сами в браке умели любить. Дать детям счастье родители могут лишь постольку, поскольку они сами нашли счастье в браке. Семья, внутренне спаянная любовью и счастьем, есть школа *душевного здоровья, уравновешенного характера, творческой предприимчивости*. В просторе народной жизни она подобна прекрасно распустившемуся цветку. Семья, лишённая этой здоровой центростремительности, растачивающая свои силы на судороги взаимного отвращения, ненависти, подозрения и «*семейных сцен*», есть настоящий рассадник больных характеров, психопатических тяготений, неврастенической вялости и жизненного «неудачничества». Она подобна тем больным растениям, которым ни один хороший садовник не даст места в своём саду.

Если ребёнок не научится любви в семье своих родителей, то где же он научится ей? Если он с детства не привыкнет искать счастья именно во взаимной любви, то в каких же злых и дурных влечениях он будет искать счастья в зрелом возрасте? Дети *всё* перенимают и *всему* подражают, незаметно, но глубоко вчувствуясь в жизнь своих родителей, тонко подмечая, угадывая, иногда бессознательно следя за «старшими» наподобие «неутомимых следопытов». И тот, кому приходилось слышать и регистрировать детские высказывания, точки зрения и игры в несчастных, разлагающихся семьях, где жизнь есть сплошное мучительство, лицемерие и надрыв, тот знает, какое больное и гибельное наследство получает от родителей такая несчастная детвора.

Чтобы развиваться верно и творчески, ребёнок должен иметь в своей семье очаг любви и счастья. Только тогда он сможет развернуть свои *нежнейшие и духовнейшие* способности; только тогда его собственная инстинктивная жизнь не будет вызывать в нём ни *ложного стыда*, ни *болезненного отвращения*; только тогда он сможет прильнуть с любовью и гордостью к *традиции своей семьи и своего рода* с тем, чтобы принять её и продолжить её свою жизнь. Вот почему любовная и счастливая семья есть живая школа – сразу – и *творческого равновесия души*, и *здорового органического консерватизма*. Там, где царит здоровая семья, там творчество будет всегда достаточно консервативным для того, чтобы не выродиться в беспочвенную революционность, а консерватизм будет всегда достаточно творческим для того, чтобы не выродиться в реакционное мракобесие.

В любовной и счастливой семье воспитывается человек с *неповреждённым душевным организмом*, который сам способен органически любить, органически строить и органически воспитывать. Детство есть счастливейшее время жизни: время органической непосредственности; время уже начавшегося и ещё предвкушаемого «большого» счастья; время, когда все прозаические «проблемы» безмолвствуют, а все поэтические проблемы зовут и обещают; время повышенной доверчивости и обострённой впечатлительности; время душевной незасорённости и искренности; время ласковой улыбки и бескорыстного доброжелательства. Чем любовнее и счастливее была родительская семья, тем больше этих свойств и способностей сохранится в человеке, тем больше *такой* детскости он внесёт в свою взрослую жизнь, а это значит – тем неповреждённой останется его душевный организм; тем естественнее, богаче и творчески продуктивнее расцветёт его личность в лоне его родного народа.

И вот главным условием *такой* семейной жизни является способность родителей ко взаимной духовной любви. Ибо счастье даётся только любовью долгого и глубокого дыхания, а такая любовь возможна только в духе и через дух.

И. ИЛЬИН.

## Грань

Где та линия, та грань  
Между правдой и враньём?  
В серой гулкой зимней рани  
Снова кружит вороньё.

Как пронзительно и больно  
Небо смотрит утром ранним!  
Как случайно, как невольно  
Мы порой друг друга раним.



Раним словом и молчаньем,  
В ослеплении своём, -  
Раним острым краем грани  
Между правдой и враньём.

Лариса КУДРЯШОВА.  
Санкт-Петербург.

## Что значит быть русским в эмиграции?

Какой сложный вопрос, и какой простой...

Ещё до недавнего времени никому из нас не приходилось давать строгий отчёт в своей национальности. Быть русским - казалось естественным, как дыхание; перестать быть русским было бы то же самое, что перестать быть самим собой. А между тем наши предки, покинувшие Россию после событий 1917 года, сознательно и систематически, годами воспитывали в нас любовь к России, её культурному наследию и великому прошлому. И теперь, когда приходится подвести итог их стараниям и дать отчёт в своей РУССКОСТИ, хочется ответить на поставленный вопрос буквально в двух словах: быть русским в эмиграции, это – МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Считается, что любой эмигрант представляет свою нацию на чужой земле. Для русской же эмиграции революционного периода вопрос этот всегда составлял особую важность: русская эмиграция того времени была, прежде всего, ПОЛИТИЧЕСКОЙ, а точнее – ДУХОВНОЙ эмиграцией, в отличие от экономической или какой-либо другой, поскольку Россию русские люди покинули, главным образом, из-за воинствующего безбожия. Поэтому сознание, что русский человек на чужбине отражает собой Россию, обязывало его быть в ответе не только перед приютившей его страной, или перед покинутой родиной, но и перед своею совестью, которую в огромной мере сформировало его ПРАВОСЛАВНОЕ мировоззрение. И потому, независимо от его личного отношения к существующему строю, русский человек на чужбине всегда стремился вести себя так, чтобы никогда ни один иностранец не мог плохо отозваться о России.

Всю свою любовь, всю тоску по потерянной родине, всю надежду на её возрождение эмигранты передавали своим детям. Они воспитывали в них чувство патриотизма к родной земле предков, прививали им понятие о русских обычаях, культуре, традициях, но превыше всего - верность ПРАВОСЛАВИЮ. Эмигранты также знакомили с русской культурой иностранцев. Старались, чтобы иностранцы, видя в них самих отражение истинной России, прониклись к этой необыкновенной стране искренним уважением.

А русские обычаи, традиции – что и говорить, они хороши! Конечно, соблюдение традиций всегда играло огромную роль в жизни русского эмигранта, но всё же говорить только о пасхальных яйцах, куличах, о сверкающем огнями Сочельнике, или восхищаться русским венчанием, крестинами, или умиляться проникновенным обрядом Православных похорон – мало. Это не только слишком упростило бы понятие о РУССКОСТИ, это его попросту исказило бы. Вся эта красота – это всего лишь внешнее проявление более глубокого, истинного смысла. Ведь для русского человека родные обычаи и традиции неразрывно связаны с Православной верой - они построены на ПРАВОСЛАВИИ: только ПРАВОСЛАВИЕ придаёт им смысл. Поистине, только тот человек вправе называть себя «русским» - не только в эмиграции, но и у себя на родине, - кто всем своим сознанием, всем существом проникнут искренней любовью и уважением к Православной вере, кто всеми силами старается хранить её заветы, кто помнит, что именно ПРАВОСЛАВИЕ формировало величие былой России, её историю, культуру, традиции... Это особенно важно не забывать нам, потомкам эмигрантов, для того чтобы не раствориться в иностранной среде, чтобы не потерять своё великое наследие. Поэтому быть русскими в эмиграции, это значит – быть Православными.

Неумолимо идут годы. Уж давно не сидим мы возле самовара и о прогулках на санях на Масленицу знаем только из русской литературы или воспоминаний наших престарелых родственников. И едва ли кому-то из нас, молодых, приведётся морозной ночью прокатиться на тройке с бубенцами по необъятным русским просторам, которые многие из нас даже никогда не видели, или коротать зимний вечер в бревенчатом домике у печи, где уютно потрескивают дрова. Но русские песни с их безудержным весельем или чисто русской тоской, по-прежнему туманят глаза, лихая пляска всё так же зажигает всем кровь. Конечно, представители старшего поколения чаще предпочитают картины русской зимы, так как они напоминают им родную сторонку. И русские берёзки, запах майского ландыша, сирени, или тени легендарных героев из великой русской истории - очарование давно ушедшего мира - теперь уже больше затрагивают души взрослых, чем молодёжи. Что же касается русского языка, то - что греха таить! - за эти десятилетия он у многих эмигрантов в третьем и четвёртом поколении сильно пострадал.

Давно ушли в лучший мир наши предки, постепенно уходят и наши родители. Что же остаётся у нас? Что теперь делает нас, их потомков, РУССКИМИ в эмиграции? На этот вопрос можно ответить совершенно точно и определённо: ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА. Она, как жемчужная нить, связывает в одно целое и язык, и культуру, и традиции России, и дорогую для нас память родителей. Без веры, русский человек – ничто. Ведь берёзки, сирень да майские ландыши

найдутся и в других странах. Точно так же найдётся там и своя захватывающая история... и пляска, и музыка, и живопись... и свои легенды. Но только у русских вековая культура жила и дышала ПРАВОСЛАВИЕМ, - эта вера вдохновляла людей на неслыханные подвиги. И сейчас, так много лет спустя, уже за границей, та же самая вера способна побудить потомков эмигрантов – пусть даже единицы - на великий труд во имя РУССКОСТИ, во имя России. Вспоминаются знаменитые слова Достоевского: *«Русский, без православия - дрянь...»* Жёстко сказано, но верно. Конечно, православным может быть человек любой национальности, независимо от цвета кожи, но настоящий русский, действительно, может быть только православным. Это – именно то, что делает русского РУССКИМ, определяет его сущность. В конце концов человек может говорить на любом языке мира, но тогда он будет относиться к разряду «англоязычных», «франкоязычных», или прочих «язычных», и среди них, кстати, и «русскоязычных», населяющих теперь все части земного шара.

Как просто и, вместе с тем, сложно ответить на вопрос: «Что значит быть русским в эмиграции?» Ведь, это – боль за лучшую, загубленную, духовную часть России; это – сознательное стремление всеми силами сохранить её отражение на чужбине; это – боль за несчастье ни в чём не повинных русских людей, оттого, что на их исконной земле вот уже более 80-и лет хозяйничают власть имущие заезжие инородцы. Быть русским в эмиграции, это - надежда и радость оттого, что в России вновь пробуждается вера, и русский богатырь, восстав от заколдованного сна, вновь расправляет свои могучие плечи... Быть русским в эмиграции, это - сознание, что ты всегда и везде чужой, даже в самой гостеприимной стране. Это значит - быть всегда один на один со своей русской думкою, со своими убеждениями, верой и совестью среди чужих, не разделяющих этих взглядов людей. Это значит, всю жизнь проверять себя – *«Кто я?»* и *«Что я?»* - и не бояться быть самим собой. Потому, что полнота «русскости» начинается и заканчивается ПРАВОСЛАВИЕМ.

**Т.Н. Малеевская.**

\* Печатается впервые.

## ТРЕВОГА

*Посвящаю Ольге Скопиченко.*

Друг, живущий у чужого моря,  
Слушай крик мой через версты в даль!  
У меня опять большое горе,  
В домик мой опять вошла печаль.

Не сердись, что снова беспокою,  
Но черна, как ночь, моя беда...  
Многое случилось, но такое –  
Не бывало, право, никогда.

Цел пока мой домик под горою,  
Цел высокий тополь под окном;  
И глухой полночною порою  
Не грохочут выстрелы кругом.

Мой приют – страна совсем чужая,  
Все чужое – сад, ограда, дом,  
Где живу, подчас воображая  
Родину забытым давним сном.

Давний сон... Забытый? Неужели?  
О забытом ночью слёз не льют.  
О забытом песен бы не пели  
Так, как их теперь у нас поют!

Друг мой верный, я боюсь чего-то,  
Грудь томит предчувствием давно.  
И в руках не спорится работа,  
Не даёт веселости вино.

Ближние запутались в интригах.  
Я молчу в сторонке и грущу.  
Новую Россию в старых книгах  
Жадно и внимательно ищу...

Неожиданно со дна морского  
Жемчуг крупный подняла сама:  
Светлые сказания Лескова,  
Дивную фантастику Дюма!

У Дюма – как будто нет России.  
Монте-Кристо... Лучезарный миф...  
Но, быть может, силы роковые  
Выведут и нас из *Замка Иф...*?

Понимаешь, мучит неизвестность...  
А кругом шакалий визг и вой...  
Понимаешь, если выбрать честность,  
Значит, поплатиться головой...

А костры новейших инквизиций  
Снова зажигаются вокруг.  
Головой не страшно поплатиться,  
Но... кому довериться, мой друг?

Чтобы знать, что жертвы не напрасны,  
Понимаешь, горе-горечь – грусть:  
Чтобы знать, что если мы несчастны,  
То потом... счастливой будет Русь!

*Харбин, январь 1934 г. Марианна Колосова.*

## «Беседа о Маяковском»

Сокращённый текст доклада, прочитанный автором на собрании Литературного Общества им. Владимира Солоухина в г. Мельбурне 26-7-2003 г.

«...Я волком бы  
выгрыз  
бюрократизм.  
К мандатам -  
почтения нету.  
К любым  
чертям с матерями  
катись  
Любая бумажка!  
Но эту...  
.....  
Я  
достаю  
из широких штанин  
Дубликатом  
бесценного груза –  
Читайте,  
завидуйте,  
я – гражданин...  
«...Погибшего Союза...»



Да простит мне Владимир Владимирович эту вольность в отношении его стихов о «Советском паспорте», но судьба Маяковского тождественна судьбе Советского Союза. Интерес к Маяковскому у меня ещё со школьной скамьи. И вот почему:

В детстве и ранней юности я жил в небольшом и очень уютном городке, который находится где-то там – то ли в России, то ли на Украине; кстати, мне говорили, что теперь намечаются 4 Украины: если начать с запада, то будет Украина Мала, Украина Велика, Украина Сира, та Украина Зэлэна, а Россия - где-то там, между ними. Этот городок был основан Святой Равноапостольной княгиней Ольгой во время её похода на древлян. Стоит городок на высоком месте. С высокой стороны его огибает дугой река. За рекой – лес. Между рекой и городом – заливные луга. Весной и ранним летом городок – одна сирень, черёмуха, акации, липы и... соловьи. А вот осенью на лугах от дождей полно воды, и как только к зиме ударят первые морозы, то образуется ледяное поле на много километров – надевай коньки и гуляй на воле!

У нас в школе был учитель Николай Николаевич. Он преподавал рисование и техническое черчение. Был он из столицы, но, как большинство учителей нашей школы в то время, жил в нашем городке, т.к. городок находился на пути отступления Добровольческой армии, и отступавшие с ней интеллигенты задержались здесь. Николай Николаевич в молодости занимался фигурным катанием и своё искусство демонстрировал на нашем натуральном катке. На уроках технического черчения было немножко скучновато и мы просили Николая Николаевича рассказать нам о Маяковском, с которым он, по его словам, учился в училище живописи, ваяния и зодчества. И он нам рассказывал, что, вот, шли они с Маяковским по улице, а сзади ехала коляска, и кучер орал: «Расступись, расступись, задавлю!» И вот, Маяковский неспеша повернулся и – хват лошадь под уздцы! Остановил коляску и – с вопросом к кучеру: «Ты что, народ давить собрался? То-то!» Этот рассказ – если так было - и некоторые эпизоды из детства Маяковского, о которых поэт сообщает в своей автобиографии, создают впечатление, что он имел природные предпосылки к бунтарству. Например, в своей биографии, названной «Я сам», Маяковский пишет: «Экзамен в гимназии выдержал. Спросили про якорь (на моём рукаве). Знал хорошо. Но священник спросил, что такое «око». Я ответил: «Три фунта» - (так по-грузински). Мне объяснили любезные экзаменаторы, что «око», это – «глаз» по-древнему церковнославянскому. Из-за этого чуть не провалился. Поэтому возненавидел сразу всё древнее, всё церковное и всё славянское. Возможно, что отсюда пошли и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм...»

Владимир Владимирович Маяковский родился в дворянской семье (7) 19 июля 1893 года в селе Багдади Кутаисской губернии в Грузии. Его отец служил лесничим на Кавказе. После

смерти отца в 1906 году семья переехала в Москву. Маяковский пишет о смерти отца и об этом трудном времени:

«...Умер отец. Уколот палец (сшивая бумаги). Заражение крови. С тех пор терпеть не могу булавок. Благополучие кончилось. После похорон отца у нас 3 рубля. Инстинктивно, лихорадочно мы продаём столы и стулья. Двинулись в Москву. Зачем? Даже знакомых не было». «...Денег в семье нет. Пришлось выжигать и рисовать. Особенно запомнились пасхальные яйца. Круглые, вертятся и скрипят, как двери. Яйца продавал в кустарный магазин на Неглинной. Штука 10-15 копеек. С тех пор ненавижу русский стиль и кустарщину».

В Кутаиси Маяковский учился в классической гимназии, 1901-06 гг. В Москве учился в 5 Московской гимназии, 1906-08 гг., из которой был отчислен за неуплату. Затем художественное образование в подготовительном классе Строгановского училища, 1908 г., в студиях художников С.Ю. Жуковского и П.И. Келина; и наконец, в фигурном классе училища живописи, ваяния и зодчества, 1911-14 гг., из которого был исключён за участие в скандалах выступлений футуристов. Ещё в Кутаиси Маяковский участвовал в студенческих манифестациях, 1905 г. В 1908 г. он вступил в РСДРП и вёл пропаганду среди рабочих в Москве; был арестован несколько раз; в 1909 году просидел в Бутырской тюрьме 11 месяцев.

В 1911 году Маяковский подружился с поэтом и художником Д.Д. Бурлюком, организатором литературно-художественной группы футуристов «Гелия», 1912 г. О Бурлюке Маяковский отзывался так: «Прекрасный Бурлюк. Всегда с любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек, чтоб описать негодяя...»

Был ещё один важный человек в жизни Маяковского, который «открыл» и опубликовал Маяковского в 1915 году, и оставался близким другом и сотрудником до самой смерти поэта. Это был Осип Брик. Он был литературный теоретик и критик, один из организаторов Лефа. Он служил Маяковскому, который очень мало читал, как источник информации и идей, являясь крайним сторонником «социального заказа» в литературе; был связан с ЧЕКА. Кроме этого, были также три женщины, которые занимали важное место в жизни Маяковского...

Одной из них была Лили Брик, с которой поэт познакомился в 1915 году. Она заняла центральное место в его жизни: это с ней, согласно революционному идеалу «нового человека», Маяковский пробовал олицетворить концепцию новых отношений между мужчиной и женщиной - новых отношений в любви, где нет ревности, где - полная свобода иметь связь с другими, и таким образом - новые отношения в семье. Увы, эта концепция Маяковского потерпела полный крах. У женщины был муж. Какое-то время она, её муж и Маяковский жили вместе. Такая жизнь поставила поэта в положение третьего-лишнего, в положение прислужника... под пятой этой особы. Я когда-то читал, что впечатление сильного, волевого человека, которое создавал Маяковский для внешнего мира, было поверхностным, что на самом деле Маяковский имел слабый характер. Второй женщиной в жизни Маяковского была Татьяна Алексеевна Яковлева. В 1925 году она по вызову своего дяди, жившего в Париже, уехала из СССР и осталась за границей. Маяковский познакомился с ней в Париже осенью 1928 года; по возвращении в Москву он около года с ней переписывался. Третьей женщиной была американка Элли Джонс, с которой Маяковский имел связь во время поездки в США. У неё от Маяковского родилась дочь, Патриция Томпсон. (Недавно она представляла выставку работ Маяковского в Москве). Как видно, Маяковский с женщинами не был счастлив. В своей лирике он говорит откровенно, что женщины, в которых он влюблялся, не были тем *новым идеалом* женщины революции, который соответствовал революционному идеалу всей его жизни, а были просто-напросто мешанками, с обыкновенными мешанскими интересами.

Маяковский один из первых пошёл против установившихся правил стихосложения. Элементы классической версификации - стопы, строфы, ямб, хорей, дактиль и т.д. - Маяковский не признавал. В своей работе «Как делать стихи», он заявлял: «Говорю честно. Я не знаю ни ямбов, ни хореев. Никогда не различал их, и различать не буду. Не потому, что это трудное дело, а потому, что мне в моей поэтической работе никогда с этими штуками не приходилось иметь дело. Я много раз брался за изучение, понимал эту механику, а потом забывал опять. Эти вещи, занимающие в поэтических учебниках 90%, в практической работе моей не встречаются и в 3%...»

В XX веке образовалось два направления в русской поэзии: одно исходило от Маяковского, другое - от Блока. Маяковский утвердил сочинение стихов без музыки, то есть, в Блоковском понимании музыки стиха. Но это новшество совершенно не свойственно русской поэзии, поэтому поэзия Маяковского - деланная, рукотворная. Он ввёл новую форму стиха «лесенкой», и особую рифму. Слова он, как бы намеренно ломает, чтобы вызвать революционный экстаз.

Рифма Маяковского всегда неожиданная, и часто достигается не окончанием одинаковых слогов, а сходным звучанием - произношением, соответствующих стихов, то есть, у него не рифма слога, а рифма звучания. Здесь, к слову, несколько лет назад я читал статью, в которой автор сделал громогласное заявление: «Без рифмы – нет поэзии». Положим, это – его мнение. Но подобное заявление, мягко говоря, не соответствует действительности. Почему? Да потому, что произведения многих великих поэтов – таких, как Шекспир, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Блок, а также Кольцов, Никитин, и немало других – написаны без рифмы. Например: монолог Бориса Годунова (Пушкин), стихотворение «Песня о купце Калашникове» (Лермонтов), «Белые стихи» (Тургенев) и др. В академическом труде одного литературоведа был поставлен вопрос: что важнее в стихотворении – рифма или значение слова? И вывод: значение слова важнее. Тем не менее, рифма – очень важная форма стихосложения для выражения эмоций, наряду с другими элементами стиха. Чистоту рифмы исповедовали многие поэты. Так Н. Клюев обвинял Есенина в «изломанной рифме»; Маяковский также кропотливо работал над рифмой... Но связывалось стихотворение *ритмом*. Основа стиха – *ритм*, который определяет мелодию стиха. И если у человека нет прирождённого чувства стихотворного ритма, поэта из него не будет.

Несмотря на трудность чтения, а иногда - понимания его стихов, Маяковский имеет большое влияние в мире поэтического творчества и в России, и за рубежом. Часть поэтов его поколения, и позже, пошли по его стопам, напр., Р. Рождественский. Большинство, однако, продолжает привычную форму стихосложения, хотя и они во многом освободились от педантичной нормы определённых размеров версификации и употребляют смелые метафоры, сравнения, рифмы и т.д. Ощутимо влияние Маяковского и за границей. Может быть, не употребляется форма стиха «лесенкой», но немало стихов пишется вообще без рифмы. Таковы, например, стихи, ныне покойного, Клема Кристесена, в своё время известного и влиятельного поэта в кругах университетской элиты в Австралии.

Маяковский, как он сам говорил, всю жизнь старался осуществить идеал нового революционного человека, но, чем дальше, тем он больше замечал, что окружающая его действительность не идёт в этом направлении; что обыкновенные люди меньше всего хотят эту революционную действительность, а предпочитают нормальную жизнь, как это было видно во время НЭПа. Его футуризм, который он поставил на службу большевикам, они, большевики по-настоящему тоже не приняли, и Маяковский начал чувствовать себя изолированным и от общества, и от власти...

Маяковский обычно заявлял, что, когда он читает свои стихи, то слушатели обычно на его стороне. Но это не так... Как-то пришлось выступить Маяковскому и Есенину одновременно. Маяковский прочитал своим ораторским манером какое-то стихотворение; ему аплодировали. Потом Есенин прочитал своё стихотворение - «Песня о собаке»...

«Утром в ржаном закуте,  
Где златятся рогожи в ряд,

Семерых оценила сука –  
Рыжих семерых щенят...»

Присутствовавшие устроили Есенину овацию. Вообще, хотя об этом и не говорится, но Маяковский соревновался с Есениным, и отчасти ему завидовал. Он, разумеется, понимал, что народ не принимал его ораторства, человека нового революционного типа. Сам говорил, что он «наступает на горло своей песне», и что в конечном итоге вся его поэтическая новизна может быть забыта. Но он надеялся, что в каком-то будущем веке коммунизм всё-таки победит, и тогда вспомнят и его труд для этой победы. Хотя и в этом желанном для него веке, будут править не новые, идеальные, революционного типа люди, а простые мещане, которых он так не любил.

К началу разлада Маяковского с большевиками относится его стихотворение «Прозаседавшиеся». Это – очень удачное, жизненное стихотворение. Даже Ленин, который не особенно любил творчество Маяковского, ценил это стихотворение высоко. Сталин, будучи практиком, наоборот, провозгласил Маяковского лучшим поэтом революции, хотя сам он не особенно благоволил к идеалу Маяковского нового человека революции. Так, во время «ежовщины», погибли не только миллионы невинных людей, которым был приклеен ярлык «врагов народа», но было уничтожено немало и настоящих врагов народа – тех, которые делали или помогали делать революцию, а потом устанавливали советскую власть расстрелами и голодом, за что получали местечко у номенклатурного корыта...

Маяковский в последние годы жизни стал в своих произведениях крепко критиковать советскую действительность. Сюда относятся уже упомянутое стихотворение «Прозаседавшиеся», пьесы «Клоп» и «Баня», и др. В них он зло высмеивает новое советское общество, которое не пошло по пути «нового революционного человека», а осталось в основном обыкновенным мещанским обществом, крайне презираемым поэтом. В своей последней предсмертной записке,

о которой нам говорили ещё в школе, Маяковский написал, что «любовная лодка наскочила на житейский корабль». Объясняли это наши учителя тем, что у Маяковского были неприятности в любовных делах, что он рвался к одной женщине, но соединиться с ней оказалось невозможным, и что поэтому он покончил с собой. Но существует мнение, что, в действительности, «любовная лодка», это – его идеал революционера, идеал нового типа человека в новом обществе, и что он потерпел полный крах, столкнувшись с настоящими житейскими требованиями «житейского корабля», то есть, обыкновенного человеческого общества.

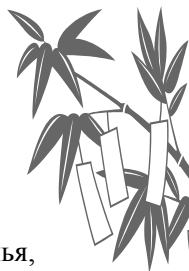
Возможно, что это чувство неудачи в жизни и безнадёжность, отчасти усугублённое состоянием здоровья, привело поэта к самоубийству. Маяковский застрелился 14 апреля 1930 года.

**А. КАРЕЛЬ. О.А.М.**  
Член Союза Писателей России.

## Время

Оно плывёт неведомо откуда,  
Оно идёт неведомо куда  
И, всё решая властью самосуда,  
Оно не знает над собой суда.  
Ему подвластны всех миров творенья,  
Его законам всё подчинено,  
И над живым, и над добычей тленья,  
Непобедимо царствует оно.

*Неизвестного автора.*



*Странно, человек возмущается злом, исходящим извне, от других - тем, чего устранить не может, а не борется со своим собственным злом, хотя это в его власти. Марк Аврелий.*



*«Кто выстрелит в прошлое из пистолета, в того будущее выстрелит из пушки»*

*Лакский поэт Абуталип.*

Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Француз говорит о французской славе. Англичанин – о старой Англии. Немец – о «немецкой верности». Русский, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит о «святой Руси»...

Вот идеал: и не либеральный, не политический, не эстетический, а идеал нравственно-религиозный. Это – практический смысл, который ясно выразился в прошедшей нашей истории. Святая Русь требует святого дела...

Меня своё национальное идолопоклонство на всечеловеческую веру, для которой «нет эллина и иудея», Россия признавала себя составной частью единого человечества, усваивала себе истинные интересы, приобщалась его всемирно-исторической судьбе. Принятие христианства, если оно было искреннее, не могло остановиться на словесном исповедании известных догматов и на исполнении благочестивых обрядов; оно налагало на обращённый народ практическую задачу – преобразовать свою жизнь на началах истинной религии, устроить в смысле и духе этой религии все свои дела и отношения. То нравственное настроение, которое овладело обращённым от язычества Владимиром – заботы о бедных и недужных, миролюбие по отношению к европейским странам, отвращение от жестоких казней – было вполне христианским; таковы же были чувства и взгляды, высказанные сто лет спустя в поучении Владимира Мономаха. Хотя немногие жили так, как Мономах, но все думали так, как он. Важные отклонения от христианского пути в общественной жизни, как княжеские усобицы, признавались всеми за зло и за грех. Высший духовный свет вносился в тёмную душу народа и поддерживался в ней достойными подвижниками благочестия и милосердия. Самый характер русских, и вообще, славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую ответственность с христианским идеалом.

**В.Соловьёв.**

*Наше существо скрывается в нашей старине.*



# Осенний вечер



Рассказ.

Ну, и скучное же время, ноябрь месяц! Вчера выпал снег, как-то обновил землю. Вроде как повеселела природа. А когда растаял – опять темно, серые тучи нависли, скучная осенняя заря догорает с краю леса. Дорога грязная, у крыльца лужи. Тоскливо мычит корова у сарая. Потемнели сырые крыши. Вороны летают стаями, каркая садятся на берёзы.

Прятели мои заскучали дома. Пошли на реку, где мутно отражаются ольховые кусты в воде. И на реке неприветливо. Неужели сад мой и всё кругом было ещё недавно покрыто свежей зеленью? Как-то и не веришь... Осенняя мгла. Дома-то хорошо: горит лампа с красным абажуром, теплится камин. Доктор Иван Иванович сидит у камина и, подбрасывая сырой хворост, говорит:

- Вот, наука... Конечно, наука многое объясняет. В науке есть несомненная истина, но определить всего не может. Хотя бы, вот: к чему эти нелады в жизни - то так, то этак..? Погода тоже не веселит. Заметьте, вот, в окружающей жизни, у всех приятелей наших – всё как-то боком выходит. Вот, хотя бы с женщинами... Вначале, конечно, всё казалось в розовом свете. Женился. Доктор я. Ну, вижу – справлюсь. Жена во мне участие принимает, рада. Чёрт меня дёрнул в театр поехать. А она раньше актрисой была. Что ни скажу, похвалю - «Вот, хорошо играет *Бесприданницу*», а она: «Ужас, что с вами! Вы ничего не понимаете! Нравится она вам, потому что смазлива!» «Нет, - говорю, - позвольте, я-то понимаю: я сам в любительских спектаклях, когда студентом был... так в Вологде, хотите знать, Чацкого играл!» А она как расхохочется. «Вы, - говорит, - утюг! Какой вы Чацкий?!» Не угодно ли? Вот, что я ни скажу, всё не так! Ну, и ерунда! Вышло так года через полтора, что рад был, когда из дому уходил. Получалось так, что я как бы враг её... что ни на есть злейший враг. И каково же ей жить приходится со мной?!

- Вот это верно, - сказал Коля, - до чего верно! Я тоже чувствую с утра, чувствую, что я самый последний человек. И Анфиса тоже страдает. Всё от меня. И почему от меня – я не понимаю...

- Поймай, - сказал приятель Вася, - что же тут непонятного? Страдает - вероятно, от глупости твоей страдает!

- То есть, как это – от глупости? – удивился приятель Коля. – От какой же это моей «глупости», позвольте?

- Да... – вступился доктор Иван Иванович, - по-вашему, и моя жена тоже от моей глупости страдает? Как это вы легко, господин архитектор, дурачков разводите. А вы тоже ведь, кажется, изволили с супругой вашей разойтись?! Это, должно быть, от ума большого...

- Довольно! – вдруг сказал Павел Александрович. – Что же это такое за разговор начинается? Про женщин, вообще, так говорить нельзя. Женщина – существо прекрасное, нежное, хрупкое. Да-с... Вы, конечно, люди штатские. Не понимаете. А вот, когда ехал наш 6 драгунский кавалерийский эскадрон, и заехал в Зарайск... Так там, знаете, что с женщинами случилось? Нет, вы не знаете, что случилось...

- Что же такое случилось? – спрашивали все.

- Не поймёте... Что вам ни говори, не поймёте! Это - понять надо, а вам трудно.

- Что же такое? – удивлялись приятели.

- А такое: рыдали! Понимаете, рыдали! Женщины рыдали. Город Зарайск рыдал...

- Поймай, Павел Александрович, почему же рыдали? Почему город рыдал?

- Странный вопрос Эскадрон ушёл...

Коля Курин смотрел мигая на Павла Александровича, высоко подняв брови, а у доктора Ивана Ивановича как-то сам собой открылся рот и выражение лица у него было удивлённое и виноватое.

- Это у вас, - продолжал серьёзно и строго Павел Александрович, - у штафирок, разные там анализы, переживания, извращённые чувства, разные, вообще, пошлости. А у нас – нет-с... Женщин вообще понять надо, и преклоняться. Преклоняться, и – никаких.

Павел Александрович сердился, говорил резко. Тут охотник Герасим Дементьевич, который раньше был солдатом, и был на войне, сказал:

- Всё правильно. У штатских в голове завсегда бусырь заводится. Ну, их в тоску и вгоняет. А где же в походе – с лошадью, да в службе – в слабость вдаваться?!

- Константин Лисеич, - сказал, входя, Лёнька, - тётяшка Афросинья гуся резать не хочет. – Это мне, говорит, не подходит. Да и гуся жалко.

- Ну, нет, - востропнулся Юрий Сергеевич, - обещали гуся с капустой! Значит...

- Так ты ступай и режь гуся! – сказал Василий Сергеевич.  
 - Ну, нет, увольте!  
 - Иван Иванович! Ты, ведь, тоже и хирург... Ты и займись! – сказал Юрий Сахновский.  
 - Хирург. Вот я твоё толстое брюхо, в случае болезни, разрежу не моргнув. А гуся зарезать отказываюсь!  
 - Ну, Павел Александрович, докажи нам свою храбрость, - сказал Сахновский.  
 - Вот, если бы ты не был штафиркой, то за слова такие стоял бы передо мной у барьера. Все приятели наотрез отказались резать гуся. А Лёнька сказал:  
 - Жалко гуся-то домашнего резать. Вот, застрелить ежели...  
 Но и стрелять домашнего гуся никто не хотел. Пошли смотреть на гуся.  
 - Тега, тега, - позвал гуся Лёнька.  
 Большой, жирный белый гусь шёл по лужам от сарая, переваливаясь на жёлтых лапах.  
 - Хорош был бы с капустой... – задумчиво сказал Сахновский.  
 Гусь боком, подняв голову, рассматривал приятелей. Потом, опустив голову, зашипел, когда Юрий хотел его погладить.  
 - Вот и охотник! - сказала тётенька Афросинья. – Шш... – махнула она фартуком на гуся, - иди, а то и впрямь, как бы тебя не съели!  
 - Его, конечно, зарезать можно, - сказал Герасим, - только такого гуся лучше на племя оставить. Ведь у нас зайцы на жаркое есть... чего ещё!  
 - Заяц-то лучше гуся, - согласился Василий Сергеевич.  
 - И ладно, - сказал Герасим, - неся из погреба зайца. – На войне – человек человека не жалеет, а вот перед гусём все штафирками сделались. Куда! На баб жалуются! - засмеялся Герасим, – с бабой сладить не могут! А от бабы тоже польза и радость бывает. У нас угольщик Серёга ослеп. Ну, значит, уголь жжёт, смольё... Знать, от дымку-то и ослеп. В больнице полгода был. Ослеп – шабаш. Домой отправили. И вот сердит он стал: цельный день ругается с женой - делать-то нечего - и то не так, и это не так! Слепой, а в драку лезет. Авдотья-то, жена, не выдержала – по башке его вальком-то и ахнула. А он, как она его по башке-то ударила, сразу и прозрел... Вот ведь, что! Вот вы, Иван Иванович - доктор. Вы слепых-то умеете так лечить?  
 - Ну, и лекарство! – засмеялся Василий Сергеевич.  
 - Таким средством радикальным вас бы попользовать не мешало, - сказал Иван Иванович. – Дурь-то из головы у вас бы повышибло...  
 - Эх, - вздохнул сторож моего дома, дедушка, покачав головой. – Всё это через ненастье. Время скучное – дождь и дождь!



Константин Коровин.

Жена художника-абстракциониста своей подруге рассказывает: «Мы с мужем прекрасно подходим друг другу. Он рисует, а я готовлю обед. А потом мы отгадываем, что каждый из нас хотел сделать...»



### ТЁМНОЙ НОЧЬЮ

Австралийские тёмные ночи  
 Так обманчиво-мирно тихи...  
 Я не сплю, не смежаю я очи  
 И шепчу о России стихи...

Я гуляю в тех рифмах прекрасных,  
 Как по пояс, в цветах на лугу.  
 Я счастливый, и я же несчастный,  
 Что таких же найти не могу.

Если б мог я найти эти звуки,  
 Что таятся во мне не у дел,  
 То на память и детям, и внукам,  
 Я б Россию родную воспел.

Но она за бескрайнюю далью,  
 Где берёзы и сосны в кругу...  
 Сердце полнится горькой печалью,  
 Что воспеть я её не могу.

Вдруг срывается звёздочка с неба  
 Она чертит свой огненный след.  
 Я за ломоть лишь русского хлеба  
 Горсть отсыпал бы звёздных монет...

Всё шепчу о России я строчки,  
 Но пора мне прилечь и в кровать -  
 Австралийские тёмные ночи,  
 А мне утром так рано вставать.

# Миссия русской эмиграции



В двадцатые и опять – в сороковые годы, прошлого столетия наши эмигранты-родители своим пребыванием в разных странах мира говорили: «Взгляни, мир, на этот великий исход, и осмысли его значение!»

Несмотря на поражение в гражданской войне - фактически из-за этого поражения миллионы русских людей покинули свою родину - этим исходом они проявили свою непримиримость к большевистскому режиму, к его идеологии, показав миру, что он противоречит подлинным русским ценностям, традициям, русскому самосознанию. Они сознательно ушли, чтобы сохранить своё «русское я». Они смотрели на это так: «Мы не в изгнании, мы – в послании!» И это послание, эта миссия имела три аспекта: 1 - спасение русской чести; 2 - непримиримость к силам разрушения и зла; 3 – свидетельство миру о сути этого зла, грозившего всему человечеству. Для многих, однако, миссия эмиграции свелась к традиции ежегодных Дней Непримири-мости. В действительности самое важное влияние русской эмиграции на Запад стало не политическое, а культурное, философское и религиозное.

«Три миллиона восточных людей, принадлежащих большей частью к духовно ведущему слою, хлынули в европейские народы и возвестили им культуру, которая до этого времени Западу была почти неизвестна и недоступна. В нынешней своей форме западно-восточная проблема представляется как проблема обновления человечества, как возможность одухотворения Запада – Востоком, как призыв восстановить человека в его праначальном единстве, как задание создать совершенного человека», - пишет на эту тему немецкий философ В. Шубарт ещё в 1938 году. Теперь понятна и наша задача в воспитании детей и внуков, понятна наша цель в жизни: мы – как русские православные, должны хранить и охранять то богатство духовное, которым является наше достояние. Без этого мы – просто серая масса. С нашим же достоянием мы можем быть полезны и новому и старому отечеству, и по словам молитвы – «нашему Создателю на славу».



Россия – нечто большее,  
чем великая империя. Россия,  
это – философская концепция,  
это – особая манера жить.  
А.Ш.

Опять те алые цветы  
По-прежнему твой взор пленяют  
И, воскрешая о былом мечты,  
Тебе меня, мой друг, напоминают...  
Ты думаешь, что в горести немой  
Свидетели тех дней, когда с тобой  
Вдвоём мы по саду бродили,  
Они - в разлуке сетуя со мной –  
Головки нежные склонили?  
О, нет, не обо мне они скучают!  
Давно меня забыли те цветы,  
Но чувствуют они и понимают,  
Что день и ночь – всю жизнь горюешь ты  
По дорогой отчизне. Что не может  
Их прелесть заменить тебе цветов  
Под пеленою северных снегов  
Рождённых. Что тебя всечасно гложет  
Тоска по родине... Они грустят,  
И знают, что тебе твоя Россия  
Дороже, чем блестящий их наряд,  
Чем страны южные, тебе чужие;  
Что пламеня знойно и светло,  
Где ярче небосклон синее,  
Взрастившее их солнце - не пригреет  
Тебя так нежно и тепло,  
Как севера холодное светило...  
И никогда, ничто в стране чужой  
Тебе не будет, как в стране родной –  
Так близко, дорого и мило!

К.Р.

# Исповедь палача *Подлинный человеческий документ.*

Пятнадцать лет прожил я под покровом глубокой тайны... Пятнадцать долгих, мучительных лет удавалось мне эту тайну хранить, пока в один несчастный день всё не выплыло наружу, и для меня и моей семьи наступила страшная трагедия. Однако, начну по порядку.

Я родился и вырос в одном из штатов Америки. Отец мой был капитаном парохода, и я, вероятно, пошёл бы по той же дороге, если б отец не умер слишком рано.

Мне пришлось помогать матери воспитывать сестёр и братьев. Их было у меня шестеро, и я был старшим из детей. Окончив электротехнический институт, я поступил на службу в большую электрическую компанию, которая скоро командировала меня в город Б., где недавно отстроилась новая тюрьма. Её надо было осветить и снабдить всеми электрическими приспособлениями. В этом городе я встретил Кэтрин, мою первую и единственную любовь. Мы очень скоро поженились и зажили счастливо и безмятежно. Матери я ежемесячно посылал часть своего жалованья, и она могла сводить концы с концами. Окончив оборудование тюрьмы, я получил от её главного смотрителя предложение перейти на государственную службу.

- Вашей работой я доволен, Роберт, - говорил он. - Бросайте-ка службу в частной компании и переходите к нам: через двадцать лет выслужите пенсию и будете жить припеваючи. А что даст вам частная служба? Прогорит компания или, просто, уволит вас во время какого-нибудь застоя в делах, и останетесь на мели! Право, переходите!

Потолковали мы с Кэтрин, подумали, и я решил распрощаться со своей компанией. Я получил должность главного электротехника тюрьмы.

В помощники мне дали молодого человека, преступника, который совершил убийство в драке и был за это приговорён к смертной казни, но, за молодостью лет, казнь была ему заменена пожизненной каторгой. Джо Болтон, так звали его, был славным парнем, и я полюбил его, как родного. Года через три после того, как я поступил в тюрьму, один из арестантов набросился на меня с ножом, но Джо вырвал у него нож и спас меня от верной смерти. Я стал просить губернатора штата, чтобы Болтону, за его геройский поступок, дали освобождение или, хотя бы, сократили срок заключения, но губернатор ответил, что Болтон слишком опасный преступник и не заслуживает смягчения своей участи. С этих пор Джо стал другим человеком. Он потерял всякий интерес к жизни, стал работать спустя рукава и всё повторял:

- Не выйти мне из этой проклятой тюрьмы! Не видеть мне другой жизни! Не стоит работать, не стоит стараться! Всё равно не поможет ни труд, ни хорошее поведение.

Мне так было жаль беднягу, что я даже серьёзно подумывал устроить ему побег. Ко всем заключённым в нашей тюрьме я относился очень тепло и часто оказывал им разные услуги, за которые начальство меня не похвалило бы, если б знало о них...

Прошло восемь лет. За это время в нашей семье появилось четверо ребят, которые приносили нам с Кэтрин много радости. Старший, Франклин, был настоящим чудом: в семь лет он знал на память целый ряд стихотворений лучших поэтов. Он любил читать, и детским сказкам предпочитал сочинения по истории и разные серьёзные статьи. Ректор нашего университета говорил, что ребёнок обладает умом взрослого человека, и ему надо дать хорошее образование, так как из него может выйти великий учёный. Мальчик был моей гордостью, и не было той жертвы, которую я не принёс бы для него. Однажды смотритель тюрьмы вызвал меня к себе и повёл такую речь:

- У меня есть для вас, Роберт, очень серьёзное предложение. Только я не знаю, как вы к нему отнесётесь...

- Я слушаю вас, начальник!

- Вы, конечно, слышали, Роберт, что наш штат отменил смертную казнь через повешение и, вместо этой казни, предполагает ввести электрический стул?

- Да, слышал. Вы желаете, чтобы я наладил этот стул и сделал всю необходимую проводку?



*Профессор, на экзамене будущих адвокатов:*

*- Какое наказание полагается за двоежёнство?*

*Студент:*

*- За двоежёнство... две тёщи!*

- Да, конечно, ведь вы – наш электротехник. Но, кроме того, мы хотим ещё, чтобы вы приняли на себя обязанность приводить в исполнение смертные приговоры...

При этих словах у меня оборвалось сердце и, как будто, покатило куда-то вниз. «Боже мой! Я, который не мог бы зарезать цыплёнка, собаку побить, я – в роли палача! Чудовишно, невероятно!» - думалось мне. Меня бросало в жар и холод.

- Вижу, что вам моё предложение не понравилось, Роберт!

- Конечно, не понравилось, сэр! Я не взял бы на себя такой работы.

- Категорически?

- Ни в коем случае!

- Ну, что ж, тогда придётся взять кого-нибудь другого. Понятно, он будет зарабатывать хорошие деньги: за каждую казнь он будет получать по триста долларов. Другие штаты, которые вводят у себя сейчас электрический стул, тоже будут приглашать его, и, в общем, он будет выгонять не меньше пятнадцати тысяч в год...

- На вашем месте я всё же обмозговал бы это дело, Роберт, - вмешался помощник смотрителя. – Подумайте денёк, другой. Отказаться всегда успеете. Пятнадцать тысяч в год – это не шутки.

«Пятнадцать тысяч!» – думалось мне. На эти деньги я смогу построить дом для семьи, воспитать детей, дать Франклину университетское образование, могу купить автомобиль (в те времена они были ещё очень дорогие). Сейчас я получаю только девяносто семь долларов в месяц... Вот – случай, который позволит мне осуществить все мои мечты!

- В моём предложении нет ничего страшного, Роберт, - снова заговорил смотритель. – Не думайте ни минуты, что вы кого-нибудь лишаете жизни: вы тут не при чём, вы только исполняете приговор суда. Приговор выносится судом, и, стало быть, жизнь подсудимого отнимает суд, а не вы.

Я стал колебаться. С одной стороны, работа палач казалась мне чудовишной, но с другой - пятнадцать тысяч в год!

- Посоветуйтесь с женой, Роберт.

Эти слова привели меня в ужас: нет, никогда не решился бы я говорить Кэтрин о таких вещах. Я вперёд знал, что она сказала бы: «Отец её детей – палач!» Какая женщина могла бы любить человека, который убивает других людей! Да и дети не смогли бы любить такого отца. Целую неделю я обдумывал со всех сторон предложение смотрителя. Наконец, решился и пошёл к нему.

- Начальник, я принимаю ваше предложение, но только под тем условием, чтобы ни одна живая душа этого не знала. Если вы гарантируете мне полную тайну, я стану на работу. Если нет – откажусь. Я хочу избавить свою жену и детей от позора...

- Могу вам обещать, Роберт, что никто и никогда не узнает, что вы взяли на себя эти обязанности. Только я, да ещё Гарри Мортон, смотритель тюрьмы в С., где будут совершаться все казни нашего штата. За него я отвечаю вполне, он будет свято хранить вашу тайну.

- Хорошо, сэр, в таком случае я согласен.

Я поехал в С., чтобы установить там электрический стул, сделать к нему проводку и всё прочее оборудование. В этот день я впервые обманул свою жену. До того, за всю нашу совместную жизнь, я не лгал ей ни разу. Я сказал ей, что еду в С., наладить там кое-что по электрической части, и в дальнейшем мне, вероятно, придётся частенько уезжать из дому, так как мне поручены электротехнические работы во всех тюрьмах штата, что даст мне доход в пять тысяч ежегодно. Жена мне поверила.

Никогда не забуду впечатления от первой выполненной мною казни... К счастью для меня, первую жертвой был здоровенный детина, убивший нескольких женщин и, по моему мнению, вполне заслуживший казни. И всё-таки, возвратившись на другой день домой, я чувствовал себя каким-то грязным зверем. Жена и дети встретили меня поцелуями и ласками. Они расспрашивали, как я съездил в С., что там делал, какова там тюрьма. Всё это переворачивало мне душу, и тут только я до конца понял, какую страшную должность решился занять.

В следующий раз мне пришлось казнить трёх бандитов, молодых ребят, которые во время погони, отстреливаясь, убили трёх полицейских. И этих мне было не особенно жалко, но, возвратившись домой, я снова чувствовал себя отвратительно. Жена заметила, что я не в своей тарелке, но я объяснил своё состояние усталостью от путешествия. Так прошло девять долгих, мучительных лет. За это время я отнял жизнь у ста восьмидесяти преступников в своём штате и несколько сот человек в других штатах, куда меня вызывали для совершения казней.

Каждый год приносил мне около тринадцати тысяч долларов, кроме основного жалованья за службу электротехником в Б. Я выстроил хороший дом, купил автомобиль, отдал Франклина в лучшую школу, где он готовился к поступлению в университет. Дети мои жили в довольстве,



имея всё, что можно достать за деньги. С внешней стороны, я был счастливым человеком, но с внутренней – самым несчастным существом на свете. Как ни старался я оправдать своё ремесло, я не мог к нему относиться спокойно. Ни на минуту не мог я забыть, что я – палач. Страшные видения преследовали меня постоянно, и страданиям моим не было конца. Наконец, силы мои истощились, я почувствовал, что должен бросить это проклятое дело.

Окончательное решение это было принято в тот день, когда я должен был казнить Джо Болтона – человека, который спас мне жизнь, и которого я любил, как родного. Он убил тюремного надзирателя, и на этот раз смертный приговор над ним должен был совершиться.

Скоро после того, мне пришлось казнить трёх взломщиков банковского сейфа: застигнутые на месте преступления, они убили охранника. Двое взломщиков были уже немолодыми людьми, а третий, Джон Браун, был совсем ещё мальчик, ему шёл всего девятнадцатый год. Казнить такого ребёнка мне казалось бесчеловечной жестокостью. Перед самой казнью мне стало не по себе, я задыхался. Наладив стул, подготовив провода, я вышел во двор тюрьмы, на свежий воздух. Там толпились репортёры газет и свидетели, которые должны были присутствовать при казни. Я подошёл к одной из групп и услышал разговор двух репортёров:

- Хотел бы я знать, есть ли у палача, который нажатием кнопки отправляет людей на тот свет, есть ли у него жена и дети? И если есть, подумает ли он о своих детях в тот момент, когда пустит ток, чтобы покончить с этим ребёнком?

- Наверное, ни о чём думать он не будет, - ответил другой репортёр, - у палача не может быть ни воображения, ни, вообще, каких-нибудь человеческих чувств, иначе он не мог бы быть палачом.

Мне очень хотелось сказать им, что у меня есть и воображение, и все человеческие чувства, что я болею душой за тех, кого приходится казнить, но... но... у меня не хватило мужества! Разбитый, подавленный, вошёл я в мёртвый дом. Мысль о том, что надо бросить своё позорное дело, целиком захватила меня. Я нажал кнопку, и казнь первого взломщика совершилась. Ещё нажатие кнопки – и с жизнью расстался другой. Но когда очередь дошла до третьего, когда в смертную камеру, дрожа с ног до головы, вошёл несчастный мальчик Джони Браун – всё во мне возмутилось и будто какой-то голос громко сказал: «Не могу, не могу я убить его! Это не правосудие, это – убийство!» Как жалею я, что не сделал, как подсказал мне внутренний голос! Это был бы геройский жест, достойный настоящего мужчины. Я этого не сделал, и Джони ушёл в туман небытия. Когда доктор заявил, что Джони мёртв, я как безумный бросился вон из смертной камеры...

- Я не могу больше работать, начальник! Это была моя последняя работа, - сказал я смотрителю тюрьмы, входя к нему в контору.

- Успокойтесь, Роберт. Я догадываюсь, что вас так взволновало: это – Джони Браун, мальчик, который мог бы ещё исправиться и жить... Ведь, правда, Роберт?

- Правда! Я больше никогда не стану казнить детей! Довольно с меня!

Я написал заявление об увольнении меня от должности и подал его смотрителю, но он стал меня уговаривать.

- Роберт, у вас есть известные обязательства по отношению к государству, которому вы служите; есть, наконец, хорошее отношение лично ко мне, как к вашему другу. Нельзя же уйти так, вдруг, без всякого предупреждения. Я должен найти для вас заместителя. Сейчас у нас шестнадцать человек ожидают казни. Как же мне быть с ними? Не подводите меня, Роберт, голубчик!

Я вышел из конторы, не говоря ни слова, но смотритель шёл за мной, продолжая говорить:

- Вас так взволновала казнь этого мальчика... Вполне понятно, разумеется. Но знаете ли вы, что этот «ребёнок» - изверг, убивший шестерых полицейских! А, ведь, у каждого из них есть семьи! Кроме того, он не задумался прикончить нескольких детей. Вот, какое это сокровище! А вы ещё по нём сокрушаетесь. Есть о чём!

Я никогда не отличался твёрдостью характера, и меня легко было убедить в чём угодно, если за это брался человек более твёрдый, чем я. Так и на этот раз, я поддался уговорам смотрителя и согласился некоторое время остаться ещё при своей работе. Кстати сказать, впоследствии я узнал, что казнённый Джони Браун вовсе не был таким извергом, и смотритель всё это придумал с тем только, чтобы успокоить меня и удержать на службе.

Прошло ещё несколько лет, и я уже твёрдо решил, что надо бросать. «Дети выросли, я отложил достаточно на чёрный день – хватит нам с Кэтрин доживать век спокойно и безбедно. Уйду, пока ничего не случилось!» – думал я. Франклин кончил юридический факультет и скоро должен был обручиться с дочерью местного богача, Стеллой Киптон. Всё шло по-хорошему, но настоящего душевного спокойствия у меня не было. Я всё боялся, что моя тайна как-нибудь

выплывет наружу, и всё моё счастье рухнет. Когда я сказал смотрителю, что хочу уйти, он снова стал меня отговаривать. Но я твёрдо стоял на своём:

- Я не могу больше, сэр. Умоляю вас, увольте меня! Я предупреждаю вас за месяц вперёд и думаю, что за это время вы сумеете найти мне заместителя.

- Но допустим, что я не найду никого в продолжении месяца, Роберт... Тогда вы не оставите меня, пока я не найду кого-нибудь, ладно?

- Нет, сэр, ни под каким видом! Когда пройдёт мой месяц, я ни за какие сокровища мира не соглашусь пустить по проволоке ток.

- Ну, что ж, ладно. Раз вы так решительно настроены, я постараюсь найти другого палача.

И снова пришлось мне казнить мальчика, почти ребёнка, захваченного на месте преступления вместе с товарищами, уже пожилыми людьми, отчаянными головорезами. Это был типичный уличный мальчик, выросший почти без призора, не имевший понятия о добре и зле. Его легко было завербовать в помощники и повести на какое угодно преступление. После казни я видел его родителей: они пришли забрать его тело, чтобы похоронить на кладбище своего предместья. Вечером я узнал, что они очень бедные люди, почти нищие, и сказал тюремному инспектору, что хочу купить им билеты для проезда домой.

- Я уже распорядился достать им бесплатные билеты и купил им провизии на дорогу, - ответил он. - Мне тоже надоела служба в тюрьме, Роберт: вечно видеть горе, держать людей в клетках, как диких зверей, иметь дело с преступниками, с казнями...

- И хорошо сделаете, сэр! - сказал я, крепко пожимая ему руку. - Ну, а теперь я еду домой, до свидания!

Усевшись в вагон, я вдруг услышал подавленные рыдания и увидел, что впереди меня сидят родители казнённого мной мальчика Вильяма Тауна. Первым моим движением было выйти из этого вагона. Почему я этого не сделал - до сих пор понять не могу. По всему поезду очень быстро распространилось известие, что в нём едут родители казнённого, и каждый пассажир считал своим долгом выразить им сочувствие. Мне тоже пришлось сказать им нес-колько слов в утешение, чтобы не отставать от других, и не навлечь на себя подозрения. Но как я чувствовал себя в эти минуты - лучше не говорить...

Всю ночь просидел я в вагоне, вместе с несчастными стариками. Утром ко мне подошла дама с господином и сказала, что они начали сбор денег для родителей Тауна. Они просили и меня что-нибудь пожертвовать. Я вынул чековую книжку и выписал триста долларов, сумму, которую я получил за казнь мальчика. Такое щедрое жертвование удивило собиравших деньги, и тоже стало моментально известно по всему поезду. Многие пассажиры подходили ко мне и говорили, что я совершил великодушный поступок, а старики Таун не знали, как меня и благодарить. У меня же в душе был настоящий ад.

Когда я приехал домой, жена сразу заметила моё подавленное состояние.

- Что с тобой, милый? - спрашивала она. - Ты болен, огорчён чем-нибудь, озабочен?

- Я здоров, дорогая, вполне здоров и всем доволен.

- Неправда, Роберт, меня не обманешь, я вижу по твоим глазам. Совсем ты не доволен, и совсем не здоров! Что-нибудь у тебя случилось?

Я поспешил кончить завтрак и отправился в тюрьму на работу. Ужас охватил меня при мысли, что, может быть, Кэтрин что-нибудь знает или подозревает. Но я старался успокоиться и говорил себе: «Нет, ничего не узнают ни она, ни дети! Всё останется в тайне: ведь, через неделю или две я расстанусь со своей проклятой службой!» И всё-таки у меня было беспокойно на душе. Я, как будто предчувствовал, что надвигается гроза. Чтобы избавиться от этого чувства, я выпил несколько рюмок виски, и мне стало легче.

Домой я пришёл в довольно бодром настроении. Моя младшая дочь, Флоренс, открыла дверь, но не бросилась ко мне на шею, как обычно, а только сказала: «Алло, папа!» - и убежала. Я сразу понял, что это неспроста. В гостиной ко мне подошла Кэтрин, протянула газету и коротко спросила:

- Роберт, это - правда?

Я взглянул на заголовок статьи и прочёл: «Палач жертвует родителям казнённого плату, полученную за казнь!» В статье было описано всё, что произошло в поезде, а потом, чёрным по белому, шло разоблачение моей тайны. Я упал в кресло...

Вошли дети. У всех на лицах было выражение ужаса, негодования и... отвращения ко мне.

- Папа, ты четырнадцать лет занимался этим страшным делом? - спросила Агнеса, моя старшая дочь.

Я молча кивнул головой. Жена вышла в кухню, девочки пошли за ней. Франклин, приехавший на каникулы, совсем ушёл из дому. Остался со мной только Эдди, младший сын, самый плохой из всех детей. В сущности, он не был плохим мальчиком, но характер у него был

буйный и своевольный; к тому же, был он большим лентяем, не хотел учиться и всегда огорчал нас плохими отметками. Эдди подошёл ко мне, стал на колени, обнял и сказал:

- Папочка, плюнь ты на них, на всех... Не огорчайся, милый! Я с тобой пойду в огонь и воду, если даже вся семья от тебя отвернётся. Слышишь, папа, родной?

Кэтрин с девочками вернулась из кухни, как только замолк Эдди. Слова его ободрили и утешили меня сверх всякой меры.

- Почему ты не говорил мне ничего о своей работе, Роберт? Разве от жены скрывают такие вещи?

- Ведь, это – ужас, ужас! – сказала Флоренс. – Наверное, весь город уже прочёл эту статью!

- Конечно! – вздохнула Агнеса. – И я не знаю, что делать теперь, что отвечать, когда нас спросят...

- Да, это – ужасно, невыносимо! – и Кэтрин заломила руки.

- Ужасно? Что «ужасно», чёрт возьми! – крикнул Эдди, вскакивая на ноги. – Что для вас так «ужасно»? Что вы все бормочете? Я... я...

- Успокойся, Эдди! Не кричи, сынок! – и я схватил его за руку.

- Послушать вас - ваши охи и вздохи - со стороны, так можно подумать, что папа был разбойником, или чем-нибудь ещё похуже! – не унимался мой мальчик.

Но тут вошёл Франклин, улыбнулся так грустно, и сказал:

- Папа, всё уже прошло. Сначала мы были потрясены этим известием, а теперь уже освоились и... ничего, ничего...

- Да, теперь уже ничего, правда, Роберт, - и Кэтрин заставила себя улыбнуться. – Но если бы ты сказал раньше, не было бы так тяжело. Но ничего, привыкнем. Не огорчайся, Роберт.

С этого дня всё в доме изменилось: Кэтрин уже не была такой, как прежде, и дети стали как-будто чужими, и только Эдди – этот беспутный лентяй, каким мы все его считали, был со мной ласков и внимателен, как никогда раньше. Один он понимал, что я делал свою страшную работу для семьи, для её блага.

Скоро, однако, я успокоился и бодрость вернулась ко мне. «Я не сделал ничего такого, чтобы заслужить презрение своих детей», - говорил я себе, - «ради них я и взял на себя эту проклятую работу! Для них только и старался. Им я хотел доставить всё, что только возможно. Я – такой же «убийца», как судья, выносящий смертный приговор, как законодатель, установивший смертную казнь...» В общем, я стал чувствовать себя гораздо лучше, стал больше гулять в свободное время. И однажды во время прогулки – это было через несколько дней после появления этой злополучной статьи в газете – я встретил брата Стеллы Киптон, невесты моего сына. Он сказал мне, что Берт Сандс, кассир банка, в котором у меня был текущий счёт, дал своему брату, репортёру местной газеты, Дэвиду Сандс, сведения о чеке, выданном мною родителям казнённого мальчика.

Дэвид сказал мне потом, при встрече, что он уже с полгода знает о моей профессии.

- Я был уверен, что рано или поздно ваша тайна станет известна другим – так же случайно, как она стала известна мне. Поэтому я и решился опубликовать её.

По моему мнению, Дэвид, как репортёр, всегда гоняющийся за сенсациями и живущий на этот заработок, был не так виноват, как Берт, кассир, который сообщил ему о чеке без всякого для того основания, и я решил проучить его. Придя домой, я сказал Эдди, чтобы он подкараулил братьев Сандс и хорошенько вздул кассира, а заодно уж и репортёра. Жена и дочери были против этого и советовали мне плюнуть на всё дело и забыть его.

- Вот ещё! – вскипел по обыкновению Эдди, - «плюнуть»! Так папа, пожалуй, проплюётся, и всякий, кому не лень, будет его травить! У меня уж давно на братьев Сандс руки чешутся: у меня с ними старые счёты, а тут - как раз удобный случай всыпать им по первое число!

Тем временем, Стелла Киптон, с которой должен был обручиться Франклин, отказала ему без объяснений причины, и все мы хорошо поняли, в чём дело. Молодые люди, знакомые моих дочерей, перестали бывать у нас в доме и всеми способами старались избегать встреч с нами. Вся наша семья, таким образом, подверглась молчаливому остракизму и очень от этого страдала. Особенно, жена и дочери, которые совсем упали духом и только о том и говорили, что надо переселиться в какой-нибудь другой город. Мальчики мои легче переносили наше тяжёлое положение, а Эдди только и мечтал о том, как он «всыпет Сандсам по первое число».

И вот, однажды, встретив Дэвида, он изрядно поколотил его, правда, получив от того сдачу. А через несколько дней, при встрече с Бертом, стал требовать, чтобы тот извинился в том, что дал брату сведения насчёт моего чека. Берт отказался. Произошла ссора. Эдди пустил в ход кулаки. Берт тоже. И вот, в пылу боя Берт так сильно ударил Эдди в висок, что мой бедный мальчик тут же отдал Богу душу... Берта, конечно, арестовали по обвинению в убийстве, и ему предстояло заплатить жизнью за свою вину. «Я должен отомстить этому негодяю!» - решил я и

сразу же написал тюремному инспектору, что беру назад своё прошение об увольнении. Я хотел сам, своими руками казнить убийцу моего ребёнка, прежде, чем бросить своё ремесло палача. При встрече с отцом Берта, я прямо сказал ему:

- Ваш сын убил моего, и я надеюсь получить полное удовлетворение, пустив в него электрический ток! Ваш сын будет последним, кто умрёт от моей руки. Я буду считать дни и часы, пока моя мечта не совершится.

Я только и жил этой мыслью. Семья моя не разделяла этой жажды мести. Все они просили меня бросить всё и уехать из Б. в другой город, где никто нас не знает, и где можно было бы зажить спокойно. Но я не хотел слушать никаких просьб и уговоров.

- Я согласен уехать, Кэтрин, но не прежде того, как сведу счёты с убийцей нашего мальчика. До тех пор я не тронусь с места, так и знай!

Как это ни странно, но общественное мнение было целиком на моей стороне. Главный прокурор сказал мне, что дело Берта Сандс будет рассматриваться с особой тщательностью и вполне беспристрастно, чтобы ни с чьей стороны не могло быть каких-либо нареканий. Однако, отцу Берта удалось подкупить старшину присяжных, и тот, во время объявления вердикта, сказал: «Нет, невиновен».

У меня были наняты детективы, которые следили за ведением дела. Они установили факт получения взятки от старика Сандса, и старшина получил за это три года тюрьмы; старик Сандс получил за подкуп столько же. Это было моей первой победой. При вторичном разбирательстве дела, Берт Сандс был признан виновным в убийстве и приговорён к смертной казни на электрическом стуле. Верховный суд утвердил этот приговор, и убийцу отправили в тюрьму того города, где выполнялись смертные казни над преступниками всего штата. 10 января должна была состояться казнь. Я ждал этого дня с лихорадочным нетерпением. Все мои мысли были там, в комнате смерти, где я отомщу за своего сына.

Наконец, этот день наступил. Я приготовил всё для казни самым тщательным образом, чтобы не получилось какого-нибудь промаха. Я намочил две новые губки в солёной воде и вставил в них электроды. Всё было готово. Стрелка часов над дверью смертной комнаты двигалась необыкновенно медленно... Оставалось только 10 минут до момента, когда должны были ввести преступника; но ни репортёры, ни свидетели казни почему-то ещё не показывались. «В чём дело? Почему такая задержка?» - думалось мне, и сердце замирало от жажды мести и нетерпения. Вдруг, за дверью послышались шаги. Шаги эти я слышал в продолжении четырнадцати лет, перед каждой казнью. Это был главный смотритель тюрьмы, который приходил справиться, всё ли готово для казни, и затем впускал газетных репортёров и свидетелей. Я бросился к нему навстречу и сказал:

- Всё готово, сэр!

- Ничего не нужно, Роберт!

- Ничего?! Как ничего?! Чего не нужно?!

- Казни не будет: четверть часа тому назад губернатор помиловал преступника. Он только что позвонил нам об этом по-телефону. Всё это устроила ваша жена, Роберт: она пошла к губернатору с матерью убийцы и рассказала, что вы посылали своего сына побить братьев Сандс. Губернатор сказал, что в таком случае убийство явилось следствием самозащиты, и помиловал преступника.

Бешенству моему не было границ. Я побежал к телефону, чтобы вызвать жену и спросить её, как она посмела вмешиваться в это дело, как смела просить о помиловании негодяя, убившего нашего мальчика? Но прежде, чем она успела подойти к телефону, внутри меня словно что-то надломилось и вся горечь, вся обида, всё бешенство куда-то исчезли.

Кэтрин не испугалась моего вызова. Она смело заявила:

- Я сделала то, что сделала бы всякая мать, и просить прощения у тебя, Роберт, не стану. Я рада, что спасла человека от казни!

Я понял... и опустил голову. Она была права.

В тот день я бросил службу и больше никогда не входил ни в одну тюрьму. Но я был палачом, и совесть не перестаёт меня мучить. Даже теперь, десять лет спустя, страшные видения преследуют меня каждую ночь. Больше всего боюсь ночи...

**Неизвестного автора.**

*Перевод с английского – Елизаветы Моисеевны Юхоцкой.*

Из журнала «Рубеж», Харбин 1938 г.



# Лидочкино счастье



(Рассказ из харбинского быта)  
Перелешин.

Молодость, это  
такая замечательная  
вещь, а её отдали  
мальчишками девочкам.  
**Бялик.**

Лидочка кокетливо закатила глазки – небольшие, карие, но удивительно красивые, в чём она даже сама признавалась. Слегка похлопала короткой, пухлой, но удивительно симпатичной ручкой разметающую причёску – волосы у неё были каштановые, мягкие, иногда так сильно походили на вьющиеся, что, могло показаться, их вовсе не надо было и причёсывать.

Лидочка оживлённо рассказывала о своих успехах черноглазой, весёлой девушке, которой привыкла верить все свои тайны.

- Ах, Катя, я сегодня на Китайской встретила сына магазина «Скорый доход», сегодня мы идём в Городской Сад, а в воскресенье – в кино на «Демонов Рая» с Рамончком...

- Неплохая картина, я видела вчера с Костей.

Костя, бледный, болезненного вида студент, двоюродный брат Кати, съязвил:

- Чудненькая!

Это был явный намёк на Лидочку – она всегда говорила «чудненькая». Катя бросила неуловимый взгляд в сторону Кости и лукаво улыбнулась. Лидочка подозрительно прищурилась – ей часто чудились намёки. Обвела пронизательным взглядом собеседников – Катя пристально рассматривала рисунок на скатерти – необыкновенно оригинальный, повидимому, рисунок. Костя вскинул глаза сначала на электрическую лампочку, потом на стенной трафарет. И всё-таки – насмешка оказалась недостаточно тонкой: Лидочка стала прощаться.

- Катя, какой ужас эта твоя Лидочка! – хохотал Костя. – Нельзя же так – «сын магазина», кино, «Рамончик»! Ведь гимназию кончила, с людьми хоть изредка встречается... А знаешь, что мы сделаем, – предложил он, – мы из этого «сына магазина» устроим такой спектакль, что надолго потехи хватит.

- Что ещё? – недоверчиво отозвалась Катя.

- А вот что: я, как тебе, вероятно, известно, поэт. Хороший или плохой – не в этом дело. Да сейчас и надо оказаться поэтом похуже. Поэтом с Китайской...

- Странное желание, хотя его и не так трудно...

- Ладно, ладно, не пытайтесь острить, обожаемая кузина. Представь: я влюблён в Лидочку. Это не я, то есть, а поэт с Китайской. Решаюсь, наконец, заговорить с ней о своих чувствах. Разумеется, у меня не хватает смелости лично объясниться со своей богиней и я избираю самый лёгкий способ – пишу. Сама можешь догадаться, что в стихах. А уж какие стихи – сейчас выясним. Давай вместе сочиним... как-нибудь под Пушкина. Например:

Восхищён твоей красою, / Словно взят на небеса, / Полюбил я всей душою  
/ Твои милые глаза. / Я тебя, как фею райску...

Бумага всё терпит, и эти трогательные стихи заносились на первый попавшийся листок первой попавшейся тетради.

- Ну, это уже слишком, – запротестовала Катя.

- Что, «райску»...? Нет, «сын магазина Скорого Дохода» именно так и напишет.

- Да нет... во первых ты пишешь в Зининой тетради и она тебя за это растерзает; да и в «райску» Лидочка не поверит...

- Поверит, всему поверит. Да и не так уж наши стихи плохи – когда мне было пять лет, я сам так писал. Дальше: «Я тебя, как фею райску...» - я это нарочно беру, чтобы с «Китайской» срифмовать...

Я тебя, как фею райску,  
Всюду вижу на пути,

Так что мне и на Китайску  
Хоть совсем не выходи...

- Это же безграмотно! И бессмысленно! И она ни за что не поверит. Я её всё-таки знаю немного больше, чем ты.

- Чему хочешь верить! В «планету Маркс» поверит, если постараться. Давай, кончим, а то ты всё время с мысли сбиваешь. Свободное вдохновение, а ты всё время пристаёшь с пустяками... Как там у нас получилось – «хоть совсем не выходи»...?

Лишь тебя вдали увижу  
Меж толпящихся людей,

И люблю, и ненавижу,  
И домой бегу скорей...

- Зачем же «домой»? Нет, брось лучше!

- Умру, но не брошу. А зачем «домой»? Это уж ты угадай сама. Такое, значит, на него Лидочкина красота действие производит. Потом письмо напишем с назначением свидания. Перед нами пройдёт целый роман со всеми принадлежностями!

Затем Костя переписал письмо левой рукой - чтобы «похоже было», а Катя так разошлась, что сама марку наклеила.

Перед тем, как войти, Лидочка предусмотрительно осведомилась:

- Можно тебя, Катичка? Одна? Мама ушла в церкву? А этого твоего симпатии Кости нет? Не Костя, а кости одни!

- Мама *в церкви*, сегодня суббота. А Костя уже ушёл.

- А что, был?

Лидочка инстинктивно остановилась у зеркала. Кокетливо повела глазками, похлопала короткой, пухлой, но удивительно симпатичной ручкой по тщательно завитым волосам, которые сегодня были особенно похожи на вьющиеся, и подпрыгнула на одной ножке, удивительно изящной, хотя Костя и уверял, что ступни у неё слишком широки, а икры чересчур мускулисты. Сначала тихо, потом всё громче, победнее начала скандировать по школьному:

Восхищён твоей красою,  
Словно взят на небеса,

Полюбил я всей душою  
Твои милые глаза...



- Чьё это? Гумилёва? – не удержалась Катя.

Но Лидочка не слушала её. Она пыталась повернуться на левом каблучке и одновременно запела:

- «Я тебя-а-а как фе-е-е-ю райск-у-у-у-у...» Представь, Катя, я сегодня встретила на Китайской сына магазина *Скорый Доход*, и он просил ещё посвятить мне стихотворение и прислать, как это...

Очень уж хотелось Лидочке получить ещё одно такое же письмо!

Лидочка частенько встречалась с Гарри на углу Страховой. Подрастающее и уже достаточно подросток поколение собиралось вокруг «Кантилены», откуда ревел какой-то мощный бас, сменявшийся временами минорным тенором и просто безголосым Вертинским, гнусаво хныкавшим: *«Пей, моя девочка, пей, моя милая... Это плохое вино...»*

Вот этот боксёр провожал её из кино... Вот этот «сорокот» пытался ущипнуть её позавчера... У этого был роман с Таськой из аптеки... С этим иностранцем она сама заигрывала, а теперь он гуляет с мануфактурной барышней. Гарри – иное дело. Он очень робок, застенчив, нерешителен. Первое время он даже Лидочки боялся и старался скорее отделаться – конфузился, краснел, глупел, насколько это было возможно. Потом стал смелее.

- Лидочка, пойдёмте в Городской Сад!

Они стали гулять в заплёванном вдоль и поперёк саду, иногда ходили в кино на разговорки. Страх за симпатичного Рамончика или Мориса, имя которого оба произносили с ударением на «о», за любимых героев и героинь, на которых из огромного колбасообразного цеппелина вдруг начинали градом сыпаться бомбы, или за которыми гнались страшные полицейские или детективы, чтобы отнять у них так талантливо украденные миллионы, непременно миллионы, и мотор беглецов вдруг портился, – заставлял Лидочку порой испуганно прижиматься к плечу Гарри... Общие переживания заметно роднили их души, ибо и тот, и другая испытывали всё большее удовольствие от таких минут. «Милая, доверчивая девочка», - думал Гарри. «Милый, неустрашимый Гарри!» - вероятно, думала Лидочка.

В середине лета Лидочка неожиданно уехала в Затон на дачу к подруге. Гарри страшно мучился, а через день после того, как Лидочка вернулась в город, учтивый синий почтальон принёс ей письмо в элегантном розовом конверте с парой целующихся голубков, окружённых незабудками. Лидочка подпрыгнула от счастья. Загорелая пухлая ручка сразу стала фарфоровой, мускулистая, мясистая ножка – точёной, волосы – вьющимися, а вся Лидочка – стройной, как трирема. Задыхаясь от волнения, то пропуская строчки, то читая одну и ту же дважды, Лидочка добралась, наконец, до конца письма. Перечитала ещё раз – глаза уже чувствовали триумф, но голова требовала разъяснений. Она прочла:

- Сколько ж вашей тётке исполнилось лет?

- Точно не знаю, но когда на её день рождения на торте зажгли свечи, гости попадали в обморок от жары!

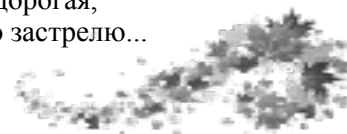


О, прими моё посланье,  
Не могу я больше ждать,  
Разгадай моё страданье,  
Дай себя поцеловать.

Каждый вечер в полночь майску  
На Китайску выхожу,  
Чтоб тебя увидеть, райску,  
На всех барышень гляжу...

Приходи, моя услада,  
Коль тебе не будет лень,  
К воротам Градского Сада  
Ровно в полночь через день.

А не то я, дорогая,  
Себе горло застрелю...



Сердце Лидочки облилось кровью, когда она представила себе милого, неустрашимого Гарри с «застреленным горлом». Но... правый уголок письма интригующе отогнут. И на нём: «Секрет на сто лет». Разогнула, прочла: «Жду 17-го в 8 у ворот Городского Сада».

«Счастье! Счастье!» - сердце Лидочки запело ласточкой, потом замерло, потом забилося катастрофически. И снова запело: «Счастье, счастье, счастье! Богатый, интересный ухаждёр!» «Свидание, свидание, свидание», – выпевала каждая жилка, каждая струнка души. Лёгкая, как яхта на всех парусах, как выпущенная на волю канарейка, выпорхнула Лидочка из своей уютной «кисейной» квартирki, где с каждой полочки свешивалась белая салфеточка. Катя жила близко, за углом, через пять минут всё будет знать! На стыке улиц вынырнул Гарри. Розовый, как после ванны, счастливый – Лидочка вернулась, Лидочка приехала! Нарочно ведь её караулил?!

- Гарри, Гарри, здравствуйте! Значит, завтра в восемь у Городского Сада! Получила, получила!

Подпрыгивая, как газель с высот Хингана, напевно выстукивая каблукками мотив полученного стихотворения – оно было с ней, на самом дне сумочки, там, где руж, платочек с монограммой и гребешок – Лидочка скрылась за углом. Гарри, растерянный и восхищённый, смотрел ей вслед: «Завтра в восемь, завтра в восемь! Какая милая, не забыла их дружбы. Сама велела придти. Сама назначила свидание!»

**Ш**ляпка идёт быстро, не оборачиваясь. У шляпки весёлые, сильные, мускулистые ножки и удивительно симпатичный, весело припудренный носик. Шляпка счастлива. Внутри шляпки содержится Лидочка. Влюблённая, счастливая Лидочка. Какой Гарри чудненький, какой хорошенький, а уж её как любит! Сердечко словно качается на качелях. Ух! Вверх, вниз, снова вверх и опять вниз. Ух! – замирает Лидочкино сердечко. У ворот вдруг пошла тихо-тихо. Носик заострился из-под шляпки, порозовел от напряжения. Смотрит. Ищет. Озабоченно воркует сердечко. Шляпка недолго мечется перед воротами. Подумав, наконец, входит. Слева от входа, на первой скамейке – редкие гости. Костя и Катя.

- Здравствуйте, Лида, - приветливо кланяется Костя.

Катя, как всегда, насквозь светится:

- Лидочка, посиди с нами!

Но Лидочка занята. Носик занят: надо не пропустить!

- Пойдём, лучше в беседке посидим. Здесь оченьлюдно и пыльно, - предлагает Катя, - а там хорошо, тихо, и воздух, как на горах.

Лидочке не нравится беседка – оттуда никого не видно. Да и упасть можно в темноте, и каблук вывихнуть... Костя и Катя уходят всё-таки. Не боятся упасть! Лидочке некогда даже порадоваться - Лидочка очень занята.



Гарри и Лидочка – помолвлены. Объяснение в Городском Саду решило всё. Лидочка клятвенно пообещала больше ни с кем не гулять. Гарри обещал поговорить с родителями.

Папаша, однако, не разделил Гарриных чувств. Сначала ворчал и бранил Лидочку, потом перестал разговаривать с Гарри. Злобно молчал. Многопудовая, бокастая, грудастая медузо-мамаша тоже молчала. И от их молчания Гарри становилось всё тяжелей. Лучше бы уж ругались, кричали, даже побили.

Наконец, Гарри не выдержал. Однажды в столовой, сидя с мамашей, расплакался. И поползли в глазах медузы, жирные бока... И вдруг – приползли! Взгромоздились кучами до самого потолка. Подхватили Гарри. Качнули. Огромные тёплые руки-лопаты придвинулись к его голове и спине. Тёплые грабли перебрали волосы. Лёд сердца непреклонной мамашы растаял – из её объятий Гарри выбрался признанным женихом! Большая добрая медузо-гора всплакнула от умиления.

Перецеловав по очереди всех своих маленьких братцев и сестричек, наговорив им тысячи нежных ласковых слов, надавав тысячи обещаний, Гарри помчался вихрем к своей избраннице, к своей невесте, к своей Лидочке...

Костя пришёл к Кате только за несколько дней до Лидочкиной свадьбы, и сразу, как вошёл, был оглушён, ошарашен: Катя, её мама, сестра, все столы, стулья, шкафы, даже кровати и полочки говорили, кричали, пели:

- Лидочка выходит замуж, Лидочка выходит замуж! Замуж... Лидочка! Лидочка... замуж!

Ушам не поверил, вытаращил глаза. Но, когда понял, что никто с ним не шутит и все совершенно серьёзны, даже обрадовался.

- Устроили мы с тобой Лидочкино счастье, Катя! – и сейчас же пошутил: - А согласишься, Катя, что ты десять лет жизни отдала бы за то, чтобы оказаться на месте Лидочки...

- А ты и двадцать отдал бы, чтобы поменяться с женихом, - отпарировала девушка.

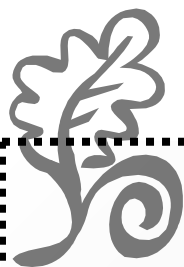
Оба смеялись: вот так «фея райска» получилась..!

- Честное слово, сделаю из этого рассказик, - решил Костя.

- Ради Бога, не делай глупостей. Свадьба и так на волоске висит: а что, как она покажет ему в минуту нежности его чудненькие, трогательные письма к ней? Подожди, по крайней мере, до свадьбы!

Недавно Костя узнал, что свадьба состоялась.

**В. ПЕРЕЛЕШИН.**



## Фантазия

Мы одни. Из сада в стёкла окон  
Светит месяц. Тусклы наши свечи.  
Твой душистый, твой послушный локон,  
Развиваясь, падает на плечи...

Что ж молчим мы? Или самовластно  
Царство тихой, светлой ночи мая?  
Иль поёт и ярко так, и страстно,  
Соловей, над розой изнывая?

Иль проснулись птички за кустами -  
Там, где ветер колыхал их гнёзды,  
И, дрожа ревнивыми лучами,  
Ближе, ближе к нам нисходят звёзды?

На суку, извилистом и чудном,  
Пёстрых сказок пышная жилица,  
Вся в огне, в сиянье изумрудном,  
Над водой качается жар-птица...

Расписные раковины блещут  
В переливах чудной позолоты,  
До луны жемчужной пеной мечут  
И алмазной пылью водомёты...

Листья полны светлых насекомых,  
Всё растёт и рвётся вон из меры...  
Много снов проносится знакомых,  
И на сердце много сладкой веры...

Переходят радужные краски,  
Раздражая око светом ложным,  
Миг ещё – и нет волшебной сказки!  
И душа опять полна возможным!

Мы одни. Из сада в стёкла окон  
Светит месяц... Тусклы наши свечи.  
Твой душистый, твой послушный локон,  
Развиваясь, падает на плечи...

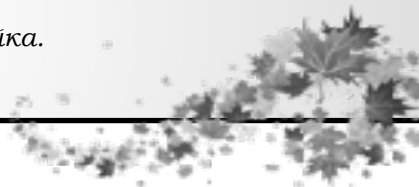
**А.А. Фет.**



*Хозяйка дома исполнила для гостей романс «Возьми меня обратно в старую Виржинию». Почтенного возраста седовласый джентельмен склонил голову и тихо заплакал при последних звуках романса.*

*- Вы, наверное, из Виржинии? – спросила хозяйка.*

*- Нет, мадам, я старый музыкант.*



# Хайларские воспоминания

*Небольшой городок... Он всегда будет в моей памяти. Там прошло моё детство, и я с удовольствием вспоминаю разные эпизоды, которыми хочу поделиться с читателями «Жемчужины». А.М.*



Жизнь в Хайларе в сороковых годах, как и везде, была простая: не было современной техники, не было транспорта; люди жили своим трудом, пользовались силой животных. У всех были лошади, коровы и, конечно же, верблюды...

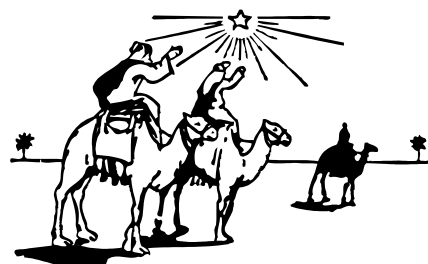
Верблюдов впрягали в особые телеги, арбы, на которых возили тяжёлый груз. Иногда нас, детей, брали с собой прокатиться. В один прекрасный день, дедушка попросил рабочего приготовить ему телегу с верблюдом. Дядя Илья, как мы всегда звали этого рабочего, пытался запрячь верблюда, но тот заупрямился. Верблюд был ещё молодой, необъезженный, он совсем не хотел везти на себе груз. Мучился с ним наш дядя Илья, мучился, и от злости шлёпнул его. Верблюд медленно повернул голову, открыл свою пасть и - плюнул на рабочего! Плевок-то у него был огромный, и попал бедному дяде Илье прямо в лицо и на голову. Ну и ругался же наш дядя Илья! Даже мы слышали, хотя жили в соседнем дворе. Всех насмешил этот эпизод, но с тех пор я стала с опаской относиться к верблюдам и боялась к ним подходить... И всё таки наш добрейший дядя Илья - мы с сестрой его очень любили, - уговорил меня однажды подойти поближе, и посадил на спину верблюда. Мягко было сидеть между двумя горбами. Мне это понравилось. Животное стояло спокойно, видимо не чувствуя веса пятилетней девочки. После этого у меня прошёл страх к верблюдам, и я стала сама просить, чтобы меня на нём покатали.

Много было работы летом у жителей Хайлара. Женщины ходили за ягодами, грибами, а мужчины приготавливали на зиму сено, чтобы кормить скот. В нашей семье большого хозяйства не было, но мы также держали запас сена для лошадей и коров. И вот, однажды, хорошим солнечным деньком папа решил ехать «за травой». Ехать надо было за город, по направлению реки Аргунь - там росла хорошая, сочная трава, подходящая для корма скота. Мы с сестрой взмолились:

- Возьми, возьми нас с собой!

Папа у нас был добрый, взял с собой обеих дочек.

Дорога была ровная, без ухабов, лошадь бежала быстро. Кругом - куда ни помотришь - полевые цветы, да такие красивые! Мы всё время останавливались, чтобы набрать для мамы букет. Доехали до положенного места благополучно. Начали работать: папа косил траву огромной косой, а мы с сестрой собирали и складывали её в телегу, пока не получился целый воз.



На обратном пути лошадь, груженная травой, бежала не так быстро, поэтому мы с сестрой могли сидеть на самом верху воза. Нам это очень нравилось. Но тут... Вдруг неожиданно пошёл дождь. Мы все вымокли до нитки, а трава, которую папа, как видно, не привязал хорошенько, поползла с воза вниз. А за ней - мы с сестрой... и, конечно, очутились на земле! Снова пришлось собирать скошенную траву и укладывать её в телегу. Уставшие, мокрые, но весёлые мы вернулись домой, чтобы рассказать маме о наших приключениях.

На летние каникулы мы всегда ездили с папой на покос. Обычно мы отъезжали далеко от Хайлара. Так и в этот раз: собрался папа с мужчинами в поля и, конечно же, взял и нас с сестрой. Приехав на место, мужчины стали косить траву, а мы с сестрой решили просто побегать среди старых стогов сена. Стогов было очень много, видимо люди держали их там до зимы.

Набегавшись, мы с сестрой решили остановиться и отдохнуть. Подбегаем, запыхавшись, к одному стогу, и видим: сидит большая собака, смотрит на нас... «Как же она сюда попала?» - подумали мы. И стоим, смотрим на неё, боимся пошевелинуться. А собака всё на нас смотрит. Но не лает. Мы не знали, что делать: папу звать бесполезно, он уже далеко ушёл с другими косарями...

- Давай потихоньку двигаться! - посоветовала сестра.

И вот, взявшись за руки, мы с ней стали отходить от страшного места. Мы уже были довольно далеко, когда, оглянувшись, увидели, что собака всё так же сидит... у того же самого стога... Тогда мы бросились бежать. Добежали до косарей, рассказали им о страшной собаке. Один из них, который часто бывал в этих местах, сказал:

- Да это совсем не собака! Это - старый волк! Он уже глухой, и плохо видит...

Мы все вернулись к тому месту, где сидел волк. Мужчина, который рассказал нам это, подошёл к волку, погладил его, дал ему поесть.

Похоже, что старый волк привык к людям, и появление двух маленьких девочек совсем не беспокоило его. Но мы с сестрой перепугались изрядно.

**Л.МАРТИН.**

Брисбен, 2004 г.

\* Печатается впервые.



## Засуха

Это произошло в 1927 году на станции Имяньпо (Восточная линия КВЖД, ред.). Начало лета в наших краях было очень сухим и жарким, а для полей нужны были дожди. Русские видели, что в китайском посёлке три дня непрерывно били в барабаны и несмолкая играла китайская музыка, призывая дождь. Но ничего не помогало...

В то время настоятелем русской православной церкви на этой станции был священник о.Семён Новосильцев. В одно из воскресений большая группа китайцев приблизилась к ограде храма. Четверо из них вошли в церковь. По окончании службы китайцы подошли к о.Семёну, пали на колени и стали просить, чтобы он, о.Семён, молил *своего Бога* спасти им урожай - послать дождь.

Отец Семён решил повести в поля крестный ход. Прихожане взяли хоругви, иконы, и с хором, в сопровождении группы китайцев, двинулись... Нас, прислужников, о.Семён заставил трезвонить в колокола, что мы и делали с великим усердием. Выйдя из посёлка через висячий мост, крестный ход направлялся за околицу к полям. Поднявшись на один из холмов, о.Семён начал молебен. Неожиданно, во время чтения Евангелия, поднялся сильный ветер. Скоро чёрная туча закрыла небо и полил дождь. Потрясённые китайцы упали на колени. Но молебен продолжался...

Промокнув до нитки, под перезвон колоколов, все вернулись в храм. Чудо Божие совершилось – урожай был спасён.

(Воспоминания моего мужа, Н. Доценко)

**Г.Н. ДОЦЕНКО**

Брисбен, 2004 г.

\* Печатается впервые.

## Почему мы так говорим ?



### САРАФАН

Слово «сарафан» живёт в русском языке уже много столетий. Но одежда, которую так называют, менялась много раз. Сарафан во многих районах – народное женское одеяние. В городе – это платье для дома, для дачи, отпуска. А ещё 250 лет тому назад в сарафане щеголяли только мужчины. Женский же сарафан стал так называться из-за некоторого его сходства с мужским сарафанцем, уже вышедшим из употребления в конце 17-го века домашней одеждой. Это было длинное платье, поверх которого надевали вторую одежду (кафтан) и на простой ворот которого пристёгивали «обниз» – украшенный жемчугом и камнями воротник. Ещё раньше сарафан был почётным мужским нарядом. Несколько сарафанов было и у царя Михаила Фёдоровича. Двор такую почётную одежду заимствовал с Востока. Слово «сарафан» и происходит от персидского «сарапа», или «сарапан», бывшего названием почётной одежды.

### МИЛЛИОН

У римлян, а потом и у других романских народов, числительное mille было вполне достаточно для самых больших вычислений. Марко Поло, первый европейский путешественник по Азии, в начале 14 века вернувшись в родную Венецию, стал удивлять соотечественников диковинными рассказами о том, что он за 20 лет странствий видел. Он был, между прочим, поражён числом и плотностью населения Китая, а также, рассказами о Чингиз-хановой империи. Желая в своём образном описании этого человеческого муравейника дать почувствовать всю громадную силу, Марко Поло прибег к изобретению слова millione (в итальянском языке суффикс «-one» соответствует русскому «-ще», «-ина» (домище, детина). Венецианцы, относившиеся к рассказам Марко вообще недоверчиво, обратили внимание на эту необычайную форму определения количества – и прозвали самого путешественника Марко Millione. Впоследствии – они же первые воспользовались этим словом для обозначения тысячи тысяч единиц.

# Двенадцать старых дев

(Рассказ)

*Легкомыслие – великая способность смотреть весело на вещи серьёзные, и серьёзно – на вещи вздорные.*

Да будут благословенны русские моряки, юность, любовь к родине и бедность!

Я жил тогда на улице Миндальных Дерев, готовился к экзамену по зоологии, был весел и беззаботен, как всякий молодой человек, имеющий от роду двадцать лет. Конечно, я дорого дал бы в те дни за то, чтобы на моём столе были акриды и дикий мёд... За моей дверью, которую я уже две недели кряду запираю изнутри на ключ, каждый день стоял господин Жюль Рюнель, самый логичный и убедительный человек из всех, когда-либо встречавшихся на моём жизненном пути. В полном одиночестве, этот человек позировал перед запертой дверью, тыкал себя перстами в грудь и, безвозмездно расходуя свой театральный талант, говорил горестным санглотирующим голосом:

- Ах, вы не хотите открыть дверь! Прекрасно, милостивый государь, прекрасно! Два месяца я был добр и терпелив, как самый последний дурак. Любой осёл мог бы поумнеть за такой срок, но Жюль Рюнель воистину глупее осла. Как! У вас нет денег? Но в таком случае рекомендую вам устроиться где-нибудь под открытым небом, наподобие Диогена, о котором вы, может быть, кое-что слышали. Поверьте, он не стал менее мудрым оттого, что не мог жить в доме Жюля Рюнэля. Боже, Боже! Воображаю, что было бы с вами, если бы вы очутились в Соединённых Штатах, где даже время, и то – деньги!..

Конечно, господин Рюнель был совершенно прав, и в Соединённых Штатах мне, действительно, было бы гораздо хуже, так как, повидимому, я не имел бы там ни минуты времени. Однако, я не решался высказать это соображение вслух, ибо отлично знал, что красноречие вообще не имеет пределов. Я молчал, углублённый в изучение короедов, жизнь которых как нельзя лучше свидетельствовала о существовании иного мира, где так легко можно обойтись без денег и без квартирных хозяев. Само собой разумеется, что Жюль Рюнель не позавидовал бы такой жизни. Созданный по образу и подобию обезьяны, он всё же не был чужд ничему человеческому.

Одержимый необыкновенным даром слова, этот чудак не мог не почувствовать, наконец, живой потребности увидеть перед собой многочисленную аудиторию, тем более, что запертая дверь, несомненно, лишала его возможности наслаждаться зрелищем им же взволнованного человека. И вот однажды, ровно в полдень, он подошёл к моему окну с улицы. Размахивая котелком и смеясь самым саркастическим смехом, когда-либо оглашавшим вселенную, Жюль Рюнель произнёс речь, способную разбудить самую дремлющую совесть и привести в восторг любого прохожего:

- Граждане! – говорил он, обращаясь к собравшимся вокруг него уличным мальчишкам. – Здесь у меня живёт человек, который думает, что мне очень нужна его зоология. Но, чёрт подери, разве я похож на профессора?! Ах, как я буду рад, когда он провалится на экзамене! Как я буду рад! Утром и вечером я молю Бога, чтобы этот неуч убрался, наконец, отсюда в свою Россию!

- Да здравствует Россия! – дружно и весело закричали мальчишки, перебивая господина Рюнэля, и с искренним воодушевлением замахали шляпами.

- Да здравствует Россия! – поддержали их из всех окон звонкие молодые голоса студентов, а мой друг Франсуа Ламбер, медик второго курса, вылил на улицу огромный кувшин холодной воды, пришедшейся как раз на голову оратора.

При этом вдруг смолкли все голоса, и наступила полная тишина на улице Миндальных Дерев. Только один из мальчиков – тот, который был постарше – выступил вперёд, торжественно поднял руку и, указывая пальцем на небо, важно провозгласил:

- Justice est faite! Правосудие совершилось!

Нужно ли говорить, что Жюль Рюнель покинул трибуну под гром аплодисментов, при дружных взрывах смеха и восклицаний...

Должен сознаться, что я покинул мою комнату при гораздо менее торжественных обстоятельствах и что мой переезд на другую квартиру не был предметом столь же восторженных народных манифестаций. Конечно, это произошло ночью, когда во всём городе не спали только я и мой друг Франсуа Ламбер. Он шёл впереди меня, держа в одной руке лампу, а в другой мою подушку, небрежно завернутую в газету. Кроме того, с его плеча свешивалось сзади моё красное полосатое одеяло, напоминающее собой шарф торреадора. Я нёс за ним мой чемодан.

*Лавры – растение, усыпляющее одних и мешающее спать другим.*



Дом, в котором я снял тогда большую комнату, имел два фасада. Одним – в три этажа – он выходил на площадь Правосудия, другим – в пять этажей – на улицу Жан-Жака Руссо. Из уважения к памяти этого великого человека мы сняли перед подъездом наши береты и спели на чистом латинском языке знаменитую студенческую песню, сопровождая пение стуком молотка в дверь, для того, чтобы известить хозяев о нашем прибытии. Не стану описывать здесь то волнение, с которым встретило нас всё население этого дома, разбуженное нашим неожиданным концертом. Достаточно сказать, что ещё внизу старая привратница обозвала нас шарлатанами. Поднимаясь по лестнице на пятый этаж, мы всё время слышали за собой змеиное шипение, которое, по мнению Франсуа, могло исходить только из нежных женских уст. Он был так уверен в этом, что даже допустил неосторожность, заглянув ненадолго в полуоткрытую дверь какой-то квартиры. Там тотчас же погас свет и дверь с шумом захлопнулась, едва не ущемив нос моему другу. После такой грубости нам оставалось только подняться выше и оттуда облить ядом презрения эту невоспитанную особу. Однако, Франсуа поступил иначе. В полном изнеможении он прислонился к перилам лестницы, брезгливо вытер рукавом губы и сказал, подражая великому Наполеону:

- Милый друг! Не меньше шести веков смотрят на нас из всех этих дверей!

- Много ли дверей в этой египетской пирамиде? – спросил я, уже предчувствуя, что не в цифрах заключается для меня источник утешения и надежды.

Франсуа тяжело вздохнул и сказал тихим разочарованным голосом:

- Можно и не считать. За этой дверью я видел ровно полстолетия.

- Шестьсот, делённые на пятьдесят, – быстро прикинул он вслух и в совершенном испуге выронил мою подушку в пролёт лестницы. Дорогой товарищ, это будет как раз двенадцать!

Математические способности моего друга недаром были предметом моей постоянной зависти. Располагая всего одним луидором, мы ухитрились купить на эти деньги кровать, стол, два стула, зубную щётку и флакон чернил. Кроме того, мы заплатили пять франков привратнице за квартиру.

- За месяц вперёд, полностью! – важно сказал при этом Ламбер, подгибая колени и указывая на меня обеими руками. – Этот знатный иностранец имеет привычку всегда платить вперёд и полностью. Надеюсь, что он не будет испытывать здесь никаких огорчений.

С этими словами он вышел на улицу, увлекая меня за собою. Я был очень весел, ибо не знал ещё, что добытый с таким трудом луидор израсходован полностью и что у нас не осталось больше ни одного сантима. Само собой разумеется, что мы направили наши шаги прежде всего к Жюлю Рюнэлю, которому я считал нужным объяснить моё поведение.

- Прекрасно, прекрасно! – сказал он, сдвигая на затылок свой котелок и благодушно засовывая руки в проймы жилета. – Я готов поверить, что вы заплатите мне, как только вам улыбнётся Фортуна и у вас появятся деньги. Конечно, этого можно и не дожидаться, принимая во внимание мой возраст. Нно!.. Admettons! Почему вы приехали ночью?

- Вы сами понимаете, что днём было бы очень жарко.

- И кроме того, – прибавил Франсуа самым рассудительным тоном, – мы старались избегать всяких оваций. Как вы себя чувствуете, господин Рюнэль, после того, как стали лечиться гидротатией?

- Благодарю вас, господин Ламбер! – с изысканной галантностью ответил тот, делая круглые глаза и с трудом переводя дыхание. – Благодарю вас. Я уважаю остроумных людей и признаю вашу находчивость. Тем не менее, я был бы очень рад, если бы вы убрались отсюда ко всем чертям!

Как и следовало ожидать, Франсуа предпочёл, чтобы сам Жюль Рюнэль пошёл по этой дороге. Как бы то ни было, после некоторого обмена мнений по этому поводу, мы разошлись по домам в очень весёлом настроении, пожелав друг другу всякой удачи. На прощанье господин Жюль Рюнэль ехидно закричал нам вслед:

- Желаю вам самого приятного аппетита к обеду!

**В** седьмом часу вечера, как раз в ту минуту, когда я размышлял лёжа на моей новой кровати о несовершенствах человеческой природы, ко мне постучались. Вошедшая вслед за этим привратница одним своим видом напомнила мне о существовании людей, способных обратиться в бегство медведя. Когда же она раскрыла рот, я понял, что Жюль Рюнэль был настоящим ангелом.

Оказалось, что я самый отвратительный обманщик, недостойно скрывающий свою принадлежность к сословию студентов, которые вообще не могут быть терпимы в порядочных домах. Конечно, я заслуживал того, чтобы со мной поговорили иначе, но...

Легенды – досужие рассказы, передаваемые плутами одного века глупцам дальнейших поколений.



*Из ста мужчин вы найдёте двух остроумных; из ста женщин – только одну неостроумную.*

- Счастье ваше, что в этом доме нет ни одного мужчины!

Признаюсь, я не чувствовал себя в этот момент особенно счастливым, несмотря даже на отсутствие мужчин. Входя ко мне, эта женщина, должно быть, умышленно не заперла дверь, и теперь я слышал такой шум на лестнице, какой бывает, вероятно, только в окрестностях огнедышащих гор. Со всех этажей доносились негодующие голоса каких-то фурий, стремительно взбегавших по каменным ступеням и стучавших каблуками, как кастаньетами:

- Почему вы не сказали, что вы студент?
- Вы должны были понять, сударь, что здесь не место студентам!
- Недоставало ещё, чтобы здесь жили студенты!
- Он знал, что здесь живут беззащитные девушки!



В величайшем смущении, как человек, которому угрожает наводнение, отступал я перед этим всеокрушающим потоком слов в противоположный угол комнаты. Воистину полного удивления был достоин Франсуа Ламбер, столь безошибочно определивший не только число, но и невинный возраст этих египетских мумий. Между тем одна из них, очень похожая лицом на печёный картофель, а характером на самую бездушную кокетку, решительно ворвалась в комнату и стала кричать не своим голосом:

- Если бы у вас была совесть, вы стыдились бы теперь приставать к нам с вашими объяснениями, которые мы всё равно не желаем слушать! Впрочем, давно уже известно, что у мужчин вообще нет совести. Моя бедная мать на смертном одре заклинала меня не выходить замуж. Но я сказала ей: «Мамаша, вам хорошо, конечно, давать советы...»

- Неужели вам угрожало когда-нибудь подобное несчастье? – спросил я с притворным ужасом, воспользовавшись тем, что она захлебнулась, наконец, собственными словами.

- Замолчите, несчастный, или я вырву ваш язык и выцарапаю вам глаза!

Положительно она не понимала самых лучших моих намерений. Напрасно я уверял её, что мне незачем защищать мужчин... в особенности теперь, когда я нахожусь в столь приятном обществе женщин. Напрасно также отрекался я от моей дружбы с Ламбером, говоря, что он свинья и что я вовсе не намерен нести ответственность за его поведение. Меня не слушали и без всякой жалости требовали моего изгнания.

- Получите ваши деньги и потрудитесь завтра же очистить комнату!

Это упорство переполнило, наконец, чашу моего терпения. Я поднял голову и, заложив руки в карманы, заявил самым решительным тоном, словами одного из героев древности:

- Прежде солнце сойдёт со своего пути, чем я съеду на другую квартиру!

С чувством величайшего удовлетворения вспоминаю теперь, что это заявление привело моих собеседниц в чрезвычайную ярость. Потрясая своими костлявыми кулаками и оглашая комнату самыми негодующими возгласами, они ответили мне странной угрозой, смысл и значение которой в то время были для меня ещё не совсем понятны:

- Ах, вот как! В таком случае мы сегодня же напишем в Сент-Андрэ-де-Сангонис!

Ровно через день я испытал редкое удовольствие беседовать с дамой, совмещавшей в себе темперамент африканской пантеры и голос Иерихонской трубы. Это была хозяйка нашего дома, приехавшая из Сент-Андрэ-де-Сангониса. Она вошла ко мне не постучавшись, не обращая никакого внимания на мои протесты:

- Оставьте, пожалуйста, я замужняя женщина!

Не стану рассказывать, как она металась по комнате, сердито разглядывая мою новую мебель и громогласно требуя, чтобы всё это было немедленно выброшено на улицу. Мне показалось тогда, что я присутствую на кавалерийском учении, слышу команду военачальников и сигналы горнистов. С лестницы доносилось, конечно, всё то же змеиное шипение, несдержанные возгласы торжества и злорадства. Впрочем, в этих криках и в этом шипении слышалась ещё и некоторая тревога за участь моей собеседницы, словно ей предстояло сделаться добычей вампира. Можно не сомневаться, однако, что любой вампир сделался бы жертвой этой энергичной женщины, если бы у них дело дошло до единоборства. При таком стечении обстоятельств, я вынужден был придумать для своего спасения какое-нибудь сильно действующее средство.

- Сударыня! – сказал я очень учтиво, прикладывая руку к сердцу и стараясь найти для этого случая самые приятные слова, какие только могут растрогать женское сердце. – Я хотел бы знать имя человека, на долю которого выпало редкое счастье быть мужем столь очаровательной женщины.

Надеюсь, мне поверят на слово, если я скажу, что никогда ещё нигде в мире не раздавалось такого едкого хохота, как в этот раз на нашей лестнице. Однако, наша хозяйка была не из тех, которые не умеют ценить любезность.

- Моего мужа зовут Анри Дюклэр... – сказала она, смущённо опуская глаза и с неподражаемой жеманностью наклоняя голову на бок; и тотчас же прибавила с самой загадочной, самой

канальской улыбкой: - если хотите, напишите ему в Сент-Андрэ-де-Сангонис. В конце концов, это не женское дело.

Затрудняюсь сказать, что стало со мной в эту радостную минуту. Очертя голову я бросился к моему другу Ламберу, оставив в комнате госпожу Дюклэр, очень озадаченную моим бегством и, кажется, упавшую в обморок.

На улице было очень шумно и весело. Навстречу мне бежали разносчики газет и кричали нараспев бодрыми, задорными голо-сами:

- Прибытие дорогих гостей! Русская эскадра в Тулоне!



**Н**очью мы сочинили письмо, которое могло бы служить образцом человеческого добродушия и любви к ближнему:

- Пиши! – с самым глубокомысленным видом диктовал мой Франсуа Ламбер, стоя посреди комнаты и чувствуя уже подлинный подъём вдохновения. – Пиши! – «Милостивый государь и дорогой хозяин! Уплачивая вперёд и полностью, я считал себя вправе рассчитывать на самую покойную жизнь в Вашем прекрасном доме...»

Изложив в общих чертах все события, которые произошли здесь, с того времени, как мы спели латинскую песню в честь Жан-Жака Руссо, мы привели целый ряд фактов, свидетельствующих о полной чистоте моих намерений.

- Пиши! – нервно торопил меня Франсуа. – Пиши: - «...Ошибка моего благородного друга есть просто случайная слабость человека, лишённого нормального зрения и неоднократно уже страдавшего за свою прогрессирующую близорукость...»

«...Наконец, - продолжал я уже от себя, невольно заражаясь творческим азартом Ламбера, - наконец, я готов даже согласиться с тем, что его следует упрятать в сумасшедший дом, в котором, впрочем, он уже не раз находился на излечении. Удовлетворились ли бы этим прекрасные создания, проживающие ныне под одной кровлей со мною? Едва ли! Судя по собственному признанию одной из них, они предпочли бы видеть меня ослеплённым, на что я не могу дать согласия до тех пор, пока нахожусь в пределах Франции, любясь красотой Вашей прекрасной родины, и переживаю возраст счастливой юности. Прошу, Милостивый Государь, Вашей защиты и разрешения проживать в Вашем превосходном доме, этом редком хранилище добродетели и прочих старинных вещей, украшавших в течение пятидесяти лет ровно шесть столетий...» По совету Ламбера я прибавил ещё в конце письма: «...Да здравствует Франция! Да здравствует Сент-Андрэ-де-Сангонис!

В течение двух дней мы ожидали ответа, полные самых безотрадных предчувствий. За это время я успел сдать экзамен по зоологии, но даже и такая удача не радовала меня в достаточной степени. Франсуа был мрачен всё время, но, поднимаясь ко мне по лестнице, всё же считал нужным насвистывать всякий раз самые развесёлые песни, приводящие в бешенство наших кротких соседок. Наконец, на третий день утром мы получили письмо в толстом конверте, запечатанном коричневой печатью с изображением двух борющихся козлов и готическими инициалами «А» и «Д».

Содержание этого письма произвело на нас впечатление радуги, засиявшей после грозы на удаляющейся к горизонту свинцовой туче. Мой талантливый друг пришёл от этого в такой восторг, что выбежал на лестницу и громкими криками заставил всех покинуть свои квартиры.

- Внимание! – закричал он, размахивая письмом, и залился самым искренним, самым беззаботным смехом. – Внимание, милостивые государыни! Прошу выслушать послание господина Андрэ Дюклэра, старшего письмоводителя в конторе нотариуса, в Сент-Андрэ-де-Сангонис!

Письмо было очень длинное, и я не вижу теперь возможности привести его здесь целиком. Достаточно сказать, что оно заключало в себе самые изысканные извинения за причинённые неприятности и просьбу не обращать никакого внимания на раздающийся иногда в природе бред сумасшедших.

- «На бред сумасшедших, – читал Ламбер, умышленно повышая голос и делая выразительный жест по направлению к тем, кого непосредственно касались эти слова. – Что ещё сказать вам по поводу вашей просьбы, изложенной в столь оригинальной и остроумной форме? Неужели же в тот момент, когда вся Франция приветствует дорогих русских моряков в Тулоне, я позволю себе нанести обиду гражданину дружественной и союзной страны, за процветание которой вот уже третий день я пью самое старое вино собственного моего приготовления?...»

- «...Вы никому не причиняете зла! – продолжал Франсуа, впадая уже в ложный пафос и без всякой жалости надрывая свою молодую грудь. – Вы платите за квартиру вперёд и полностью!.. Alors!.. Живите на таких условиях сто лет, я ничего не имею против!..»

*На его палитре были все краски, кроме краски стыда.*



Письмо заканчивалось, как и следовало ожидать, словами, полными самого искреннего энтузиазма: «Да здравствует Россия! Да здравствует славный российский флот! Да здравствует русско-французская дружба!»

- Да здравствуют русские студенты! – закричал Ламбер, окончив чтение и, оседлав перила, съехал вниз, размахивая своим беретом.

Я последовал его примеру. Двенадцать старых дев проводили нас аплодисментами и криками:

- Да здравствует Тулон! Да здравствует Россия!

(Из журнала «Пробуждение», Петроград 1914 г.) **АЛЕКСАНДР КИПЕН.**



- Вы везёте с собой что-нибудь из заграницы? – спросил таможенный инспектор у проворной девушки в изящной шляпке и яркого цвета пальто.

- Ничего! – ответила она.

Посмотрев на неё внимательно, инспектор предложил ей повернуться к нему спиной.

- Вы уверены, что ничего не везёте? – спросил он опять.

- Уверена, - повторила она, застенчиво улыбаясь ему через плечо.

- В таком случае, - заметил инспектор, - мне придётся заключить, что меховой хвост, торчащий у вас из-под пальто – ваш собственный...



Ты вспомнишь обо мне глубокой осенью,  
Когда на улице совсем погода дрянь,  
Когда рассвет едва заметной просинью  
Тебя разбудит тихо в этакую рань.

Ты встанешь у окна, нахлынет прошлое,  
Забьётся кровь в твоих серебряных висках,  
И чёрной по душе пройдёт кошкою  
Воспоминание о прожитых годах.

Ты вспомнишь обо мне глубокой осенью,  
Когда опавшая листва уже черна,  
В огромных лужах не увидев отблеска,  
Ни солнечного света, ни тепла.



Россия, 1998 г. **ЕЛЕНА КАШИНА.**

## ЖИЗНЬ

Проносится над тайной жизни,  
Пространств и роковых времён,  
В небесно-голубой отчизне –  
Легкотекущий, дымный сон...  
Возносится под небесами,  
Летит над высотами дни  
Воскуренными облаками,  
Воскуренными искони.  
Жизнь - бирюзовую волно  
Разбрызганная глубина...  
Своею пеною дневною  
Нам очи задымит она...  
И всё же в суетности брэнной  
Нас вещие смущают сны,  
Когда стоим перед вселенной –  
Углублены... потрясены...  
И отверзается над нами  
Недостижимый край родной,  
Открытою над облаками  
Лазурною глубиной.

**А. БЕЛЫЙ.**

### Почему она не верит?

Он: - Надежда Петровна, ваша подруга Зиночка Семёркина просила меня передать вам один поцелуй.

Она: - Вы врётё, противный!

Он: - Честное слово! Почему вы не верите мне?

Она: - Зиночка никогда одного поцелуя не пошлёт; я её знаю, она не такая скупая!



«Рубеж» 1931 г.  
Харбин.

## Письма читателей

«...Христос посреди нас! сент. 2004 г.

Благодарю Вас, уважаемая Тамара Николаевна и за письмо, как душевный знак внимания, и за присылку журналов, как дар духовный.

Вся наша поэтическая братия в сильном, радостном возбуждении. Вы стали для многих здесь той общей точкой опоры, на которой окрепли творческие связи между собой наших людей. Хочется по-доброму надеяться, что все эти взаимосвязи будут и далее крепнуть, что наши малые литературные объединения смогут себя вполне оправдать, что они обратят на себя внимание и заслужат уважение окружающих. Думаю, в Ваш адрес ещё будут поступать благодарные письма. Я, в свою очередь, прилагаю к сему новый свой сборник – Вам, как другу, творческому человеку и издателю. Может быть, что-то пригодится в будущем по тематике номеров, а больше – как личный подарок. И ещё просьба: если будет возможно, пришлите нам для литературного кружка свою книгу. Станем делиться радостями! Благословение Господне на Вас!

Россия, Свердловская обл., г. Нижняя Тура.

Ваш богомолец, **иерей Анатолий (Кунцов).**

Тамара, здравствуйте! 10-09-2004 г.

...Я благодарна Вам за журнал и рекламу. В предыдущем письме выслала новую обложку на сборник, в который войдёт добавленная «Харбиночка» и цикл рассказов о животных «Улыбнитесь братьям меньшим». Пожалуй-ста, дайте мой адрес желающим получить книгу.

P.S. Неожиданно познакомилась с писателем-харбинцем Мелиховым Георгием Васильевичем. Он приезжал из Москвы поработать в нашем архиве. Буду рада получить от Вас письмо. С уважением,

**Ирина Лобода.**

Russia – Россия 680052  
г.Хабаровск  
ул. Гагарина 5 а, кв. 63  
Ирина Лобода

Дорогая Тамара Николаевна!

Огромная, самая искренняя благодарность Вам за очередные (18 и 19) номера чудесного журнала, который Вы выпускаете.

В моём кабинете проводится ремонт, замена мебели, поэтому в бумагах-делах был полный хаос. До сих пор не всё удалось разобрать. Поэтому простите меня великодушно, если не ответила на Ваше предыдущее письмо и не сообщила о получении предыдущего номера. Новых творческих успехов Вам! С искренней благодарностью,

**Н. Рыжак.**

Российская Государственная Библиотека (РГБ), Москва. 24-09-2004 г.

Дорогая Тамара Николаевна! 18-08-2004 г.

Поздравляю Вас с 5-летием Вашего журнала, а также с выпуском Вашего сборника.

Хочу сказать несколько слов в отношении «Жемчужины». Когда я был в России, я показывал Ваш журнал многим моим друзьям и знакомым. И все они были очень удивлены, что такой прекрасный журнал издаётся в Австралии. Конечно, всё это - внедрение и сохранение русского языка здесь за рубежом - Ваша большая заслуга, Ваш огромный вклад... Желаю Вам самого лучшего и светлого, а также творческих успехов, душевного и физического подъёма на *многая лета*.

С уважением, **Иван Бочкарёв.**

Джилонг, штат Виктория.



*Заверну-ка в храм Петра и Павла...*

*Неприветлив что-то ты, звонарь!*

*Постою у солеи направо...*

*Хорошо пацан поёт тропарь!*

*Нам бы, вот, толкового такого,*

*Да в приход далёкий на Ису...*

*И уже Евангельское слово*

*Обнимает дьякое на весу.*

*Я – чужой. Мои сгорели свечки.*

*Жизнь идёт. Я снова налегке.*

*В девяностом, помнится, беспечный*

*Был я здесь. И жил на чердаке...*

**иерей Анатолий (Кунцов).**

Россия, г. Нижняя Тура.

Дорогая Тамара Николаевна! 12-07-2004 г.

Я не говорю с тоскою «НЕТ», но благодарю Вас за некролог «Светлой памяти Лидии Александровны Ястребовой» - замечательно, с душевной теплотой написано (газ. «Единение» № 34). Большое Вам от всех спасибо - и от меня, и от моих друзей. Дай Бог Вам здоровья и сил. **Павел Химин.** Сидней.

Из сборника

«...И кончаются календари», 2004 г.



# Житейское море



Осень. Стоят тихие, синие дни, небо безоблачное, далёкое и уже по-осеннему холодное, в прозрачном воздухе тонкий запах тлена, и всё вокруг охвачено грустью и томлением. Медленно, кружась, падают жёлтые листья и также медленно скользят в воздухе тонкие нити паутинок.

Моя новая комната выходит одним окном на восток, где вдалеке видна ровная гладь Вашингтонского озера; два других в маленький дворик, в котором на длинных проволоках застыло вывешенное бельё. Я расставил свои вещи, накинул на диван прежнюю роскошь – мохнатый плед, а когда завёл будильник и он весело и деловито затрещал, комната приняла совсем жилой вид. Из дальней комнаты, в конце коридора, ещё доносятся голоса Николая Ивановича и Зинаиды Николаевны, но и они смолкают, и становится совсем тихо. Чуть-чуть шуршат по стеклу ветви, да изредка пронесётся далёкий грохот трамвая. Совершенно незаметно подошёл глубокий вечер. На душе покой и тишина, может от того, что я здесь, около милых людей. Если и есть беспокойство, то, наверное, от того, что за окнами нависла осенняя тёмная ночь, в которую острее чувствуется одиночество и неприкаянность. Но спать, спать, ибо сон счастливое переселение в другой мир...

В эти дни, когда просыпаюсь, вижу мутно-голубые стёкла и уже знаю заранее, что за окнами ровные прозрачные дни. Приятно долежать ещё лишний час в постели, слыша, как за стеной развёртывается жизнь. В кухне Зинаида Николаевна поит молоком Зюку, потом посылает её в школу: затем, в полудремоте, слышатся её шаги по квартире и обрывки напеваемых песен, а когда просыпается Николай Иванович, встаю и я. За завтраком Николай Иванович рассказывает о своей работе, потом ложится на диван с газетой, а я ухожу бродить. После трёх часов дня возвращается из школы Зюка и, до этого тихий, дом вдруг оживает: из всех углов слышится её щебетание, громкий смех и удивлённые восклицания. Всё ей надо знать, обо всём спросить, всё посмотреть и потрогать. У неё смуглое тугое личико, чёрные, как маслины, глаза, и на её быстрых, как у лани, ногах, на загорелой, обветренной коже стелется белесоватый пух, который Николай Иванович называет «телячьим подшёрстком».

В сумерки, когда Николай Иванович уходит на работу, Зинаида Николаевна зажигает свет, они обе садятся за пианино и Зюка начинает разучивать бесконечные гаммы. У неё закушена нижняя губа, розовым треугольничком высовывается из угла рта язык, и напряжённое внимание чувствуется даже в туго заплетённых косичках, крысиных хвостиках, повязанных большим бантом тёмно вишнёвого цвета.

Во время чаепития быстрый, неумолкаемый голос Зюки рассказывает о детях в школе, с частыми удивлёнными восклицаниями: «ах, мамочка, я даже не представляю себе этого!» После чаепития Зюка показывает, как она делает арабеску и другое па, которое она выучила днём, затем подпрыгивает ко мне на одной ноге и, тоном не допускающим возражения, говорит:

- Ну, теперь вы мне рассказывайте что-нибудь, только поскорей и долго, долго!

Она садится возле меня на диване, разглаживает платье на своих коленях, закидывает нога за ногу и принимает удобное положение, чтобы долго сидеть не шелохнувшись. Если сказка захватывает её сразу, то её глаза становятся круглыми, подбородок опускается вниз, полуоткрывается рот, и вся она – насторожившееся внимание. Если что-нибудь смешит её в рассказе, она поворачивает лицо к матери, переглядывается с ней глазами, и, фыркнув, сдержанно смеётся. А если сказка рассказывается вяло, или совсем (отсутствие сюжета и опустошённая фантазия) прерывается, то Зюка берёт меня за руку, заискивающе заглядывает в глаза, и тоненьким, просящим голосом тянет:

- Ну, пожалуйста, миленький Пал Ксандрыч, ну пожалуйста, расскажите! Не правда, вы можете!

Вместе с этим шли всякие благие обещания весь следующий день и много, много других, (она не знает сколько в точности!) быть хорошей, послушной девочкой и, конечно, не трогать моих вещей в комнате; затем шли жалобы и просьбы к матери повлиять на возрождение угаснувшей фантазии, и если это не помогало, шлёт упрёки и угрозы что-то не подарить, что она уже давно собиралась сделать.

Кончалось обыкновенно слезами и вмешательством Зинаиды Николаевны, грозившей Зюке немедленно отправить её спать, и Зюка, зная решимость матери и полную осуществимость её намерения, могла бы в справедливом чувстве глубокой обиды нарушить тишину и покой вечера, залившись долгим, пронзительным плачем, но обаяние слушать сказку, погрузиться в чудодейственный мир таинственных существ, было сильнее. Плач затихал, реже становились глу-

бокие вздохи, она поднимала заплаканное личико ко мне, смотрела на меня просящими глазами с большими каплями слёз, застрявшими в ресницах, и начинала снова просить:

- Ну, пожалуйста, ну что вам стоит, расскажите, хоть самую маленькую, только расскажите, а я вам завтра подарю маленькую голубую коробочку, которую мне подарила в школе одна девочка.

Предложение было чрезвычайно заманчиво, и напрягая всю свою фантазию, я начинал импровизировать. Боже, какие это были сказки! Все находящиеся в комнате предметы принимали участие, а когда я опять застывал на каком-нибудь месте, то Зюка помогала мне, подсказывая что-нибудь своё.

Так идут дни за днями, блаженные дни ещё тёплого сентября. Но заметно укорачиваются они, как укорачиваются дни человеческой жизни, к зиме – пределу земного существования.

Николай Иванович ушёл на работу, Зюку маленькую положили спать, Зинаида Николаевна сидит на диване, низко опустив голову над рукоделем. Из-за большого жёлтого абажура лампы мне видна её опущенная голова, тёмные выющиеся волосы, слегка открытые уши и гладкий лоб; нижняя часть лица скрыта в тени.

- Вот уже осень, - говорит она, медленно поднимая голову и разглаживая на коленях работу. - Осыпается наш бедный сад. А скоро дожди, и совсем не будет настоящей зимы, к которой мы так привыкли.

- Да... Как это вы вяжете?

- Это тамбурный шов, вяжется петелька в петельку. Теперь так не вяжут: в старину не торопились, много было времени...

Голос у Зинаиды Николаевны ровный, негромкий, каждое слово она отчётливо произносит. Часто, после сказанной фразы, она поднимает голову, вскидывает брови и застывает в задумчивой позе. Я поднял с пола клубок и стал держать нитку, чувствуя, как по временам, Зинаида Николаевна вытягивает её из моих пальцев.

- Вам не казалось, - начал я, - в детстве, когда думаешь о временах года, что они расположены не по кругу, а по эллипсу, таким образом, что на двух длинных сторонах находятся зима и лето, а на коротких весна и осень? Поэтому и казалось, что лето и зима бесконечно длинны... Знаете, что такое эллипс?

- Яйцевидная форма? – рассеянно отозвалась она.

- А вот тоже в детстве, пробовали? Ляжешь на спину и смотришь сквозь полуприкрытые глаза на небо до тех пор, пока не поплывут в нём какие-то миражи...

- Да, да, - говорит Зинаида Николаевна. – Мы это называли ангелами. Прищуришь глаза и, верно, что-то реет в воздухе, как будто порхают большие белые крылья... У нас в конце сада стояла старенькая баня, совсем уже запущенная, да и весь тот конец сада был в глубоком запустении. Мы, детьми, любили ходить и играть там. Таинственность привлекала. А старая нянька всё пугала нас, что в старой бане притаилась нечистая сила. Прильнёшь, бывало, к щели и смотришь, а там паутина, сор, плесень! Смотришь до тех пор, пока на самом деле не помещатся какие-то серые существа на тоненьких мохнатых ножках - серые чертенята, которых наша нянька называла «банными анчутками».

- Почему «банными анчутками»?

- Так зовут. Не знаю почему. Верно, смешное название?! – рассмеялась она. – Да, прошло всё это! А дорого дала бы теперь, чтобы снова верить в существование анчуток и играть в индейцы с соседскими мальчишками около той бани. Осыпается наш бедный сад, листья пожелтевшие. А как летят паутинки по воздуху! Совсем, совсем, как у нас Богородицына пряжа...

- «Богородицына пряжа»?

- Да, у нас их так называют. Знаете легенду чудную: Богородица собирает эти паутинки на пряжу для бедных. Верно, трогательно?

Она потянула из моих пальцев нитку и опять принялась за работу, по временам расправляя на коленях рукоделие и разглядывая его, далеко откинув голову.

- Скажите, вы были когда-нибудь счастливы? – неожиданно спросила она.

- Был.

- Любили, и были счастливы?

- Любил, и был счастлив.

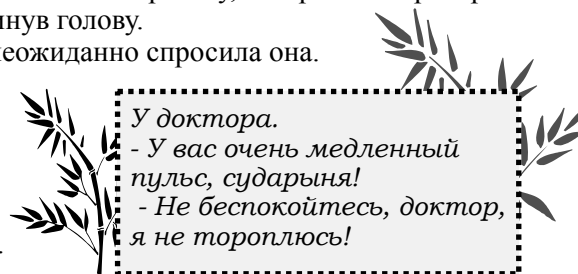
- Ну, расскажите, как всё было!

- Что-же рассказывать? Было, как у всех...

- Нет, вы подробнее, со всеми обстоятельствами.

- Какие же обстоятельства, ну, встретились и...

- Что ж вы тянете? Ну, встретились... Конечно, встретились! Как же иначе могло быть?



- Ну, так говорю, встретились. Знаете, у мужчин есть такой роковой возраст – 26, 27 лет, самый романтический! Не даром во всех великосветских и дамских романах выведен этот тип мужчины с седеющими висками и, только к этому периоду приуроченными, орлиными профилями, когда, знаете, вихрь пышной жизни утомляет, хочется бессознательно, правда, осесть... Тут и чувство одиночества говорит, и стремление к покою, а главное, хочется, чтобы какая-нибудь Оленька расставляла повсюду в квартире свои разные шифоньерочки, полочки, флакончики и прочую всякую гарнитуру...

- Вы гадко рассказываете, противно слушать! Говорите о самой сути, а не о флакончиках!

- Я без этих вещей не могу рассказывать, всё вытекает одно из другого. Так и у меня! Встретились, показалось, что лучшего ещё не было сотворено с первых дней мироздания. Любовная горячка, как дым пролетевшие два, три месяца. Потом свадьба, устройства угла, расставление всех доставшихся в приданое шифоньерок, и так далее, и так далее...

- Ну, а потом?

- Потом тоже, как у всех: слёзы, упрёки в непонимании, загубленной молодости, жизни, и прочая житейская канитель. Канюченье...

- И всё? - спросила Зинаида Николаевна, вытягивая нитку, которую я навертел на палец узлом.

- А я как встретила с Николаем, - начала Зинаида Николаевна после долгого молчания. - Приехала в Москву на театральные курсы в студии Художественного театра. И вот раз, зимой, садилась на трамвай и своими пакетами зацепилась за темляк его шапки. Помню, смутилась очень. Пакеты не отпутываются, я пытаюсь торопливо отцепить их от его темляка, а он смотрит на меня с высоты своего громадного роста и довольно улыбается. Глаза немного наглые, большие. Наконец, пакеты распутались, я прошла и села в вагон, а он, докурив папиросу, тоже перешёл во внутрь и сел передо мной. Что мне тогда понравилось в нём, это его шея, такая крепкая, мускулистая. А когда я сошла с трамвая, сошёл и он, и зашагал рядом со мной. Потом стали чаще встречаться. Встречал меня у студии, провожал домой. Ещё не нравился мне. Бывал у меня дома, я жила тогда с подругой; вы Москву хорошо знаете – у Никитских ворот. Намекал на связь с какой-то актрисой, говорил, что она его любит... Вы, мужчины, очень хитры, знаете когда и как надо действовать! Может быть это меня и задело, что после меня он уходит к другой женщине. В общем, кончилось тем, что я пошла к той актрисе и потребовала, просто потребовала, чтобы она его оставила. Тогда я уже любила его и очень ревновала к той. Такие трагедии переживала! Конечно, по молодости лет, по пылкости. Этой зимой уже десять лет. Боже, как быстро летит время!

- Счастливы и теперь? – спросил я.

- Николай очень хороший человек, – уклончиво ответила она. – Пороху он не придумает, но как отец и муж - трудно найти лучше него. Очень благородный, высокопорядочный человек. Да, вот уже прошло десять долгих лет! А как будто всё это было вчера. А теперь уже смотришь назад - в своё детство, в счастливую пору юношества, в тот кипящий источник жизни...

В голосе Зинаиды Николаевны прозвучала горечь. Она отложила в сторону рукоделие и остановившимися глазами загляделась на верхушку абажура. Глаза её были широко открыты и лицо на минуту приняло выражение Зюки, заинтересованной особенно сильным местом сказки.

- А что такое счастье? - так же неожиданно спросила она. – Почему люди так тянутся к нему, почему успокоенность бывает так противна? Что такое счастье, вы знаете?

- Счастье? Не знаю. Говорят, что это полное отсутствие какой бы то ни было боли, но если так, то это и есть та самая успокоенность, которая вам, как вы говорите, противна.

- Я не говорю, что она *мне* противна, живу же я сама в этой успокоенности.

- Может это совокупность всех высших достижений человеческих, тогда все высоко одарённые люди должны быть счастливы. Но это не так! Мы знаем, что Толстой был несчастным, таким же несчастным был Шопен, и тысячи других, подобных им. И счастье – только минуты, когда жизнь исчисляется годами. Может кто-то мудрый, руководящий всем, разбрасывает крупинки счастья по человеческой жизни, наподобие того, как раковины с жемчужинами перебивают однообразность илистого морского дна.

- Счастье крупинками, чтобы скрасить однообразие жизни! Да, совершенно верно! – вздохнула Зинаида Николаевна и опять погрузилась в задумчивость.

Когда я прощался с ней вечером, с её лица не сходило какое-то оцепенение. Уже в дверях мне показалось, что Зинаида Николаевна хочет меня окликнуть. Я тоже замаялся, но уже в коридоре, я заметил мельком, что она стояла посредине комнаты, с опущенными руками, зажатými в пальцах, голова немного склонена на бок, и глаза со странным блеском были уставлены на ковёр.

Вчера вечером застал компанию: пара Ивлевых, и некто в сером - высокий господин в сером костюме с длинным лицом и тёмными, нависшими бровями. Зинаида Николаевна была

особенно оживлена, такой я ещё никогда её не видел. Молодая Ивлева показывала восточный танец, выкидывала перед собой руки с повернутыми вверх ладонями, закидывала назад голову, закатывала глаза. Стараний было бездна, но выходило плохо и от её танца всем было как-то неловко. Её муж, смотревший на неё влюблёнными глазами, не мог не чувствовать этой неловкости. После какого-то особенно замысловатого движения её тела, когда он почувствовал необходимость пресечь это, он соскочил со стула и тоже, кривляясь и выкидывая перед собой руки, пошёл за ней. Зинаида Николаевна, поняв общее положение, тоже вскочила и пошла за ними. В следующее мгновение мы все шли друг за другом гусиным шагом, раскачивая телами и напевая нарочито гнусавыми голосами восточный мотив. Картина была потрясающая и, как говорится, достойна кисти большого художника! Байер, длинный, сухой, весь разболтанный в костях, неистово крутил белыми глазами, хлопая себя по бёдрам и животу, его лошадиное лицо говорило об истоме клеопатровой страсти; круглая Ивлева колыхалась, как фимиамовый дым, музыка становилась всё более замысловатой и гнусавой. Танец произвёл сильное впечатление на Зюку, с которой даже, в порыве неудержного смеха, произошёл некий казус, после чего она была изгнана из комнаты. Когда, наконец, все уселись по своим местам, чувство неловкости прошло и стало вдруг беспричинно весело. Ивлева с раскрасневшимся лицом сидела около мужа и обмахивалась платочком. Она была счастлива и довольна собой, танцем и мужем, который не сводил с неё глаз.

- После танца священных весталок вознесём жертву богам, - сказала, смеясь, Зинаида Николаевна.

Николай Иванович, возившийся до этого на кухне, вышел оттуда с накинутой на руку салфеткой и торжественным голосом, высоко закинув голову, внушительно произнёс:

- Фрыштик подан!

- «И возлегли они, наподобие древних римлян, у ложа всяческого изобилия», - сказал Байер, садясь рядом с Зинаидой Николаевной.

- Господа, кто хочет водки? - спросил Николай Иванович.

- Всем, всем, всем! - крикнула Зинаида Николаевна.

- Из всех иностранных и прочих бессарабских вин предпочитаю коньяк и пиво, - сказал Байер, принимая от Зинаиды Николаевны рюмку, - «бо ими да не пересытится человек».

Шумно и весело просидели за столом. Зинаида Николаевна и Николай Иванович были отличными хозяевами. После обеда в полутёмной гостиной, потрясая коробкой спичек наподобие кинематографического шума, Байер рассказывал: «В доме старого негоцианта Петрония все спят. Не спит только его дочка Цицелия...» Рассказывал он отлично, нарочито унылым, ничего не выражающим голосом. Ивлева смеялась громче всех, слёзы положительно катились из её глаз. Байер – лев, мне он не очень приятен, но видимо нравится Зинаиде Николаевне. Байер стал часто бывать. Появляется он неожиданно. После короткого стука, отворяется мед-ленно дверь и просовывается его голова; затем появляется он весь, всегда с одной и той же фразой – «барыня, ручку!» Посидев немного, он так же неожиданно исчезает: идёт в кухню и там шарит по полкам, выискивая всё, что можно съесть. И так же появляется снова. Но иногда спрашивает: «а как бы подожрать?», хотя знает, что около девяти часов Зинаида Николаевна всегда устраивает чай. Зинаида Николаевна считает его оригиналом и видимо рассердилась на мой ответ – «Андрюшка-фокусник».

Неторопливо, секунда за секундой отсчитывает будильник время. Приглушённо и таинственно шуршат ветви об оконное стекло. Изредка, мягким шуршанием шин, пронесётся за домом автомобиль. Снова тишина, только тиканье, и то по временам слабеет, и надо напрячь слух, чтобы опять услышать его. Я думаю. О чём я думаю? О быстро прошедшем дне, людях, встреченных на улицах, пустых, о незначительных мелочах, а главное - о Зинаиде Николаевне и Зюке, о них, ставших бесконечно близкими и своими. В полутемноте образ Зинаиды Николаевны то приближается, то снова удаляется; кажется близко её опущенная голова и тогда даже явственно доносится волнующий запах её слегка опалённых волос. Горячей волной приливает кровь к сердцу и разливается по всей груди. Лицо растягивается в улыбку, становится жарко, и я ложусь выше на подушку. Далеко к озеру переламывается линия убегающих огней. Мысли перескакивают, скользнет краем отдалённое воспоминание. Опять перескочит мысль. Тиканье часов напоминает о времени, и начинает казаться, что существуют только две вещи - время и я, бесконечное и краткое, великое, мерное и маленькое судорожное. Мысль углубляется и вот, лицом к лицу с вечностью, бессмертием, идеей о Боге. И тогда один голос говорит: «Всё предопределено, все деяния человеческие в руках Всевышнего. В этих заботах вся любовь Его, все люди придвинуты к Нему, Его любовью». «Так ли это? - спрашивает другой. Стоит ли жизнь слепых кротов и забот Его и времени? Кто Он тогда, расходующий своё время на это, расплзающееся, как плесень, по земле человеческое племя?»

Но сон, как ветер, обдувающий осенние листья. Мелькают и кружат они, шуршат и путаются. Я заснул лёгким, рассеянным сном. Внезапно проснулся. Приподнялся на подушке; спать уже не хотелось. Потянулся за папиросами, чиркнул спичку и вдруг пришёл весь сегодняшний день, сегодняшний вечер. Я рассказывал Зюке сказку об «Аленьком цветочке», длинную сказку об ускользающем счастье, о житейских напастях. Зюка заснула на моих коленях под нескончаемый рассказ. Я тихонько приподнял её на руки и понёс в спальню. Чуть слышно открыл дверь. Боже, как ясно стало перед глазами! В дальнем углу на кушетке, на коленях Байера, сидела Зинаида Николаевна, её голова была далеко закинута; над её лицом, над её губами нависла голова Байера. Так же тихо я вышел в гостиную и положил ровно дышавшую, обвисшую на моих руках, Зюку на диван. Почему вдруг всё может сделаться таким тягостным, ночь такой чёрной, нескончаемой?

Дом стал мрачный, тяжёлый; из весёлого и живого превратился он в молчаливый и пасмурный. Даже не слышно щебетаний Зюки, притихла и она, чувствуя, как много нагнано в дом электричества. Вчера под вечер вошёл ко мне Николай Иванович.

- Зина любит Байера и живёт с ним, - сказал он и, странно дёрнув головой, зарылся лицом в ладони, в колени...

Я смотрел на его шею – верно, мускулистую, теперь налившуюся кровью - и видел, как вздрагивала его спина и тряслись плечи. Второй день он не может найти себе места, уходит и появляется снова, взлохмаченный, сразу ссутулившийся, с припухшим лицом. Зинаида Николаевна почти не выходила из своей комнаты, лицо её в красных пятнах, под глазами фиолетовые круги.

Когда Николай Иванович уходит на работу, появляется Байер; его лицо белой лошади тоже встревожено. Он жмёт мне руку, говорит полужёпотом, но своих привычек не нарушает - так же проходит на кухню на цыпочках, шарит по полкам, потом проходит в гостиную и ждёт Зинаиду Николаевну. Если ещё светло, мы с Зюкой уходим по дороге к озеру. Там тихо, чуть слышно плещется вода у лодок и свай набережной. Мы спускаемся вниз и проходим по песчаному берегу к концу парка. Деревья уже в жёлто-красных листьях, пахнет сыростью и гнилью, а в чаще почти совсем тихо.

После работы, поздней ночью, заходит ко мне Николай Иванович. Ему тяжело оставаться одному, он сидит у меня растерянный, смятый обломками рушащегося дома и семьи. Ему очень тяжело, он чувствует потребность высказаться, облегчить себя.

- Знаете, Павел Александрович, я понимаю всё: разность темперамента, все эти научные медицинские доводы, сводящиеся к физиологии и биологии... Всё это я понимаю. Я не собственник! Только раз Зина почувствовала со мной себя, как бы это сказать... женщиной. После родилась Зюка. Но ведь мы живём вместе так много лет. Зина красивая, живая, ещё молодая! Конечно, ей было мучительно, потому что всё это было так однобоко. Тридцать один год: она полна жизнью, ведь самый ещё расцвет! И вот появляется Байер. Может быть она не чувствует с ним эту проклятую разность в темпераментах. А как я могу говорить о себе? Её счастье может быть таким большим, что оно затемняет мое личное горе. Конечно, я только буду рад за неё. Помогу ей во всём, пусть они живут вместе - она, он, Зюка... Буду приходить к ним, как их общий друг, как отец Зюки. А самому очень трудно, тяжело! Столько лет вместе... И вот, крах! Я не думал, что это когда-нибудь произойдёт! Слепой, чёрствый эгоист! А ведь это всё так естественно.

На него жалко смотреть, он разговорился и не хочет уходить.

Также, пожалуй, не спит и Зинаида Николаевна. Хотя, что ей! Она заполнена собой, своей жизнью. Даже на эти дни забыла Зюку, оставив её совершенно на мои руки.

Жизнь постепенно направляется, даже в кухне заведены часы и по-прежнему весело и озабоченно тикают, как будто ничего в доме не происходило. В доме ещё происходят длинные конференции. Друг перед другом они чрезвычайно любезны и предупредительны. Если пьют чай, то Зинаида Николаевна спрашивает:

- Коля, позволь тебе положить ещё торта!

- Пожалуйста, если позволишь.

Если идет гулять, Николай Иванович говорит:

- Зина, позволь мне взять для тебя зонт, может быть дождь...

- Пожалуйста, не утруждай себя!

Николай Иванович переехал в меблированную комнату в другом конце города и появляется днём на короткое время. Байер ещё не переехал, но уже чувствует себя полным

*Мать привезла четырёхлетнюю Олю к тётке в гости. Оля долго смотрела на тётку и на дядю и, наконец, разочарованно и очень громко сказала:*

*- Мама! Ты говорила, что дядя сидит у тётки Ани на шее, а он всё время сидит на стуле!»*

хозяином этих милых комнат. Перед отъездом Николай Иванович отвёл меня в угол коридора:

- Если увидите тень горя у Зины от Байера, скажите мне. Сама не скажет, гордая! Вам со стороны виднее. Ради её счастья я сделаю всё, но сохрани Бог того, кто обидит её, - и он сделал выразительный жест пальцами.

У меня две роли: Зюкиной няньки и урны, куда стекает всё, что не может держать душа другого. Мне, как официальному слушателю, поверяют они свои тайны, сливают в меня свои лишние тягости. Я, как вершина, выпирающая над этим, над их треугольником, поэтому лучше всего разбираюсь во всей этой канители.

Вчера был у знакомых шведов. На вопрос добродетельной миссис Нильсон, что со мной, ответил, что в одной знакомой семье происходят осложнения.

- Семейные? - спросила она.

Я должен был ответить ей. Тогда она выслала четырёх взрослых сыновей, громадных двадцатилетних детей, из комнаты и попросила рассказать подробнее. Я рассказал, как мог, общими местами. Мистер и миссис Нильсон заволновались и оба, в один голос воскликнули:

- Так почему же её муж или вы не обратитесь к вашему пастору, чтобы он сделал внушение ей и тому человеку. Пастор за это по головке не погладит!

Я ответил неопределённо, что, мол, надо бы, да вот то, да другое... Со шведской спичкой можно так сделать – чиркнул и погасил. Пастор в этом деле, как пятая нога у собаки.

Как бежит время – кончается уже октябрь! Дня два как не появляется Байер. Зинаида Николаевна заметно нервничает, но пытается скрыть это. Вечерами, как в старые добрые времена, Зинаида Николаевна с Зюкой садятся за пианино и льются бесконечные гаммы, но что-то сиротливое слышится в этих «до-ми-ре-фа...» Днём, больше обыкновенного, сидел Николай Иванович. Нарочито спокойным, безразличным голосом рассказывал он о всяких пустых вещах, но видимо был чем-то встревожен. Когда он уходил, она подошла к нему, обняла его и припала к нему на грудь.

- Коля, милый мой! - вырвалось у ней с судорожными всхлипываниями.

Притворив дверь, я занялся с Зюкой расспросами об арабесках.

- О, вы совсем не знаете! Это делается так... - сказала она, опираясь двумя руками о кресло и поднимая ногу горизонтально полу. Из-за двери слышалось: «Ну, ну, не надо», и вдруг с глухим отчаянием заплакал Николай Иванович...

Зюку отправили спать. Зинаида Николаевна вышивает, низко наклонившись над работой. По временам вздыхает, рассеянно задумывается и снова опускает голову.

- Ну, что вы скажете обо всей этой канители? – спросила вдруг Зинаида Николаевна.

- Что же можно сказать? Нормально, как у людей!

- Как у людей... - повторила она. – Вам хорошо, вы в стороне, а были бы сами запутаны... «Как у людей!» А что вы скажете о Байере? – она отложила в сторону рукоделье и подпёрла подбородок рукой.

- Человек, как человек. Рослый, красивый, сильный, что же и желать больше!

- Я вас не об этом спрашиваю! - покраснела она. – С вами лучше не говорить! Знаете, - начала она снова после некоторого молчания другим голосом, - Байер говорит, что Зюка ему мешает. Что она на дороге между ним и мной. Хочет, чтобы она жила с отцом. А я не могу так. Поэтому не появляется второй день. Мне начинает казаться, что я ошиблась непоправимым образом. А первое время всё казалось иначе. Какие мысли были! Как будто я скачу на вороном коне в страшную бурю, в чёрную ночь. Развивается по ветру лошадиная грива... мои волосы... Небо рвётся молниями, ветер скрипит деревьями. Как амазонка, или лучше - Валькирия! Вот вы издеваетесь: все вы, мужчины, одинаковы - злые, чёрствые эгоисты! Только в мыслях бывает всё иначе. Только в мыслях... - повторила она медленно.

Я украдкой смотрел на неё - на её похудевшее лицо, невидящие глаза. А у себя в комнате, злобствуя и негодуя на себя за свои реплики, я мучился за всех, кроме Байера. И мой личный мотив, как лейтмотив симфонии, вклинялся и прорывался через всю вещь - мой личный мотив, который я боялся определить одним словом... Жалостью разрывалось сердце к ним и дрожала рука над сентиментальными записками. Но разве не здесь в эти тихие, насторожённые часы, в надёжной заключённости комнаты, в её шести взаимно перпендикулярных плоскостях, не здесь ли и разливаться жалостливому, бесхитроственному человеческому пафосу?

Ноябрь. Уже свежо на улице. Только хвойные деревья стоят тёмно зелёными. Все мы, россияне, одинаковы в одном: глядя на облачное осеннее небо, мы говорим: «Совсем, как там». И это «там» не надо договаривать, оно понятно всем. «Там уже снег!» - говорим мы и с тоской озираемся на серый бетон зданий и мостовых...

Зинаида Николаевна в больнице; завтра будет операция. Она нервничает, но бодрится. Когда пришли Зюка и я, у кровати её сидел Николай Иванович. Увидя меня, он сразу опустил её руку и сделал вид, что он только что отряхнул край брюк. Он слегка повеселел: кажется, уверен,

что она всё таки оставит Байера и вернётся к нему. На несколько минут вошёл японский врач - маленький, жёлтый, в чёрной визитке. Втягивая в себя воздух, сюсюкая и улыбаясь ослепительным оскалом зубов, он подошёл к ней и спросил по-русски:

- Как вы поживаете?

Выходя, он с удивлением взглянул на меня и погладил по голове Зюку. Николай Иванович смущён, но определённо повеселел. Я думаю, что он уже успел обработать Зинаиду Николаевну относительно того, что Байер противится тому, чтобы Зюка оставалась с матерью.

После его ухода Зинаида Николаевна спросила меня:

- Видели его?

- Да.

- Ну, что, как он?

- Ничего.

- Говорил что-нибудь обо мне? Спрашивал?

- Да нет... как будто нет. Ждёт, когда вы сами придёте к нему, - добавил я после некоторого молчания, поднимаясь и берясь за шляпу.

- Ждёт, когда я приду сама к нему! - встрепенулась она и снова опустила на подушку, - ну, это знаете... Так он вам и сказал? - недоверчиво спросила она.

- Так и сказал.

Она замолчала и повернулась лицом к стене, выводя пальцем узор на обоях.

Я наскоро попрощался. Зинаида Николаевна несколько раз поцеловала Зюку и перекрестила её. Мы вышли на улицу. После тёмного помещения, пахнувшего разными больничными запахами, день показался особенно ярким и свежим. Мы прошли к набережной. Грузчики ловко разворачивались на маленьких электрических вагонетках, заваленных ящиками с разгружавшегося парохода. С тонкими криками носились над рейдом чайки, вдали два крохотных парохода вели на буксире огромный океанский пароход. Подходя к дому, я заметил маячущую фигуру Байера. Он подошёл ко мне.

- Я звонил несколько раз, но, повидимому, никого нет дома.

- Да. Зинаида Николаевна уехала на несколько дней. К знакомым.

- Куда?

- К знакомым отдохнуть. Нет, ничего особенного. Просто устала от всех волнений. Решила отдохнуть.

- Вы её видели.

- Да.

- Обо мне не говорила? - начал он осторожно.

- Говорила, только, - я сделал вид, что замаялся, - не следовало, пожалуй, это передавать. Собственно говоря, она мне это не говорила, просто я был неожиданным свидетелем её некоторой вспышки...

- Какой? Может быть, вы...

- Так что же... мучается она! Безусловно, любит вас, а вы вот столько времени не показывались.

Байер облегчённо вздохнул и озабоченное выражение его лица сразу сменилось прежней уверенностью и самодовольством.

- Она потому и уехала, что вы забыли её. Пытается забыть сама, такое у меня впечатление.

- О, это можно поправить! - сказал он с коротким смехом. - Вы не возьмётесь передать письмо? А может, лучше повидать лично?

- Лучше давайте письмо, - перебил я.

Мы вошли в дом. Я дал Байеру бумагу и он сел к столу, насвистывая опереточный мотивчик. Ему льстит, что Зинаида Николаевна, такая красивая, всегда прекрасно одетая, любит его. Действительно, когда идёшь с Зинаидой Николаевной по улице, то все оборачиваются и долго провожают её глазами, так она красива своей особой красотой. Это, главным образом, и занимает Байера. И ещё то, что ради него она бросает семью. Байер уверен в себе. Зинаида Николаевна не выносит такого явно выраженного самодовольствия; оно, правда, очень противно у Байера, он весь полон им. У меня зреет план...

Только нужно ли всё это? Зинаида Николаевна ошибается в нём: если для неё это глубокая любовь - романтика, то для Байера - ничто иное, как очередной случай, сюжет для будущего смешка. Вопрос о Зюке является поворотным камнем для Зинаиды Николаевны: она никогда не согласится оставить дочь. В данном случае Николай Иванович - другое дело: он полон благородства, и так её любит, что сделает ради неё всё. Два соображения у меня для плана: первое - «так на ж тебе!»; второе, более важное - попытка помочь выправиться и разобраться Зинаиде Николаевне...



- «Макиавелли!» - говорю я себе и вспоминаю голос Байера: *«И приняв её в темноте по белой одежде за греческую римлянку Асафию, нанёс ей удар мечом в грудь с выходом конца из спины. Увидев же свою роковую ошибку, он пал на её бездыханное тело, потом выхватив пистолет старинной системы, прострелил им свою развратную грудь»*. – «Макиавелли!» - ещё раз повторяю я со смехом, и смех слышится сухим, надтреснутым, противным...

Зинаида Николаевна и Николай Иванович вернулись домой. Она бледна и ещё больше похудела. Вечером я передал ей письмо Байера. Она медленно прочитала и передала мне:

- Прочтите! Да, да, прочтите!

«Дорогая Зинаида Николаевна! Вы даже не поставили себя в затруднение известить меня о своём отъезде. Надеюсь, что ничто не помешает и не прервёт наших отношений. Жажду Вас видеть и высказать всё то, что так много накопилось. Простите за укор в начале письма, укор – привилегия пламенного любовника. Ваш В.Байер.»

- Об этом ли я думала, об этом ли мечтала?! - сказала она с горечью. – Такой ли казалась любовь - неудержимая, ущемляющая душу? Светлая, радостная, полная забот и мыслей о другом... А что же здесь? «Привилегия пламенного любовника!» Фу!

- Ну, та любовь только в романсиках, в разных там чайках, а так-то... вообще, любовь – старая армейская игра.

- О, как вы, мужчины, хорошо знаете вашу армейскую игру!

- Так, слава Богу, знания накапливаются поколениями, - сказал смеясь я.

- А всё-таки я его любила, и люблю. Правда, по временам с какой-то ненавистью! Вот эта операция: я бы и хотела иметь ребёнка, но в первые месяцы с Байером уже начинаются осложнения из-за его отношения к Зюке. Как глупо: она на его дороге! Зюка на его дороге! Как чёрство, эгоистично, подло! А что было бы потом, если бы у неё был брат или сестра от Байера?! Я уже сама начинала ненавидеть его: родился бы такой же белобрысый, холодный, противный немчик, как сам Байер! Фу-у! Лучше сразу отделаться!

- Так что-нибудь передать Байеру? - прервал я её.

- Нет, ничего не надо. Нет! Скажите ему, что я не хочу его видеть! Что он мне противен! Что, что... - она упала головой в подушку и глухо заплакала.

Ночью, как заговорщик, вошёл ко мне Николай Иванович.

- Кажется, сдвиг у Зинаиды Николаевны. Не замечаете? Операция стоила ей многого, и под влиянием всего она начинает постепенно отходить от Байера. Вы не думаете? Как бы сделать, чтобы она с ним не встречалась?

Николай Иванович не похож на того, кто так сильно мучился месяц тому назад. Ещё на глазах Зинаиды Николаевны он ходит с унылым лицом, а так - заметно повеселел и прибодрился. С ней - очень нежен, и даже сам купил ей красивое платье, прикинув его на продавщицу...

Как верный сторожевой пёс, я стерегу дом и его покой. Зинаида Николаевна ходит рассеянная, видимо никак не может разобраться ни в себе, ни в Байере. Я почти молчу, изредка только, когда представляется возможность, вкрапываю несколько незначительных слов - несколько капель отравы, от которых она ещё больше теряет. Она ещё борется, к определённому решению ещё не пришла, по всем вероятностям надеется, что Байер сам даст толчок. Торопиться некуда, время есть...

Два раза в неделю, когда я ухожу на вечерние занятия и покидаю дом на два часа, я захожу к Байеру. Он меня расспрашивает о Зинаиде Николаевне. Я всегда рассказываю почти одно и то же: «Любит очень. Не надо форсировать. Знаете, разные женские нюансики... Спешить некуда, придёт сама!» Байер ещё больше надувался самодовольством и от радости даже готов навязать в долг деньги. По крайней мере, получается такое впечатление. Но каждый раз, уходя от него, в передней я незаметно припиливаю его пальто булавкой к обоям: предосторожность совершенно не лишняя - она даёт мне возможность удостовериться, что они не встречаются тайком, пока меня нет дома. Возвращаясь домой, я опять захожу к нему и убеждаюсь, что булавка на месте. Значит, он не трогал пальто. Я ещё раз говорю о терпении, и что всё образуется. Он начинает принимать покровительственный тон в отношении меня и, безусловно, считает меня простаком, рубашкой-парнем...

Единственные развлечения в доме по вечерам, это - балетные выступления Зюки. В этом мы оба принимаем одинаковое горячее участие, но вся слава идёт одной Зюке. Дверь в спальню завешивается старой шалью, это - занавес. В спальне мы с Зюкой мастерим ей туалет; он всегда очень сложный: кое-как Зюка не хочет выступать, халтуры она не признаёт, всё должно быть в полном блеске и славе. Танцы самые разнообразные, но самый любимый - танец Зобеиды. Правда, и костюм к нему замысловатый... Пёстрые шарфы Зинаиды Николаевны идут на обёртку ног вместо шаровар, другой шарф идёт на верх - над поясом, а из части его устраивается чадра. Все браслеты, цепочки, бусы, погремушки - всё что можно найти на комод, навешиваются и надеваются на неё. Когда костюм готов, я выхожу в гостиную – зрительный зал, где

сидит публика - Зинаида Николаевна, и, сложив руки ковшиком, трижды издаю звук паровозного гудка... Это - ритуал, уже освящённый временем, традицией, без них Зюка не может выступать. Просто не может! После третьего гудка шаль раздвигается и - показывается Зюка; она - в полном сиянии; начинается представление. Но, Боже сохрани смеяться: крику и слёз не оберёшься на весь вечер. Аплодировать надо до изнеможения, иначе представление начинается сизнова... Сегодня Зинаида Николаевна схватила в свои объятия Зюку и стала её целовать.

- Доченька ты моя милая! - сказала она с глубоким чувством; а позже она мягко и задушевно играла Чайковского, полунапевая слова: *«Не ходи, милый друг, на дорогу / И во след тройки ты не гляди...»*

Бедная Зинаида Николаевна, «Зюка-большая». Бедная... Залегла в сердце камнем тревога. Может быть, она поёт об этом, потому что за окнами сегодня первый снег в году. Его даже видно на оконной раме. А если снег, то совсем как «там»... Она кончила играть и сидит расстроенная. Пальцы ещё лежат на клавишах, но мысли далеко.

- Павел Александрович! Я дала слово Коле, что не буду больше встречаться с Байером. Но прошу вас, мне надо выяснить... Разобраться в своих мыслях... Николай ещё подозревает меня, а я так больше не могу. Я должна увидеть *его*, выяснить отношения. Какой смысл мучиться так, в темноте, под подозрением? Если бы ради чего-то... Может быть, я ошиблась, наверное так! Но я хочу сама убедиться. Если нет, то сразу... Короче говоря, я хочу видеть Байера! И вы сделаете это, - твёрдо dokonчила она.

- Хорошо, - сказал я. - Когда?

- Завтра, когда Коля уйдёт на работу.

- Видите, - сказал я Байеру утром, - Зинаида Николаевна первая хочет вас видеть!

Он встал и в волнении, потирая руки, прошёлся несколько раз по комнате.

А днём - ещё несколько маленьких слов... несколько маленьких капель отравы, которые должны окончательно разесть последний стержень сомнений у Зинаиды Николаевны. Сегодня испытание макиавеллиевой игры. Что выйдет?

В сумерки мы подошли к главному зданию Городской Библиотеки. На улицах снег, пешеходы спешат, забирая головы в воротники пальто. Вечер тихий, застывший, за мысом и горой Квин Анн в мглистом воздухе ещё полыхает узкая полоска багрового заката...

Байер должен быть уже там. Я ему назначил время на полчаса раньше, чтобы он успел нервничать. Мы поднялись по широкой лестнице. Зинаида Николаевна заметно волновалась. Его фигуру я заметил первый. Увидя нас, он поднялся и медленно, театральной походкой принца Гамлета, пошёл нам навстречу. Одну руку он сунул за борт пальто, в другой держал чёрную широкополую шляпу; на лице его, соответственно случаю было выражение торжественности.

- Байрон! - с непередаваемым презрением сказала Зинаида Николаевна, взгнув на него.

Моё сердце ёкнуло: игра была выиграна, в этом не могло быть никаких сомнений! Он подошёл к ней и церемонно поцеловал руку. Мы с Зюкой сели на скамью.

- Ты вот никогда не знала, Зюка, - сказал я, - что я могу делать фокусы!

- Какие можете делать фокусы?

- А вот могу превратить большого человека в маленького... страшного карлика и урда...

- О, вы не можете! Это только фея может!

- Как не могу?! Я тоже могу.

- А покажите!

- Что-ж показывать? Вот, сделал, и получилось...

- Пошли домой! - сказала подходя к нам Зинаида Николаевна.

Тороплюсь закончить эти записки. Пусть всё пережитое и передуманное останется здесь. Завтра утром я уеду: ведь моя миссия окончена - добродетель восторжествовала, порок наказан, всё завершилось счастливым кинематографическим концом. Хотя по-прежнему глаза Зинаиды Николаевны часто бывают заплаканы. А Николай Иванович, приходя домой, подозрительно осматривает углы, глубоко, конечно, этим оскорбляя Зинаиду Николаевну.

Надо ехать! Сколько напрасно потерянного времени, когда я мог... Но напрасно ли потеряно время? Все те полусонные и бессонные ночи, когда, тихо шагая из угла в угол, или раздвинув штору окна и припав лбом к холодному стеклу, наблюдая таинственное слияние ночи с утром, я думал о прошедшем дне и о новом - чуть-чуть зарождавшемся, повторяя отрывки сказок, рассказанных Зюке-маленькой; или придумывая варианты новых: то о чёрном шахматном коне, безнадежно влюбившемся в фарфоровую пастушку; то о Сером Волке, всю жизнь прождавшем встречи с Красной Шапочкой; то об «Аленьком цветочке», в поисках которого люди попадают в глубокое житейское море, чтобы потом, до самой смерти не выкарабкаться из него...



*Перчатки возгордились: «Лето кончилось. Теперь все нас на руках носить будут!»*  
«Учительская газета».

Чужое житейское море, куда странником попал и я, взволнованно бьётся о берега жизни! Бедная Зинаида Николаевна - бесконечно милая Зюка-большая! То, что не так давно ещё казалось ей великим, вечным, радостно-чистым, стало серым и свинцовым, и тяжело шумит вокруг неё, не успокоившись! Да и успокоится ли? Так неудержно и слепо бросилась она в глубь его, в поисках счастья, чтобы прикосновением к нему снова всколыхнуть уходящую молодость!

И ты, милая, быстрая, черноглазая, маленькая Зюка, выклянчившая у меня фаянсовую собачку «долго поиграть»... и ты заглядишься на него – большое, сильное, невыразимо прекрасное. И так же, как все до тебя, и после, как и твоя мама, окунёшься в него. И будешь ты для многих «Аленьким цветочком», и будет много любви вокруг тебя, но сама ты поплывёшь по широко разлившемуся житейскому морю в поисках *своего* «Аленького цветочка». И будет тебе казаться, что ты нашла его, и тогда всё вокруг покажется тебе радостным: и небо, и земля, и люди. Но будет он уходить... и тогда все окружающие предметы примут для тебя серый, однотонный оттенок. Но ты будешь искать его, ибо, что такое жизнь, как не поиски?! Весь путь будешь ты улыбаться, плакать. Но бойся тихих, горьких слёз, пролитых в одиночестве в ненастную, ноябрьскую ночь: в них бессилие, безнадёжность, безрадостность...

Я подошёл к окну и поднял штору. На востоке сквозь сизо-аспидные тучи, низко нависшие над елями на другом берегу озера, клубившемся курчавым туманом, нехотя, как поневоле, скупо разгорается новый день. Неприветливо стоят обнажённые, обвисшие, насквозь вымокшие берёзы. Неприветливо и чуждо донёсся до оконного стекла, слегка содрогнув его, далёкий свисток паровоза. Под него я ещё так недавно глубоко и спокойно засыпал. И я, суетливо забежавший вперёд и помогший Зинаиде Николаевне выйти из захлестнувшего её моря, - если не на сухую почву, то по крайней мере, в неглубокое, застоявшееся болото - я уже не испытываю ни жалости, ни раскаяния...

**Пётр Балакшин.**  
Сан-Франциско.



## Слеза золотая

Панихиду никто не отслужит,  
И не надо об этом жалеть.  
Сам поэт – он отпел свою душу,  
Как уже никому не отпеть.

Эту бездну любви и печали  
Никакие не сдержат веса.  
И качнутся астральные дали,  
И в аду затрезвонят часы.

Будет сплетням команда: «На вылет!»  
Дьявол в чашу смолы подольёт.  
Но Господь эту заморочь выльет,  
И слезу золотую смахнёт...

Чтоб на всю поднебесную сушу  
Той слезой просиять, прозвенеть...  
Сам поэт – он отпел свою душу,  
Как уже никому не отпеть.

# Мудрый царь

*Молодёжный отдел*

В жаркий летний полдень по раскалённой палящими лучами солнца дороге шли в Рим два странника. Разорванные ветхие одежды едва прикрывали их тела, они ступали босыми ногами на горячие камни. Но странники, казалось, не замечали зноя и бодро шли вперёд. Вдруг на дороге показалось блестящее ше-ствие: впереди ехали воины на прекрасных чистокровных лоша-дях, за ними следовала золотая колесница, на которой сидел сам римский царь; толпа придворных замыкала процессию. Через несколько минут царский поезд поравнялся со странниками.

Вдруг царь остановил колесницу, сошёл с неё и, подойдя к странникам, поклонился им до земли. Потом встал и облобызал их. Ропот неудовольствия пронёсся в толпе придворных, а брат царя выступил вперёд и сказал:

- Не подобает тебе, царь римский, унижаться перед первы-ми встречными странниками!

Царь спокойно посмотрел на брата и сказал:

- Может быть, дорогой брат мой... Но за то, что ты дерзнул осудить меня, своего царя, я должен казнить тебя. Готовься к смерти!

Немой ужас охватил всех. А царевич упал на колени и со слезами стал умолять царя изме-нить свой приказ. Царь долго слушал мольбы и стенания брата и, наконец, сказал:

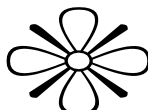
- Встань, брат мой, и выслушай меня. Я нарочно объявил моё решение, чтобы испытать тебя. Видишь, каким унижениям ты подверг себя передо мною, твоим братом, не зная за собой большой вины, когда я объявил тебе о смерти телесной. Подумай же, что должен был испытать я, когда увидел этих двух странников, проповедников Бога моего, которые открыли мне Его учение и возвестили о страшной смерти души от греховной жизни. Ты испугался близкой смер-ти и подверг себя унижениям, чтобы избежать её. Так и я: увидев этих странников, которые напомнили мне о смерти, я в смирении поклонился им, прося их защиты...

- Прости меня, дорогой брат мой, за то, что я осудил тебя, - ответил растроганный царевич. – Теперь я вижу, как ты был справедлив!

И все дивились, и прославляли мудрость и справедливость царя...



«Агнец Божий» Харбин 1943 г.



*Не беда, если люди будут хвалить тебя за твои дела. Беда, если ты будешь делать дела для того, чтобы люди хвалили тебя. А. Толстой.*

«Мы все мечтою о мире живём...» (Евгений Евтушенко)

Вера в кого-то или во что-то, это – сильное чувство. Это надежда на лучшую жизнь, и убеждение в том, что какой-то человек или политический строй позволит людям добиться своих идеалов. Такая вера, надежда на лучшее, на протяжении человеческой истории была основой социальных потрясений, которые способствовали возникновению, расцвету и падению великих цивилизаций, империй и правительств.

Недавно я прочитала письмо о том, что в России сейчас не во что верить, и что «перестройка» означает распад тех ценностей и надежд, которые существовали прежде. Я считаю, что это неправильно. Да, прежние идеалы оказались ложными, но это не значит, что все досто-инства русского человека – терпение, выносливость и патриотизм – потеряли своё значение. Вера русского человека в себя и в свою страну, которая неоднократно выживала в трудные времена истории, позволит человеку преодолеть даже этот очередной кризис. Если молодёжь будет верить в новую Россию и создавать новый политический, социальный и экономический строй, то будущее – в её руках. Только в это надо верить!

**УГОЛОК РОДИТЕЛЕЙ:**

*Дорогие родители! В 20-м номере «Жемчужины», на 11-ой странице помещена для вас, статья И. Ильина «О семье».*

Приёмш\* – чужое дитя, сирота; принятый в семью.

**Приёмш\***

В дождливый летний день я подходил к Светлому озеру, к знакомой рыбацкой сторожке<sup>1</sup>. Моё появление вызвало сторожевой оклик собаки: на незнакомых людей она всегда лаяла отрывисто и резко, точно сердито спрашивала, кто идёт. Я люблю таких породистых собачонок за их необыкновенный ум и верную службу. Когда я подходил уж совсем к избушке, кубарем вылетела на меня пёстрая собачонка и залилась лаем.

- Соболько, перестань! Не узнал?

Соболько остановился в раздумье, но, видимо, всё ещё не верил в старое знакомство. Он осторожно подошёл, обнюхал мои охотничьи сапоги и только после этого виновато завил хвостом: «Дескать<sup>2</sup>, виноват, ошибся. А всё-таки я должен стеречь избушку...»

Избушка оказалась пустой. Хозяин, вероятно, отправился на озеро. Я расположился, как у себя дома: снял куртку, развесил свои охотничьи доспехи<sup>3</sup>, развёл огонь и стал разогревать походный медный чайник. Соболько вертелся около меня, виляя пушистым хвостом, облизываясь, ожидая поживы, и нетерпеливо взвизгивая. Но вот собака радостно взвизгнула и бросилась к берегу.

Показалась рыбацкая лодка. Тарас плыл стоя на ногах и ловко работал одним веслом. Впереди лодки плыл лебедь.

- Ступай домой, гуляка! – ворчал старик, - вот я тебе дам! Уплывает Бог знает, куда!

Лебедь крикливо подплыл к берегу, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своих кривых чёрных ногах, направился к избушке.

Поздоровавшись с Тарасом, спрашиваю, откуда Бог несёт.

- А вот, за приёмшем плавал, за лебедем. Всё тут вертелся, а потом вдруг пропал. Выехал на озеро – нет. По заводям<sup>4</sup> проплыл – нет. А он за островом плавает...

- Откуда достал-то лебеда?

- А Бог послал. Тут охотники приезжали, ну, лебедя с лебедушкой и пристрелили. А вот этот остался. Забился в камыши и сидит. Летать-то не умеет, вот и спрятался, словно ребёнок, - говорил старик любовно, как о близком человеке. - Я ставил сети возле камышей, ну, и поймал его: пропадёт один, ястреб заест! Сиротой остался. Вот я его и привёз. И держу. И он тоже привык. Скоро месяц будет, как живём вместе. Утром на заре поднимется, поплавает поблизо-сти, а потом и домой. Знает, когда встаю: идёт покормиться. Умная птица, свой порядок знает.

- Улетит он у тебя, дедушка.

- Зачем ему лететь? И здесь хорошо: сыт, кругом вода. А там - перезимует вместе со мной в избушке. Места хватит. И нам с Соболькой веселее. Как-то один охотник зашёл ко мне, увидел лебедя и говорит вот то же: «Улетит, если крылья не подрежешь!» Как же можно увечить Божью птицу? Пусть живёт, как ей от Господа указано. Не возьму я в толк, зачем люди в лебедей стреляют: ведь есть не станут, а так – для озорства!

- А как он с Соболькой? – спросил я.

- Сначала боялся, а потом привык. Теперь лебедь-то в другой раз у Собольки и кусок отнимет. Пёс заворчит на него, а лебедь на него крылом... Смешно на них со стороны смотреть. А то гулять вместе отправляются – лебедь по воде, а Соболько по берегу. Пробовал пёс плавать за ним – чуть не потонул... А как лебедь уплывёт, Соболько ищет его. Сядет на бережку и воет: дескать, скучно мне, псу, без тебя, друг сердечный! Вот так и живём втроём. Да вот, погляди: лебедь-то дожидается нас с Соболькой...



**Д. Мамин-Сибиряк.**

<sup>1</sup> Сторожка – помещение, домик для сторожа.

<sup>2</sup> Дескать – (прост.) употр. При передаче чужой речи, часто с оттенком недоверия; переводится личными формами глагола say: он, дескать, не знал = he says he didn't know

<sup>3</sup> Доспехи – воинское, охотничье снаряжение, armour

<sup>4</sup> Заводь – небольшой залив в реке или озере, с замедленным течением.





# НАСЛЕДСТВО



Родители Лизы были люди бедные, но честные и трудолюбивые. И сама Лиза была добрая, ласковая девочка. Все дети в соседстве любили её за вежливое и милое обращение. Все охотно играли с ней, несмотря на то, что она была беднее всех и не имела таких же красивых платьиц, как у Наташи или Насти, или других подруг. Но девочки смотрели не на одежду, а на сердце, которое, конечно, стоит больше какой-нибудь шёлковой или бархатной тряпки...

Вдруг в жизни Лизы произошла большая перемена: её родители получили большое наследство, они очень разбогатели. И Лиза сразу вообразила, что она теперь важнее своих подруг. Стала спесивой. От её прежней услужливости и любезности не осталось и следа. Наташа и Настя сначала удивлялись, но потом стали над Лизой смеяться. Наконец, Настя сказала:

- Послушай, глупая девочка, если ты не переменишь своего обращения, то останешься одна: мы с тобой играть не будем!

При этих словах Лиза поморщилась, отвернулась и сказала:

- Я теперь богата! Найдутся другие подруги.

Однако, она ошиблась. Почти все дети оставили её, и скоро Лиза стала скучать. Сидела у окна и плакала, поглядывая на весёлые игры своих прежних подруг. Только теперь она увидела, как неприятно быть одной...

Мать заметила перемену в дочке и спросила:

- Почему ты не играешь с девочками?

Лизе стыдно было сказать правду, но потом, по настоянию матери, призналась в своей глупой выходке. Сказала, что давно раскаивается в заносчивости.

- Ступай сейчас же к подругам, - сказала мать, - и перед ними извинись! И помни, что человека любят не за богатство, а за ласковое и сердечное обращение. Какое другим дело до того, что ты богата? Оставь навсегда глупую спесь, чтобы зло не поселилось в твоём сердце!

Лиза последовала совету матери, побежала к подругам и ласково попросила у них прощения за своё поведение. Дети с радостью снова приняли её в свой весёлый кружок.

А Лиза... С тех пор она никогда больше не хвасталась богатством отца.



## Надежда на Бога

Надейся на Бога, дитя дорогое,  
На милость Его уповай!  
От детского сердца моление простое  
С надеждой к Нему возсылай.

Лишь в утреннем небе заря загорится,  
Смиренно колени склони, -  
С тобою, мой ангел, мы станем молиться  
Источнику вечной любви.

**Е.Г.**

*«Хлеб Небесный», Харбин 1929 г.*



С молитвой за книгу садитесь,  
Учитесь прилежно всегда.  
Учиться добру торопитесь,  
В светлые детства года.

*М. Мурдасова.*

## Осенью

Солнце покинуло землю,  
Холодно, сыро, темно.  
Шуму осеннему внемлю -  
Солнце тоскою полно.

Сад за окном умирает,  
Ветви роняют листья.  
Астры лишь скорбно вздыхают -  
Осени поздней цветы.

Как тут не вспомнить о книге?  
Дивный, пленительный друг!  
С книгой в руках, словно маги,  
Дни замелькают вокруг.

**С. НЕДОЛИН.**



*Наука, это – наследие наших предков. Мы должны считать своей почётной обязанностью передать это наследие нашим потомкам, увеличив и расширив его.*



## Арсений БРОННИКОВ

(Участник областного конкурса «Серебряное пёрышко–2003», ученик 2 класса, школа № 6, г. Качканар)

Рисунки Ирины НОРИЦЫНОЙ

### ОДУВАНЧИК

Не в тридевятом царстве, а в уральском государстве на полянке жил Одуванчик. Он появился на свет тёплым весенним утром. Одуванчик увидел себя в капле росы и запел задорную песенку:

*Я весёлый Одуванчик,  
Утром с солнышком встаю.*

Чудесно жилось Одуванчику на полянке. Солнышко согревало его своим теплом, ветерок ласково играл с ним. Одуванчик подружился со скромной Ромашкой, с добродушным Клевером, с весёлыми Васильками.

Больше всего цветок любил разговаривать с красавицей Бабочкой. Она рассказала Одуванчику о том, как интересно перелетать с цветка на цветок. Как красива полянка с высоты!

Одуванчику очень захотелось научиться летать. Он даже сочинил новые слова к песенке:

*Я весёлый Одуванчик,  
Утром с солнышком встаю.  
Вместе с Бабочкой веселой  
В небо я взлететь хочу.*

Однажды утром цветок увидел свое отражение в капле росы и очень испугался. Куда пропали его золотые волосы? Он стал совсем седой. Но тут подул ветер. С головы Одуванчика полетели сотни лёгких зонтиков.

Когда снова пришла весна, на поляне появилось на свет много маленьких солнышек. Это были молодые одуванчики. Они дружно запели ту же песню:



*Я весёлый Одуванчик,  
Утром с солнышком встаю.  
Вместе с Бабочкой веселой  
В небо я взлететь хочу!*



## Добро и зло в сказках и жизни:

3ЛО

### «Творческие размышления детей»



Россия, Свердловская обл.,  
г.Лесной, 2000-2001

Сергей Сухих, шк.74, 10 «в».

«Добро и зло, это – повседневная тема. Теперь уже в магазинах не часто услышишь от продавца «спасибо» или «пожалуйста»; в основном, они часто недовольны. В автобусах молодые люди не всегда уступают место для пожилого человека.

Вот случай из моей жизни. Жили два брата – младший и старший. Младший всегда помогал старшему, а старший всегда отвечал на просьбы младшего: «Я устал, сделай сам». Младший брат долго терпел, но терпение у человека не железное. В один прекрасный день младший всё высказывает старшему и происходит крупная ссора. Правду говорят, «Добро с кулаками». Иногда бывает такое в жизни. Для человека стараются, чтобы ему было хорошо, а он этого не замечает. Может быть, мир потому так жесток, что люди не знают, что такое добро?

**У**  
Дорогие ребята! Со временем, все ваши письма будут обязательно опубликованы.



У него никогда не было родной мамы. Он вывелся в инкубаторе и первое, что он увидел, это таких же мокрых цыплят, которые отчаянно пищали, не понимая, где они. А каждому хотелось иметь свою маму, надёжную, сильную, тёплую и родную.

После тёмного и душного инкубатора Тимка, наконец, увидел свет. Обилие звуков и света просто испугали его. Для него, такого маленького, размеры нашей комнаты казались вселенной. Я взяла малыша на руки и он, почувствовав моё тепло, сразу же притих. Слушая мои ласковые слова, он всем своим маленьким тельцем прижимался к моим ладоням.

О том, что я стала его мамой, я поняла, когда, опустив его на пол, увидела, как он испуганно ищет меня. Рассмотрев, где я нахожусь, он с криком и плачем бросился ко мне. Тимка подбежал к моим ногам, залез на тапочек и, задржав головку, смотрел мне в глаза. Я осторожно передвинула ногу вместе с цыплёнком. Тимка качался, но не падал. Так, волоча ногу, я ходила по комнате, делая свои домашние дела, а цыплёнок крепко сидел на ноге и только на больших поворотах помогал крылышками удерживать равновесие.

Он находил меня повсюду. Если я садилась на диван с вязанием в руках, Тимка был тут же, внимательно наблюдая за блестящими спицами.

Подрастая, цыплёнок научился крепко сидеть на моём плече, поклёвывая моё ухо и расчёсывая клювиком волосы. Если я уходила из дома и малыш оставался один, то, поплакав и поискав меня, он находил мой тапочек и, уставший от переживаний, ложился на него, уверенный, что пока нет мамы, тапочек его защитит. Его друзья-цыплята уже давно жили в клетке, а я всё никак не решалась отправить Тимку к ним. У малыша уже подросли крылышки и гребешок, он быстро бегал по квартире, зная все её закутки. Ему нужна была уже не только мама, но и друзья, с кем можно было бы побегать и подраться, покушать и покупаться в песочке.

Цыплята встретили Тимку настороженно. Сначала все отошли в сторону, замолкло их щебетание, а потом... А потом каждый посчитал своим долгом клюнуть и погонять Тимку по клетке. Малыш выдержал все испытания и к вечеру уже в общей компании цыплят ел кашу, орал диким голосом и бегал наперегонки. Когда я подошла к клетке, он меня узнал, подбежал и как бы поздоровался. Но друзья его куда-то торопились, и он помчался за ними...

Тимка вырос в большого и сильного петушка, и когда видел меня во дворе или слышал мой голос, он поворачивал голову, и смутные воспоминания детства напоминали ему, что это идёт его мама.

## Цыплёнок Тимка.



Хабаровск. **ИРИНА ЛОБОДА**

### Смелые мальчики

Однажды два венгерских мальчика собирали в лесу на горе землянику. Вдруг что-то зашумело над их головами и прежде, чем они успели опомниться, огромный орёл налетел сверху на одного из них, и уже захватил его острыми когтями, чтобы утащить в своё гнездо. Но дерзость хищника была побеждена присутствием духа десятилетнего мальчика: он схватил орла за горло и зажал его так крепко, что силы страшной птицы в одну минуту исчезли, и мальчик, уже поднятый в воздух, упал на землю вместе с врагом своим. Другой мальчик, увидев это, забыл страх свой и бросился на помощь к товарищу: сначала он кинул на птицу свою курточку, а потом набежал на неё сам. Через несколько минут оба мальчика одержали победу над полузадохшимся орлом. Связав ему крылья и ноги, они освободили ему горло и с торжеством притащили в город.

*Неизвестного автора.*





5

## Тузик и его друзья



Сегодня на Шумном Дворе большое событие: Тузик, Матильда Леопольдовна, Леопард, даже сороки и, тем более, Базлан с приятелями-попугаями – все празднуют 5-летнюю годовщину своих забавных и совершенно невероятных приключений. Поэтому всем весело с утра.

Что и говорить, большая суматоха поднялась во дворе: Леопард скрипит – солнечных зайчиков из кружевных листьев, смеясь, на траву вытряхивает; Матильда Леопольдовна сорокам сказки мурлычет; Тузик для порядка ворон гоняет. И только Рябушки скромно стоят в сторонке. Они тоже отмечают 5-летний юбилей и хотят подарить Шумному Двору своё первое яичко. Да вот беда: курочки никак не могут решить, откуда оно появилось...

Пока Рябушки думали и гадали, у Тузика появилась гениальная идея:

- Матильда Леопольдовна! Нам надо организовать музей!

Белая кошка заморгала большими зелёными глазами:

- Дело хорошее. Но где же взять экспонаты, то есть, разные старые вещи, которые могли бы рассказать историю нашего весёлого Шумного Двора?

Тузик почесал за ухом, но... сказано-сделано: он бросился со всех ног искать вещи для музея. Матильда Леопольдовна не отставала. Друзья заглядывали везде – в дом, под дом, в беседку, потом забрались под лестницу, проверили почтовый ящик у калитки. Тузик забрался в гараж и перевернул там все коробки. Матильда Леопольдовна залезла на полки, и даже на чердак наведальась. Наконец белая кошка, грязная и почти серая от пыли, снова появилась во дворе. В лапе она держала рыжее пёро из хвоста какого-то петуха...

- Первый экспонат для нашего музея! – радостно закричала Матильда Леопольдовна.

Тузик посмотрел и с удивлением воскликнул:

- Стойте, братцы! Да это же *то самое* перо... *того самого* петуха, что давным-давно жил на Шумном Дворе! Только тогда наш Двор ещё не был таким шумным.

Базлан и его приятели, и даже сороки - все радовались и поздравляли Матильду Леопольдовну с «исторической находкой». На дворе поднялся такой невообразимый шум и гам, что в доме открылась дверь и на веранду, один за другим, начали выходить дети.

Было ещё рано. Дети немного постояли, протирая заспанные глаза, послушали. И вдруг Юлик вынес из дома модель динозавра и протянул её Тузику.

- Когда я был маленький, я очень хотел быть археологом, то есть, человеком, который хочет узнать, кто жил на Шумном Дворе задолго до нас. Поэтому я собирал по всему двору всякие странные вещи. И вот, мама-Вера подарила мне вот этого динозаврика. Я закопал его в грядке с клубникой. А потом «искал» его, то есть, портил все мамины цветочные клумбы...

Сашки-песенка принёс картинку сделанную из гипса, а на ней – отпечаток его детской руки и ножки.

- Это мама-Вера сделала, когда я был совсем ещё маленьким. Теперь я вырос. Заканчиваю первый класс. Так что возьмите эту «историческую картину» в музей.

Вдруг во дворе послышалось отчаянное кудахтанье: кто-то забыл закрыть дверь курятника, в него залетели две огромные чёрные вороны и набросились на яичко. Через минуту, вместо милого беленького яичка, на траве лежала грязная, сломанная скорлупа. Бедные Рябушки думали, что они этого горя не переживут. Положение спасла Матильда Леопольдовна:

- Не горюйте, Рябушки! У вас другие яички будут! А мы возьмём вашу скорлупку в музей: мы все терпим от ворон много неприятностей, это – «история» Шумного Двора...

В это время подбежал Веня-зайчик. Он протянул Тузику потрёпанную детскую книжку и сказал:

- Я достал эту книжку из-под кровати. Миля-девочка её туда бросила. Давно это было. Но теперь она подросла и ведёт себя хорошо. Любит сказки, и уже хорошо говорит. А книжку я подклеил и теперь дарю вашему музею.

- А я буду приходить к вам в музей. Буду всё смотреть, - серьёзно проговорила Миленька, хитро хлопая шаловливыми глазами.

- Значит, ты будешь «посетителем», - сказала Матильда Леопольдовна. – Только помни, Миленька: «посетители» в музее ничего руками не трогают! Они – «глазами смотрят».



Вдруг из гаража с радостным лаем выбежал Тузик. Он тащил за собой что-то дырявое и очень грязное...

- Смотрите: мой самый первый коврик! Это же настоящая древность! Ур-р-ра!!!

- А что значит слово «древность»? – закричали со всех сторон сороки.

- Древность, это что-то очень старое, - объяснила Матильда Леопольдовна, - это...

Но белая кошка не успела договорить. Из дома вышла хозяйка. Она сердилась:

- Тузик! Ты опять без спросу в гараже коробки проверял? Сколько раз тебе говорить!

Тузик виновато опустил голову. Хозяйке стало жаль его. И тут она увидела под лестницей аккуратно разложенные музейные вещи.

- Ну, хорошо, собачка, я больше не сержусь, - она погладила Тузика по рыжей шерсти. - Если ты обещаешь больше ничего без спросу не трогать...

С этими словами хозяйка вышла в гараж и минут через пять вынесла оттуда длинную полку со стеклянными дверками. Она осторожно поставила полку на веранде.

- Вот, Тузик, это для вашего музея: теперь ваши экспонаты не промокнут под дождём! А вот здесь для вас ещё что-то есть: в этом пакете - детские волосики Венечкиной и Милиной мамы-Зои; а это - крошечные туфельки, которые давным-давно носила Юлькина и Сашина мама-Вера; и ещё, Тузик, вот твой голубой бантик... Когда ты родился, тётя Нина завязала тебе этот бантик на шейку, посадила тебя к себе в карман и повезла к нам «дарить». А вот тут фотографии, где ты совсем ещё маленький...

Тузик был растроган. Он подошёл и тихонько лизнул хозяйке руку. Однако, надо спешить, работы много: он сбегал вниз, перенёс все вещи из-под лестницы на веранду. Потом начал раскладывать экспонаты по полкам. Матильда Леопольдовна сразу села за компьютер. Сначала она записывала, кто дал экспонаты, и почему. Потом начала составлять «каталог», то есть, список всех вещей, которые находятся в музее...

Постепенно вещей в музее становилось больше и скоро у Матильды Леопольдовны было столько работы, что совершенно не оставалось свободного времени. Сороки вечно приносили на Шумный Двор всякий мусор: то они блестящую пуговицу на улице найдут, то осколок зеркала в чужом парке поднимут. Приходилось подолгу разьяснять, что если, скажем, пуговица не была пришита к курточке Юлика, который приходил играть на Шумный Двор, то это – не «историческая ценность». Также и зеркало: вот если бы в него смотрелся когда-то кот Мордан и, гоняясь за попугаями, нечаянно разбил его – тогда другое дело!

Базлан первым сообразил, что именно нужно для музея: он сделал над Леопардом круг и сбросил на траву небольшой мешочек. Из мешка посыпались какие-то старые конверты.

- Да это же старые письма от ребят из России! Это - большая ценность для музея! – скрипнул Леопард. – Молодец, Базлан!

Базлан обрадовался, что его похвалили за дело. Он принялся помогать Матильде Леопольдовне разбирать письма и так увлёкся работой, что даже забыл, что она всё-таки *кошка*. Весёлый попугай крутился возле самого носа Матильды Леопольдовны. Но белая кошка вовсе не думала о том, что Базлан - какая-то *птица*... Она была ему слишком благодарна.

Вот так и сидели они над пачкой писем. И только, когда начало темнеть, Базлан сказал, что ему пора отправляться спать.



СОДЕРЖАНИЕ - № 20 (2004 г.)

Октябрь уж наступил (стих. Пушкин)	1
Октябрь (от латинского слова...)	1
Пронеслись мимолётные грозы (стих. К.Р.)	1
Вы не придёте вновь (стих. Н.Лонский)	1
«Жемчужине» 5 лет (от редакции Т.Н. Малеевская)	2
Светлой памяти Л.А. Ястребовой (некролог, Т.Н. Малеевская)	5
Аверченко (доклад, Л.Н. Ганина)	6
Вспоминаю старый Псков (стих. И.Смолянинов)	8
Страна вечной осени (рассказ, Юрий Перевалов)	9
Душа (стих. И. Норицына)	10
Ночное небо... (стих. И. Норицына)	10
«О семье» (очерк, И. Ильин)	11
Грань (стих. Л. Кудряшова)	13
Что значит быть русским в эмиграции? (очерк, Т. Малеевская)	14
Тревога (стих. Марианна Колосова)	15
«Беседа о Маяковском» (доклад, А. Карель)	16
Время (стих., неизвестного автора)	19
Обыкновенно народ... (очерк, В. Соловьёв)	19
Осенний вечер (рассказ, К. Коровин)	20
Тёмной ночью (стих. И.Бочкарёв)	21
Миссия русской эмиграции... (неизвестного автора)	22
Письма про алые цветы (стих. К.Р.)	22
Исповедь палача (рассказ, неизвестного автора)	23
Лидочкино счастье (рассказ, В. Перелешин)	29
Фантазия (стих. А.А. Фет)	32
Хайларские воспоминания (Л. Мартин)	33
Засуха (воспоминания, Г.Н. Доценко)	34
Почему мы так говорим?	34
Двенадцать старых дев (рассказ, А. Кипен)	35
Ты вспомнишь обо мне... (стих. Е. Кашина)	39
Жизнь (стих. А. Белый)	39
Письма читателей	40
Заверну-ка в храм... (стих. свящ. А. Кузнецов)	40
Житейское море (рассказ, П. Балакишин)	41
Слеза золотая (стих. Валерий Возженников)	50
Мудрый царь (неизвестного автора)	51
«Мы все мечтою...» (Ася Ольшанская)	51
*Уголок родителей (см. стр. 11, «О семье», И. Ильин)	52
Приёмыш (рассказ, Д. Мамин-Сибиряк)	52
Наследство (рассказ, неизвестного автора)	53
Надежда на Бога (стих. Е.Г.)	53
Осенью (стих. С. Недолин)	53
С молитвой... (стих. М. Мурдасова)	53
Наши читатели – сами писатели:	
(Л. Гимадеева, К. Шемякина, М. Фёдорова, Женя Попов)	54
Добро и зло в сказках и жизни (Г. Ниценкова, К. Бегеева)	54
Наши читатели...: («Одуванчик», Арсений Бронников)	55
Добро и зло...: (С. Сухих)	55
Цыплёнок Тимка (рассказ, И.Лобода)	56
Смелые мальчики (неизвестного автора)	56
Тузик и его друзья (Т.Н. Малеевская, рис. автора)	57

Над номером работали: редактор Т.Н. Малеевская, Е.А. Якупова, А.П. Кокшарова.

Журнал можно приобрести в редакции «Жемчужины» - (07) 3343-14-29, в прицерковных киосках Св.Николаевского Кафедрального Собора, Св.Серафимовского храма и Св.Владимирской церкви (Рокли) в Брисбене, в киоске Покровского Кафедрального Собора в Мельбурне, в киоске Св.Покровского храма в Кабраматте, а также у следующих лиц:  
Э.И. Городилова (02) 9727-69-87, З.Н. Кожевникова (02) 9609-29-87.

Рисунки на обложке и к избранным текстам (иниц.) - работы Т. Малеевской (Попковой).



На Урале в г.И.Тура вышел  
2-ой сборник стихов  
эпич. Антонины Кузнецова

**«И кончатся календари...»**

Размер книги: А5, 135 стр., ч.-б. обл.  
За справками обращаться  
к автору:

Россия 624220,  
Свердловский обл.,  
г. И.Тура а/я 305  
Иринею А.Кузнецову.



**ВНИМАНИЕ!**

Издана 2-ая книга Ирины Лобовой, в которую  
вошли дополненная «ХАРБИНОЧКА» и целый  
рассказов «Улыбнитесь братьям меньшим»

За справками обратиться к автору:

Кувшино – Россия 680032  
г.Хабаровск  
ул. Гагарина 5 а, кв. 63  
Ирина Лобова



**ВНИМАНИЕ!**

В Сиднее вышел сборник рассказов  
**БРОНЗОВАЯ ВАЗА**  
- 7-ая книга Л.А. Ястребовой -  
Размер - А4, 68 стр.

За справками обращаться к автору:

Tel: (02) 9746-82-93

**ВНИМАНИЕ!**

Готовится к переизданию книга С.С. Троицкой

**«ХАРБИНСКАЯ ЕПАРХИЯ,  
ЕЁ ХРАМЫ И ДУХОВЕНСТВО»**

- исправленная и дополненная -

За справками обращаться к автору:

Tel: (07) 3391-70-27

**ВНИМАНИЕ!**

В Брисбене готовится к  
печати сборник  
статей, стихов и рассказов

**«СТРАНА ОTCОВ»**

Т.Н. Малеевской.

За справками обращаться в  
редакцию «Жемчужина»

(07) 3343-14-29

